

Юлия Фирсанова

Чудачка

Моим любимым дочуркам Элине и Елене посвящается

Пролог

Тост и предложения

На кухне одной обычной пятиэтажки

– Как Надька твоя вышку окончила-то?

Шел второй час обстоятельного женского разговора двух подруг. И что с того, что встречались они раз в полгода, а не созванивались по паре месяцев? От этого дружить не перестанешь, если есть родство душ, если на соседних горшках в детском саду сидели и умудрились пронести симпатию сквозь годы. Бывало всякое: ссорились, отбивали друг у друга поклонников, случайно рвали или сажали пятна на взятые поносить вещи. Но горшки, с которых все начиналось... Это такое дело, что на их фоне шмотки и мужики (которые конечно же все козлы) не котируются.

Вера Анатольевна Последняя и Нина Игнатьевна Корочкина сидели на кухонном диванчике, прихлебывали ликер «Бейлиз» (опустевшая бутылка кагора уже стояла у ножки стола). Закусывали спиртное сыром, шоколадными конфетками «ассорти» и трюфелями. Женщины периода «к сорока» и «чуть за сорок», очень неплохо сохранившиеся, трепались обо всем на свете. Зашла речь и о дочери Веры.

– Надежда? – Вера качнула рюмочкой и удивленно хмыкнула. – С красным дипломом вышла.

– Надька-а? – всерьез удивилась Нина и поправила на переносице очки.

– Сама в шоке, – гордо согласилась подруга. – В школе с тройки на четверку едва переваливалась, а тут нате вам. Но ты же знаешь мою, она всегда была...

– С прибабахом, – с пьяной прямоотой вставила Корочкина.

– Сейчас говорят «с нестандартным мышлением», – погрозила подруге пальцем Вера. – Я спросила у нее, чего так хорошо-то получилось, а она ответила, что в школе все время требовали подробно расписывать, как решаешь. А она не может, потому что цифрами это не расписывается, но ответ-то видит верный. А в ВУЗе от нее с вечными «как» отстали, когда поняли, что не списывает, – и пятерки пошли.

– Молодца! У меня тост! – провозгласила Нина. – За Последнюю Надежду!

– Все остришь, – незло хмыкнула Вера. – А вот выпьем! За дочку мою! За Последнюю Надежду!

Рюмочки звякнули, конфетные фантики зашуршали. Нинка же спросила:

– Устроила ее куда?

– А, – досадливо отмахнулась Вера. – Пока Мироедова в отпусках, помогает мне с сортировкой бумаг для архива. Знакомых прозвонила. Сейчас, сама знаешь, все хотят молодых, но с опытом. У Надьки пока даже трудовой нет. А чего, к вам ее хочешь взять?

– У нас же Степаныч, – со вздохом напомнила Нина, откинувшись на спинку диванчика. – От него и мужики-то с железными нервами бегут, если не ко двору пришлись. Секретарей с той поры, как Ольгуня, его племянка, со своим военным по переводу в Сибирь укатил, каждые три месяца меняем. Точно прокладки в бракованном кране. Хотя... Слушай! Если твоей Надьке только трудовая нужна... – оживилась кадровичка. – Так я ее возьму – Бибилов Леонид как исполняющий обязанности приказ о приеме подмахнет запросто. Пару недель потрется, Степаныч из отпуска выйдет, разок-другой наорет, сама сбежит. Зато какой-никакой опыт работы и трудовая будут. Ну как, годится?

– Чего ты у меня-то спрашиваешь? Надо у нее узнать. – Вера встала, подошла к двери и крикнула: – Надь, к тете Нине работать пойдешь?

Минуто-другую было тихо, а потом раздался звонкий голос:

– Пойду! – и из комнаты выглянула худышка с блеклыми сероватыми волосами, наглой россыпью веснушек на длинноватом носике и забавно оттопыренными в верхней части раковины ушками. Походила она скорее на какого-то зверька, по недоразумению ставшего человеком, чем на обычную девушку. Красавицей Надю никто не назвал бы и спяну, но ничего отталкивающего в ее внешности не было. Она просто выглядела иначе.

Не может быть дерево подобно человеку и не стоит растению равняться на людей. Другое оно! Вот так и Надежда Викторовна Последняя к категории хомо сапиенс принадлежала с большой натяжкой просто потому, что никаких иных «сапиенсов» на Земле не водилось уже миллионы лет. А она почему-то появилась. К добру ли, к худу – кто ведает?

Надька и сама давно поняла, что не похожа на других. Поначалу думала, ей только кажется и все притворяются, что не видят и не чувствуют так, как она. Потом, когда догадалась, что не шутят, недоумевала, почему все остальные – не такие? К счастью, мама Вера смеяться, таскать ее по врачам или пытаться сделать из дочери нормальную не стала, в отличие от папы. Виктор выходок дочки не выдержал и сбежал, когда той едва минуло полтора года, оставив им небольшую трехкомнатную квартиру.

Так и росла Последняя Надежда под крылышком у матери, которая, как только уяснила, что дочка понимает слова, сказала: «Надюшка, быть как все любой дурак сможет. А тебе на роду иное написано! Будь собой!»

Позиция ли матери или собственный слегка флегматичный склад характера помогли, но Надежда себя моральным уродом не считала. Приняла свою инаковость с легким сердцем. Нет, как флагом на баррикадах не размахивала, но почти гордилась школьным прозвищем «Надька-чудачка». Ей казалось естественным видеть вкус и запах в цвете, воспринимать речь и всех окружающих картинками-образами, а любые решения, от рецепта супа до математической задачки, искать в сплетениях ассоциаций-символов. Ну и пусть чудачка, зато ей было ужасно интересно жить!

Спустя полгода

Степаныч, он же Гаврилов Геннадий Степанович – генеральный директор и по совместительству единственный (пятьдесят процентов у супруги) акционер одной весьма крупной производственной фирмы, хитро, с превосходством поглядывал на друга. Вадим же пытался уместиться в кресле с явным недоумением на лощеной физиономии.

Поерзав и расстегнув одну пуговицу на пиджаке, он заговорил первым. Не выдержал!

– Это и есть твоё сокровище – Наденька? Ген, я все, конечно, понимаю, о вкусах не спорят, но у нее не то что взглянуть, даже подержаться не за что. Неужто в делах такая профи?

– Сейчас, погоди, – подмигнул Степаныч.

Дверь в кабинет приоткрылась. Внутрь скользнула худенькая фигурка с подносом. Беззвучно встали на столешницу чашки. Одна с крепким кофе без сахара, вторая с чашечкой подогретых сливок, третья с зеленым чаем, распространяющим аромат бергамота. Чаем не из висельника-пакетика, а хорошо заваренным листовым. Рядом легла папка с бумагами, и странная девушка растворилась за дверью.

Степаныч с видимым удовольствием пригубил чай, Вадим задумчиво поглядел на свои чашки. Именно так он и предпочитал пить кофе, доливая горячие сливки по вкусу.

– Ну... инструкции она у тебя хорошо исполняет, – долив толику сливок и сделав первый глоток, нехотя согласился собеседник. – Но все же...

– Я ничего ей не говорил, вообще не предупреждал, что сегодня возвращаюсь из командировки, она у меня по завтрашнее число, – небрежно бросил Степаныч.

- Значит, слушать и собирать информацию хорошо умеет, – поставил очередной плюс странной секретарше Вадим. Но некоторое пренебрежение человека, который внешнюю эстетику ценит не меньше внутреннего содержания, в интонациях мужчины чувствовалось.

- И не сообщал никому, что с тобой в офис подъеду, – добил собеседника Гаврилов.

- Тогда как? – вскинул брови в легком изумлении Вадим и почесал когда-то перебитый нос.

- Не знаю, но я Надьку ни на кого не променяю! Видел бы ты, как она Ерофеева из офиса вытурила! – Степаныч мечтательно прижмурил глаза. – Сказка! И ведь ни единого грубого слова! Только чай с мелиссой, кокосовые печенья и ангорский свитерок!

Вадик поспешно поставил чашку с кофе на стол и согнулся от хохота. Так тонко ударить по невозможно прилипчивому жулику-аллергику, ухитрившемуся нагреть старых приятелей на нехилую сумму, – о, это надо было суметь!

- Где ты ее такую откопал? – отсмеявшись, выдал вопрос старинный друг.

- Нинка, кадровичка моя, у знакомых отыскала, – раскололся Гена.

- Там еще такой красотули не завалялось? – небрежно уточнил Вадим.

- Нет, Надька одна такая, – гордо задрал нос обладатель уникальной помощницы. – Да и я хорош жук – поначалу-то тоже не понял, какое сокровище захапал. Орал на нее, думал, уйдет. А она мои вопли выслушает, кивнет и сделает как надо. Не как я просил, а как надо, Вадь! Я ей велел договор срочный отправить, а она забыла. Так на следующий день такое о партнерах узнал, что хоть самому за курьерами беги, бумаги перехватывай. Иначе потом на судах разоришься! А она его не отправила! Тогда я ей первую премию выписал и орать перестал. Да и не действует на нее ор. Ты вопишь, а она на тебя как на пса брехливого смотрит – с эдаким задумчивым интересом. Самому неловко становится. Бухи ее обожают. Как какой отчет не сходится, они ей пачку на стол: «Надь, где ошибка, глянь?» Она им пальцем наугад куда-нибудь тыкнет – бегут пересчитывать! И ведь ни разу не ошиблась!

- Повезло тебе, – с откровенной завистью резюмировал собеседник, чей секретарь хоть и обладала модельными формами и двумя корочками о высшем образовании, столь выдающимися сверхъестественными талантами похвастаться не могла.

Глава 1

Странный презент

Уютная приемная, наполненная тихим жужжанием офисной техники, содрогнулась от грохота входной двери, синхронного гула медной чеканки над притолокой и громовых раскатов начальственного голоса:

– Надюшка, я вернулся!

– Добрый день, с приездом! – улыбнулась Надя шефу, не поднимаясь из-за стола и не прекращая подкалывать в папку свежие договоры, поступившие от клиентов и подрядчиков.

– А чай, Надюш? – обиженно надул губы мужчина, видя, что ассистентка не спешит ему навстречу.

– На столе, еще горячий! И печеньки соленые поставила, папка с документами на подпись – слева. Там то, что срочно. В лотке вторая. Может подождать, – отчиталась девушка, продолжая педантичную упаковку договоров в файлы и папки.

Степаныч довольно хмыкнул:

– Отлично! – и, шлепнув портфель на край стола помощницы, защелкал замком. – Тогда держи маленький сувенир от немецких буржуев! Будешь им минералку открывать!

Шеф запустил руку в портфель и хлопнул на стол, прямо на файл с контрактом миллионов эдак на тридцать, серый комок грязи, засохшей до состояния бильярдного шара.

Надя заинтересованно скосила глазки на «подарок», приподняла одну бровку и констатировала:

– Спасибо, Геннадий Степанович, но я не уверена, что справлюсь с открыванием бутылок этим...

– Почему? – удивился шеф, только теперь опустил взгляд на стол и ругнулся. В переводе с истинно русского языка производственников это значило: «Че за фигня?»

Похоже, начальник вовсе не собирался презентовать Надежде окаменевший прах земли немецкой.

Продолжая сердито пыхтеть, босс вторично запустил пятерню в портфель и вытащил маленький красивый пакетик с фирменным логотипом. Лично открыл и достал-таки из него не новый тяжелый образец зарубежной почвы, а брелок-открывашку с видами городов, красиво упакованный в коробочку с прозрачным верхом. Следом показалась на свет картонка с фирменным шоколадом.

– Ума не приложу, как эта дрянь в пакете очутилась? Если только... Ну конечно! То-то у моего кресла в зале ожидания какой-то хиппи вонючий крутился. Дреды на башке, травкой пахивал. Его работа! Ну попадись он мне где! – Крупный кулак шефа сжался, наглядно демонстрируя перспективы награды для шутника. – Отправь, Надюшка, эту дрянь в мусорку! Вдруг заразно? Хорошо еще, ты все в файлах держишь, бумаги не заporоли!

Бурча себе под нос что-то о долбанутых укуренных придурках, Степаныч потопал в рабочий кабинет. Надя осторожно потрогала пальчиком комок грязи. Почему-то ей совсем не хотелось его выбрасывать. Не может комок противной грязи сыпать сиреневыми искорками и приятно греть руку! Положив неизвестный объект в пустой файл вместо пакета, девушка спрятала его в нижний ящик стола, чтобы хорошенько рассмотреть в конце рабочего дня. А шоколадку распечатала и оставила на краю стола. Пусть любой желающий угостится! Правда, для мамы кусочек отломала, завернула в салфетку и убрала в сумочку. Вдруг ей интересно попробовать?

Едва спрятала загадочный заграничный презент, забулькал селектор, посыпались

привычные задания от Степаныча: соедини, распечатай, вызови на ковер и так далее, и тому подобное...

Серый комок грязи ни сразу, ни потом на помойку не отправился. Надя привычно проигнорировала ложное указание шефа. Файл со странной зарубежной землей пролежал в ящике все семь часов. Девушка дождалась конца рабочего дня, когда семейный народ разбежался по магазинам и домам, а молодежь отправилась гулять, ловя последние теплые деньки. Тогда-то чудачка и приступила к реализации задуманного. Засохшую корку грязи Надюшка раздолбила молотком из подсобки на старом рекламном проспекте прямо на полу за своим креслом. Корка раскололась, как скорлупа ореха, выпуская странное содержимое. Его девушка осторожно отмыла в раковине под теплой водой.

Теперь Надежда вместо того, чтобы ужинать дома с мамой, сидела за столом и крутила в пальцах теплый, приятный на ощупь предмет. Для нее он мягко переливался фиолетовым. Для всех остальных, к чему давно уже привыкла Надя, безделушка, скорее всего, от заурядной поделки не отличалась. Обычная побрякушка, каких в любом сувенирном магазинчике масса.

В вечерней тишине приемной девушка любовалась подвеской из темного металла. Кинжал, прялка или большая игла – непонятно, что именно, – вплавленная в солнце с танцующими протуберанцами лучей. Символы сплетались воедино столь органично и так естественно перетекали один в другой, что невозможно было представить украшение без этой целостности.

Теплый светящийся металл, слишком тяжелый для серебра, уютно лежал на ладони, и пребывание его на сомкнутых пальцах казалось удивительно уместным и правильным. А еще более правильным, как ощутила Надежда, стало бы другое. Девушка расстегнула цепочку с черепашкой из серого кошачьего глаза и прицепила на нее «солнечное веретено-иглу». Тяжелое украшение легло на грудь, принося чудесное умиротворение. Рядом или где-то в невообразимом далеко раздался умиротворенный, удивительно единый и разноголосый вздох, слившийся со вздохом Нади:

– Наконец-то ты нашлась!.. – Отыскалась!.. – Явилась!..

Неизвестные говорили одновременно, но не по отдельности, создавая шум и перебивая друг друга, а *вместе*, дополняя и поддерживая почти музыкальные партии отдельных голосов – как различные инструменты в оркестре.

– Я не терялась, – резонно возразила девушка, никогда не блуждавшая даже в лесу у дачи, не то что на городских улицах. Она всегда знала нужную дорогу, даже если впервые оказывалась в незнакомом месте. Видеть путь и знать местность – это ведь совершенно разные разности. Но даже любимая мама ничего не могла понять из объяснений дочки. Хорошо хоть не считала чокнутой и принимала такой, какой Надя была.

– Нашлась для нас, – последовало единодушное хоровое уточнение с последующим, распавшимся на разные, одновременно звучащие голоса, продолжением: – Ты согласна работать на нас?.. – Ты принимаешь свой путь?.. – Служение?.. – Судьбу?..

– А можно подробности? – уточнила Надя, скорее ради того, чтобы продлить ощущение льющегося на нее тепла и радужного света, нежели потому, что ее действительно интересовали какие-то фантастические подробности беседы с незримым, но осязаемым собеседником.

Впечатление противоречия при этой беседе приятно щекотало нервы. С одной стороны, Надя была уверена, что с ней беседует кто-то один, и в то же время ее не покидало ощущение множественности собеседников.

Девушка любила удивляться, любила все необычное. Будь иначе, давно бы сошла с ума от собственной инаковости.

– Мы прозреваем многое, но не все. И иной раз множественность путей, являющаяся взору, не позволяет сделать наилучший из выборов. Ты, Плетущая Мироздание, чудом выросшая в закрытом мире без магии, где нет доступа к струнам ткани миров, открыла

свою суть иначе. Ты способна видеть сквозь Великое Полотно Творца и прозревать тот самый... – Оптимальный!.. – Гармоничный!.. – Удачный!.. – Наилучший! – Верный!.. – ПУТЬ!!!..

Все эти слова-перечисления опять прозвучали одновременно, словно голос говорившего распался на несколько разных голосов или они, эти голоса, сказали *одно* слово, вобравшее в себя все значения и смыслы происходящего. Только слово «путь» голоса произнесли вместе – а вернее, они опять стали одним голосом.

– Значит, вы меня зовете куда-то на работу? – удивилась девушка, машинально поглаживая теплую светящуюся вещьцу, подарившую ей беседу со странным созданием.

– Мы... да... зовем... – Предлагаем... – Идти никуда не надо... – Ты все увидишь и здесь... – Твой старинный знак с крупницей силы из магических миров открыл нам доступ к тебе... – Тебе – дорогу к этой силе... – Сотворил мост...

– Если никуда не надо идти, то как я смогу работать на вас? – вполне здраво уточнила Надя.

– Мы попросим... – Покажем... – Ты увидишь и расскажешь нам о том пути, который выбрала. Мы верим... – Знаем... – Не сомневаемся... – Голоса опять разделились и зазвучали одновременно раздельно и в унисон. – Что ты выберешь... – Подскажешь нужный...

– Я даже законов ваших не знаю. А вдруг выберу что-то лучшее, но преступное? – засомневалась Надя.

– Мы найдем законника, – на миг озадачились и тут же просияли от сознания собственной гениальности собеседники.

– Тогда я согласна, – просто согласилась девушка на авантюрное предложение неизвестных. – Только вы сами кто?

– Мы? – недоуменно моргнуло пространство и снова засветилось. – Мы Силы Двадцати и Одной! – Мы не подумали! – Ты из закрытого мира! – Ты не знаешь. – Мы покажем! – Смотри!

И голова Надежды взорвалась вихрем красок, звуков, энергии и болью сознания, хоть и привычного к необычности восприятия владелицы, но никогда еще не подвергавшегося давлению такой интенсивности. Когда буря в голове после вечности мучений улеглась, Надя обнаружила, что валяется на полу рядом с любимым креслом на колесиках, и кто-то далеко, на периферии слышимости, жалобно завывает:

– Мы не знали!.. – Мы не подумали!.. – Мы не рассчитывали!.. – Надо было быть осторожнее!.. – Уменьшить ширину канала...

– Я так и поняла, – кряхтя, согласилась Надя и тут же сморщилась, когда в ее голове радостно завопили:

– Она очнулась! – Пришла в себя! – Она в порядке!

Голова снова едва не раскололась напополам от криков... Сил. В этот миг девушка поняла: что бы ее новые знакомые ни делали, но своим непродуманным «покажем» они разом впихнули в ее голову громадный массив новой информации. Чего тут только не было: данные о множественности и структуре миров, организации управления в них, о массе причудливых созданий, эти миры населяющих, а не только о собственной... пусть будет личности. Если к Силам Двадцати и Одной это понятие применимо. Поскольку ее бестелесные собеседники являлись объединением пары десятков сверхмогущественных сверхсущностей, покровительствующих множеству миров, приносящих в них гармонию и развивающих таланты. В отличие, скажем, от таинственных Сил Равновесия, следящих за соблюдением баланса, или Сил Времени, регулирующих временные потоки в мирах.

Или Силы Двадцати и Одной ничего и никуда не впихивали, а просто перекинули ей от себя «кабель подключения»? Узенький с точки зрения сверхъестественных сущностей, у которых никогда не было физической оболочки, и слишком широкий для того, кто родился и рос в материальном теле в мире без магии. При всех своих то ли способностях,

то ли проклятиях Надя оказалась не в состоянии безболезненно перенести процесс «втыкания штекера в разъем». Хорошо еще не сошла с ума окончательно, а лишь ненадолго выпала из реальности. Зато теперь... Пожалуй, за это новое понимание происходящего девушка готова была с легкостью простить новым знакомым их непродуманный поступок.

Поняв, что перестарались, Силы торопливо пообещали «заглянуть завтра» и откланялись. Словом, поступили точно так же, как на их месте поступил бы каждый второй из проштрафившихся людей – смылись подальше от эпицентра проблемы.

Надежда же еще чуть-чуть посидела, чтобы перед глазами даже при закрытых веках перестали плавать разноцветные круги, квадраты и иные геометрические и не очень фигуры, а в ушах исчез колокольный перезвон, смазала ушибленный локоть мазью из офисной аптечки и отправилась домой. Три квартала – не расстояние. Даже погулять толком не получится, если нарочно не идти в обход, через сквер, дворы и магазины.

Мама все равно, наверное, уже дома, и ей можно будет показать кулон и рассказать про странное знакомство. Она точно все поймет и поверит, всегда верила! Как здорово обсудить с ней потрясающую новость!

Надя шла по тротуару, помахивая сумочкой и мечтательно улыбаясь. Осенние лучики скользили по коже, уже не грея, лишь нежно глядя.

– Последняя! Эй, Надька-чудачка! Как жизнь?! Все еще радужные глюки ловишь? – Со стоянки авто перед супермаркетом драл глотку толстый краснощекий парень, по-хозяйски хлопнувший руку на капот, наверное, дорогого авто. (В машинах Надя не разбиралась совершенно. Могла отличить разве что легковушку от грузовика.)

– Я иду по радуге, а ты выцветаешь, Толик, – проронила девушка, отвечая бывшему однокласснику.

– Это кто выцветает? – Толик из неизменно румяного стал бордовым.

Молодой мужчина, настроенный привычно поиздеваться над бывшей одноклассницей, уяснил, что привычная забава не удалась. Кажется, унижил не он, а его. И вместо того, чтобы отступить или обернуть издевку шуткой, повел себя совершенно не по-взрослому. Возможно, свою роль сыграл старый шаблон поведения, толкнувший его «на подвиги».

Изо рта Толика полилась отборная брань, смысл которой сводился к сакраментальному «сама дура!».

Надя даже не оскорбилась и не расстроилась. Она давно уже привыкла не реагировать остро на подначки людей. А не то неизбежно оказалась бы в психиатрической больничке с нервным срывом. Наоборот, девушке неожиданно вспомнились старый анекдот про женскую логику скандала и фраза «сама решила, сама обиделась».

На фоне сегодняшнего волшебного явления Сил неостроумные издевки и брань бывшего одноклассника показались Надежде ничтожно мелкими и не стоящими внимания. Она заулыбалась и так, с улыбкой, зашагала дальше.

А Толя все разорялся и доорался-таки до результата. Но совсем не того, на который изначально рассчитывал. Хлопнула дверца машины, и из нее выскочила очень эффектная златовласая девица со стрижкой каре и впечатляющими формами.

Бросив кавалеру:

– Ты тут еще легкие потренируй, а я спешу! – Девушка стремительно понеслась от авто и скандалиста, выстукивая каблучками по асфальту задорную дробь.

– Люба! Стой! Подожди! Я!.. – растерянно вякнул Толя, собрался было бежать, сделал два шага, вернулся к машине, торопливо захлопнул двери, чтобы включить сигнализацию.

И безнадежно опоздал! Красотка уже скрылась за углом магазина, впрочем, как и Надежда с простой фамилией Последняя. Блондинка догнала Надю и, пристроившись рядом, заговорила:

- Привет и спасибо! Не знала, как от Толика отмотаться. Липнет хуже жвачки на юбку. А тут такой шанс подвернулся! Здорово ты его опустила! Тусклой серостью обозвала! Такой он и есть! Я, кстати, Люба! А ты – Надежда! В нашей компании только Верки не хватает!

- У меня мама – Вера, – поддержала разговор Надя, невольно заразившись энтузиазмом бойкой девицы и ее желанием общаться, отливающим ярко-желтым и пахнущим апельсинами. Попутно поняла, что в очередной раз сделала и сказала нечто, истолкованное окружающими превратно. Обижать Толика ей не очень-то и хотелось, она просто-напросто, как обычно, сказала чистую правду.

- О, блеск! – восхитилась Люба. – А фамилия у тебя – вообще закачаешься! Вот взять мою – Болотова, так ее вечно с ударением на второй слог произносят, куда ни явись. Даже в Туле, хотя у них там свой ученый с такой фамилией жил! Короче, завидую!

Для Надежды стал неожиданным сам факт зависти к ее набившей оскомину фамилии, по которой с детского сада до института не потоптался разве что ленивый. Каждый мнящий себя остроумным тип так и норовил продемонстрировать окружающим чувство юмора, сочиняя шуточки насчет Надьки.

Веселый треп ни о чем стал новым и очень приятным опытом. Раньше у Нади никогда не получалось сблизиться с кем-то настолько, чтобы можно было беспечно болтать о пустяках.

В садике, когда дети еще мало что соотносят в отличиях друг друга, даже мальчиков и девочек распознают лишь по шортикам и юбочкам, Надя никак не могла понять, почему ее сверстники не видят цвета и вкуса слов, не ощущают красок живого мира так, как видит и чувствует она. Результатом стали отчуждение и дразнилки.

Надежда перестала рассказывать о себе, но было поздно. Слава фрика в небольшом городке, где число районов можно пересчитать по пальцам одной руки, а от садика до школы два квартала и все знают друг друга с пеленок, – закрепились за ней крепко-накрепко. Как Надя ни пыталась притвориться обычной девочкой, уже ничего не получалось.

Это вот приезжая Люба ничего о чудачке не слышала, потому и болтала так беспечно. Надька, наученная горьким опытом неудавшихся дружб, молчала, позволяя спутнице солировать. Лишь изредка вставляла словечко-другое.

Общительная блондинка между тем уже прочно записала молчаливую девушку если не в подруги, то в лучшие приятельницы, и нахально объявила:

- Слушай, Надь, а ты никогда не хотела покрасить волосы? Мне кажется, тебе, как и мне, светлый тон пойдет, только не золотистый, а платиновый.

- Не знаю, – наморщила носик Надежда, слегка выбитая из колеи неожиданным предложением. Причем выбитая, пожалуй, даже больше, чем недавним знакомством с бесплотными высшими созданиями.

- Не попробуешь, не узнаешь! – категорично объявила Любка. – Давай запишу тебя к хорошему мастеру. Саня – золотце, все в лучшем виде сделает! Я Сане звякну, окошко точно найдется, и на выходных кардинально поменяешь имидж! Пусть все те козлы, которые тебя не ценили, ахнут!

- Зачем мне восхищение козлов? Я не капуста, – пожала плечами Надюшка.

- Ну, пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста! – неугомонная Любка молитвенно сложила ладошки и запрыгала вокруг новой лучшей подруги. А в том, что ее, Надю, в эту секунду записали в данную категорию, девушка не сомневалась. Она не понимала многих совсем обычных вещей, но кое-что другое видела и чувствовала превосходно.

В конце концов, смена цвета волос – не такая уж великая плата за настоящую дружбу. Не налысо же ее эта Саня обкорнает, ну а цвет... Не понравится, отрастут со временем прежние. Если же и налысо – Степаныч переживет, он ее за работу, а не за морду лица ценит. А мама привыкла к любым закидонам дочки. И вообще можно парик купить.

Словом, Надя дала согласие на экзекуцию, и Любка, спешащая по срочным делам, упрыгала дальше, довольная-предовольная, не преминув оставить свой телефон Надежде и вытребовать взамен ее номер.

Домой Надюшка входила, счастливо улыбаясь и мечтательно жмурясь.

– Ты сегодня такая радостная, – отметила мама.

– Много хорошего, волшебного, совсем невероятного случилось, – рассиялась солнышком Надя.

– Неужто влюбилась? – всплеснула руками Вера.

– Фу, нет, конечно, – небрежно отмахнулась Надежда. – Я познакомилась с замечательной девчонкой, ее Люба зовут.

Мама, пуганная всякими передачами о нетрадиционных отношениях и знакомая с необычностью дочери, насторожилась. Конечно, она будет любить свою Наденьку всякой, но так хотелось понянчить внуков...

– Люба Болотова предложила мне дружить. В выходные вместе пойдем в парикмахерскую, а потом гулять. Кажется, у меня будет подружка. А еще сегодня такое случилось... – Надя вытащила из-под блузки кулон и гордо продемонстрировала матери.

– В «Гармонию» заходила с подружкой? – перевела дух мать.

Ее кровиночка оказалась нормальной, а что парня хорошего до сих пор домой не привела... Так где их, хороших, найти? Через одного форменные придурки. Как-то мама с подругой договорилась, домой дельного с виду паренька пригласила, чтобы с Надькой познакомить. И что? Ничегошеньки не вышло. Это любой другой можно красивыми словами голову задурить, а дочка сразу ложь, фальшь и гнильцу чует. Не только романа, знакомства толком не вышло.

Надя, как увидела Ярика, сразу из дома сбежала. А потом по секрету призналась, что тухлятиной от него пахло и цветом он весь, как плесенью подернутый. Можно было бы, не знай Вера дочь, подумать о вранье, но через месяц парень под следствием оказался. Будущий медик попался на краже лекарств в больнице.

– А еще я видела... или слышала, – Надя застыла с поднятой ногой и замерла в процессе смены уличной обуви на домашние тапочки.

Вздохмаченная цапелька с вытаращенными глазками получилась подозрительной. И мама снова чуть-чуть насторожилась. Куда опять влипла ее Надька? И что ей, чуду в перьях горемычному, привиделось?

Надя попыталась неловко, потому что слова любого языка скверно подходили для передачи сверхъестественных впечатлений, заговорить. Описать словами эти внутренние ощущения, несвойственные большинству людей, было почти невозможно. Если никто до нее этого не описывал, не выдумывал звуков и символов для передачи подобной информации, то куда ей?

С литературой, как и с любым другим видом искусства, у девушки отношения хронически не складывались. На сцене или экране актеры разыгрывали одно, а она со своим вкусоцветовосприятием реальности видела совсем другое. Любовь на словах, а цветные ниточки, сполохи вокруг людей говорили о неприязни, равнодушии или вообще о болях в животе. И как такое смотреть?

Книги же... Фактически Надя не могла читать их так, чтобы наслаждаться перипетиями сюжета, переживать за героев, потому что опять-таки видела свое. Видела каждую лживую строчку, темными кляксами марающую даже самый увлекательный для остальных текст. Большинство признанных классиков прочно вошло в топ неприязни Последней Надежды. Потому что если автор пишет о высокой нравственности, а наружу выступает ханжеская немощь старика, то о каком назидательном эффекте может идти речь?

Нет, конечно, и среди признанных гениев были истинные. Девушка любила музыку Моцарта, стихи Пушкина, прозу Чехова. Но на одного автора, который творил именно так, как чувствовал и думал, приходилось с сотню врунов. Вот такая беда, которую объяснить требующим на уроке ответа учителям не представлялось возможным.

Мама выслушала рассказ терпеливо, как слушала любые речи, казавшиеся неподготовленному человеку сущим бредом. Но на сей раз вместо понимания на лице Веры выступили замешательство и жалостливое сомнение.

Выдуманные друзья у Веры Анатольевны Последней где-то в подкорке были прочно записаны в число признаков помешательства. И вот теперь ее необычная девочка вещала о каких-то силах, поведавших об исключительной Надькиной избранности. Ой-ой! Мысленно Вера принялась листать записную книжку и искать знакомых, способных свести с хорошим доктором.

На ум приходил только добрый приятель – одноклассник Ванечка, ставший главным врачом областной психбольницы. Но даже встревоженной маме начинать поиск подходящего лекаря с Ванюши показалось чрезмерным. В конце концов, не бегают же ее девочка с топором по улицам?! На людей не кидается?! Может, с подружкой начнет общаться, так всю дурь из головы выдует?

Потому Вера сделала вид, что не обратила внимания на путаный рассказ дочери, а та, глянув разок на мать, поняла: убеждать и что-то доказывать бесполезно. Да и нет у Нади таких доказательств, чтобы в руках подержать, потрогать, на зуб попробовать. Красивый кулон, полыхающий в ее глазах всеми красками радуги, для любого другого лишь безделушка абстрактной формы.

А надо ли доказывать? Привыкшая делиться самыми интересными новостями с мамой как с единственным близким человеком, Надежда вздохнула и прикусила язык. Кажется, отныне общение с Силами будет ее личным делом.

Может быть, это и правильно? То, что случается вне мира, и должно оставаться вовне? И пусть мама не видит, не чувствует и никогда не услышит Сил Двадцати и Одной, никогда не воспримет мир так, как это само собой происходит у Нади. Не так уж это и важно! Главное, ее любят и готовы если не верить каждому слову, то принимать такой, какая она есть, со всеми выдуманными и реальными закидонами. А еще варят любимые супы!

Черпая ложкой желтую гущу разваренного до пюре гороха, Надежда снова задумчиво улыбалась своим мыслям. Мама Вера сидела напротив, подперев щеку ладонью, и смотрела на дочку.

Глава 2

Раз пошли на дело...

Через полчаса, после ужина и душевного разговора с мамой, Надя отлучилась в туалет. Когда она пребывала в уголке задумчивости, ощутила подозрительное колебание не то воздуха, не то энергетического поля, или как это еще должно называться с метафизической точки зрения? Пока девушка сообразить и точно идентифицировать происходящее оказалась не в силах. Зато она явственно ощущала малиновую вину, смущенное мерцание и радужные переливы на периферии зрения. Первым делом Надюшка перешла из санузла в свою комнатку. Силам, может, и все равно, а ей беседовать с ними на толчке как-то не комильфо.

– Добрый вечер, – первой поздоровалась Надя.

– Ты сердишься? – Обижена? – Боишься? – робким разноголосым хором уточнили незримые обычным людям собеседники.

– Нет. На что? – удивилась девушка, отвечая разом на все вопросы.

– Тебе было плохо! – Мы не подумали! – Не рассчитали! – Информационный канал подали, слишком широкий для человека... – вздох затараторили Силы Двадцати и Одной, по привычке вопя всем хором из двух десятков единых голосов.

– Зато я столько сразу поняла, узнала и почувствовала, – постаралась утешить Надя тех, кто явно переживал не только за успех своей миссии, но и за ее здоровье. – Я вообще не понимаю, как вы смогли мне столько всего разом объяснить и показать. Это стоило небольшого дискомфорта!

Почему-то Наде казалось, что от присутствия Сил к ней идет уютное пушистое тепло. Не могли ее новые знакомые сознательно желать ей зла, а потому и упрекать их по большому счету было не за что. Не смогли просчитать результат, вот и вышло – «хотели как лучше, а получилось как всегда». Хотя и как лучше, кажется, тоже случайно получилось и, пожалуй, даже лучше, чем хотели.

– Если бы я всего того, что вы мне разом открыли, не поняла, то и вас понимать толком не смогла бы. В моем мире люди такого не знают. А еще, мне кажется, я теперь вас и без кулона на груди отлично почувствую.

Девушка для проверки сняла подвеску. Положила ее на полочку, отступила на шаг и довольно улыбнулась:

– Точно! Ничего не изменилось! Я ощущаю ваше присутствие и слышу вас.

Мысленно Надюшка возликовала: случись ей потерять волшебное украшение, связь с Силами не исчезнет.

– Кулон – старый след!.. – Хранил отпечаток проводника!.. – Пробудил!.. – Открыл доступ!.. – Не нужен больше... – Ты сама проводник и путь!.. – снова восторженно загалдели Двадцать и Одна.

– Только сомневаюсь, нужна ли я вам и смогу ли чем-то помочь... – закончила Надя свою мысль.

– Ты сможешь, – с абсолютной убежденностью объявили новые знакомые и, вероятно, потенциальные работодатели Надежды. – В природе твоей восстанавливать Ткань Мироздания, расплести неправильные узлы и штопать прорехи!

На сей раз Силы были единодушны в своих утверждениях, и голос опять звучал как один, без намека на немалое число собеседников.

«Какая-то мистическая супершвея получается», – мысленно фыркнула Надя, но пререкания оставила. Уж больно интересно все было! Нужна Силам загадочная швея, она ею будет, если сможет. Ведь так здорово ощущать себя частью чуда, быть рядом с ним.

Обрадованные Силы Двадцати и Одной взорвались немыслимым вихрем энергий и цвета, от которого в нетренированной голове девушки зашумело, как от бокала вина, и похвастались:

– Мы нашли законника! Можно начинать работу!

– Нашли? Когда и как нам встретиться? – деловито уточнила Надя.

– Зачем? – удивились бесплотные собеседники. – Мы развернем экран связи! – Вы сможете общаться! – Прямо сейчас!

Прежде чем девушка успела что-то спросить про загадочный экран, его действительно развернули и включили. Осталось только мысленно порадоваться, что она не завела разговор с Силами в туалете, а то, пожалуй, экран ее новые странные знакомые могли включить и там. Словом, девушка мгновенно увидела мужчину. Не слишком опрятного, полного и едва ли трезвого, судя по большому бокалу, двум бутылкам на столе и одной их товарке, притаившейся между ножками стула.

– Дарсен Виндер, – торжественно представили свою находку Силы.

Тот, как раз потянувшийся сделать очередной глоток из бокала, поперхнулся не то недопитым вином, не то воздухом. Закашлялся и просипел:

– Предупреждать надо, о Великие!

– Надежда, это лучший знаток законов основных миров Узла нашего Уровня и нескольких сопредельных.

– Очень приятно, – вежливо, все-таки дареных юристов алкотестером проверять не принято, поздоровалась девушка.

Зато «дареный юрист» тактичностью и вежливостью не страдал. Бумкнув бокал на стол, впился взглядом в худенькую фигурку Нади и уточнил:

– Это, что ли, ваше сокровище? Какое-то оно заморенное и страшненькое. Ее что, луну не кормили?

– Я сама ем, – пропыхтела Надя, пытаясь понять, нравится ей комковатое переплетение цветов и вкуса, олицетворяющее Дарсена Виндера, или нет. Какое-то оно оказалось спутанное и будто подернутое не то пылью, не то ржавчиной или вовсе накипью. Будь юрист кастрюлькой, в руки так и просился бы какой-нибудь убойной эффективности гель, отмывающий все.

– Видать, плохо получается, – сварливо резюмировал юрист.

– Ну... не у всех же есть выходит, как у тебя пить, – неожиданно для себя огрызнулась Надя, и Дарсен в ответ не обиделся, а удивительно звонко, по-мальчишечьи, расхохотался, одним махом отодвигая бокал и бутылку на край стола. – Уела! Итак, к делу! Чем озадачите, о Великие, скромных смертных?

– Мы не знаем, как поступить, – совершенно по-человечески или искусно подражая людям, признались Силы Двадцати и Одной. Хоровой вздох, раздавшийся одновременно и вразной, был весьма эффектен.

– Конкретнее, – потребовал подробностей законник, откинувшись на спинку высокого кресла, и прикрыл глаза, готовясь к работе.

– С нас требуют денег, – конкретизировали Силы.

Юрист, настроившийся выслушать серьезную проблему, снова поперхнулся не то остатками вина, не то воздухом.

– С вас? И кому же и с какого перепоя этакая гениальная мысль взбрела в голову, о Великие?

Силы снова вздохнули и принялись рассказывать, одновременно являя или транслируя (с точностью определения Надя затруднялась) картинки-кадры иной реальности.

Оказывается, у Двадцати и Одной, как у практически любого бога в мирах, имелись свои храмы, открытые для доступа любому желающему. Издревле в храмы допускались все, и никогда за право ступить под их своды ни с кого не требовали денег. Силы вообще не занимались сбором пожертвований и приношений. Зачем им, бестелесным, материальные ценности? Если что надо, они материализуют, нарушая извечный людской закон сохранения энергии: «Ничто из ничего не берется». Еще как берется, если знаешь способ и обладаешь должным могуществом.

Так вот, один из храмов Сил Двадцати и Одной располагался на землях условно ничейных, то есть принадлежащих им с давних пор, и соседствовал с владениями смертного. Его заливыми лугами.

Надежда и, наверное, Дарсен тоже, узрели величественное, весьма эклектичное здание из светло-серого с проблеском радужных искр камня, каким-то чудом умудрявшееся выглядеть гармонично при всем диком смешении стилей от строгого классицизма до причудливого не то рококо, не то барокко в сочетании с немыслимой этникой.

Таким был храм Сил Двадцати и Одной, гостеприимно распахивающий врата любому паломнику. Раскинулся он на разнотравных диких лугах под невероятно ярким синим-синим небом.

А поодаль лежали заливные луга собственника-жалобщика. Тоже вроде как зеленые и сочные, но лишенные того буйного разнообразия, каким могли похвастаться прихрамовые территории. Одни луга перекачивали зеленые волны, другие служили для выпаса забавных животных, чем-то похожих на крупных коз с разноцветной (синей, зеленой, голубой, оранжевой, желтой) шерстью.

Именно эта территория и стала камнем преткновения. Ушлый травовладелец посмел утверждать, что паломники топчут его прекрасные луга и пугают скот, когда прутся в храм. В качестве компенсации он потребовал с Сил плату в звонкой монете.

Вроде и не очень большую, но постоянную. Опять же – прецедент. Одному заплатишь, второй счет выкатит, а там такими долгами обрастешь, что никаких сверхъестественных способностей к материализации ценностей не хватит.

Примерно так пробормотал юрист себе под нос, почесывая лоб, и предложил совсем не юридический метод:

– Если этого хвата в другую инкарнацию отправить, потомки поговорчивее не будут?

– Зачем? – нахмурилась Надя, не одобряя простейшего решения. – Лучше телепорт построить. Пусть паломники прямо к храму переносятся и лугов не топчут.

– Идея, но лучше доработать, – снова энергично потер лоб Дарсен. – А скажите-ка, Великие, вы местность вокруг храма, в том числе те луга, не облагораживали?

– Болота там были прежде, – скромно согласились Силы.

– Отлично! – потер руки юрист. – Тогда и телепорт стройте, и благословение свое с лугов снимайте. Пусть снова болотом становятся. И не вы этому ловкачу, а он вам заплатит за то, чтобы все в прежнее русло вернулось. Только табличку-упреждение у телепорта повесьте, что далее земли свободны от ваших милостей сообразно с волей владельца, потому ступающий на них делает сие на свой страх и риск.

Надежда с восхищением уставилась на законника и протянула:

– А так – правильно!

– Ха, не зря полтора века с кляузами копался, – приосанился советчик.

И вид его в заляпанной вином и чем-то жирным рубашке уже не казался Наде комичным. Какая разница, как выглядит специалист, если он помогает? Серо-зеленые глаза юриста сверкали, с них будто пенка стылого безразличия спала.

А Надюшка тихо радовалась, что пока помогать ее новым знакомым несложно и интересно.

Глава 3

Чудеса продолжают

В субботний день у утомленных рабочей неделей хозяек нет шанса предаться лени на диване перед телевизором. Суббота – это в первую очередь возможность переделать все многочисленные домашние дела, на которые в будни не хватает ни сил, ни времени. Надя обычно помогала матери с уборкой и готовкой, но сегодня не успела. Только пыль вытерла, как в дверь требовательно и задорно затрешивили. Младшая из Последних кинулась открывать. На пороге мячиком подпрыгивала Люба.

– Хай! О, а это твоя сестра, Надь? Нет, мама? Что, правда? Здравсьте! Никогда бы не подумала! Я и Надьку-то поначалу за школьницу приняла, если бы Толька ее одноклассницей не назвал, ни за что бы не догадалась. А вы такая молодая, прям студентка!

Вера, чью худосочную комплекцию унаследовала Надька, довольно заулыбалась. Новая знакомая дочери не лестила нарочито, пытается втереться в доверие, она просто трепала языком первое, пришедшее на ум. Веселая и заводная девчонка с задорной стрижкой пришлась маме по нраву. Она не просто с легким сердцем отпустила, а буквально вытолкала Надьку в парикмахерскую. Там, как протараторила Люба, их ждали к половине одиннадцатого. Как раз успеют пройти прогулочным шагом пару кварталов.

Салон с претенциозным названием «Шик» обосновался на углу улиц Пионерской и Революции, что, по мнению владельца, придавало заведению дополнительный колорит. Какой революционный шик нашла в парикмахерской ее новая знакомая, Надежда не знала, но была внесена в дверь силой компактного, но очень мощного цунами. Ой, недаром этим сносящим все на своем пути волнам издавна принято давать женские имена! Любовь своим запасом бурной энергии вполне соответствовала паре-тройке стихийных бедствий.

Болотова влетела в «Шик» как к себе домой. Весело затараторила с порога:

– Хай, девчата! Погодка-то какая, не сентябрь, лето дубль два! Теплынь сказочная! Мы к Сане записаны на пол-одиннадцатого!

– Привет, Любаш, – заулыбались девушка с ресепшена и, вероятно, свободная пока парикмахерша. – Проходи!

Люба подхватила Надьку под локоток, оттащила плащик на вешалку в уголке и уверенно поволокла подружку за собой – налево, в зал. Там деловито постукивал какими-то пластиковыми флакончиками, расставляя их на полке ровными рядочками, бугай с коротким ежиком волос.

– Хай, Сань!

«Это Саня?» – вылупилась Надежда на рекомендованного специалиста.

Почему-то при слове «Саня» у нее в голове возникал образ девушки Александры, на худой конец рисовалось нечто томно-бесполое, вроде телевизионного знаменитого стилиста с десятком пластических операций в анамнезе. А этому «золотцу Сане» было самое место в спецназе или на ринге, но никак не в салоне, с ножницами и расческой наперевес.

Саня оказался brutальным Александром определенно мужского пола. Пах он почему-то свежим березовым соком и прохладным вечерним ветерком с реки. Парикмахер подчеркнуто аккуратно поставил на полочку очередной флакончик с загадочным молочно-белым содержимым, развернулся к визитершам и пробасил:

– Любаша, привет! Подружку привела?

– Точно-точно, – расплылась в улыбке Люба. – Преврати ее не просто в хорошего человечка, а в красивую девушку! Ты сможешь, Саня! Покрась Надю в платиновый! Сделаешь? А мне чуток лохматушки подправь.

Большой Саня подошел к Надежде, очень внимательно осмотрел ее, взял прядку волос в пальцы, потер, почти нежно пробежал здоровенной лапой по голове, ероша волосы, и вынес вердикт:

– Нет!

– Чего? – опешила непосредственная Любка, не ожидавшая от Сани такой подставы.

Надежда не удивилась. Это только в детских сказках и мыльных сериалах всякие визажисты и косметологи легким движением пальцев делают из чудовища красавицу. С ее странноватой внешностью и блеклыми тонкими волосенками на чудесное преображение можно не рассчитывать. Во всяком случае, без пластической операции и на те скромные средства, которыми располагает семья Последних.

– Нельзя ее в платиновый, цвет кожи и глаз убьет напрочь. Я по-другому сделаю! – низким, на грани вибрации, пробирающим весь организм голосом пробасил Александр. – Прошу в кресло, Надежда!

– Так бы сразу и сказал, а то еще пара секунд, и у меня инфаркт миокарда приключился бы, как моя бабка говорит, – выпустила набранный для возмущенного вопля воздух Люба, сдувшись проколотым шариком.

– Садись, журнальчик полистай, – с небрежной бесцеремонностью велел приятельнице Саня, легким толчком могучей лапы отправляя ее в уголок, к креслу и журнальному столику, заваленному грудой яркого глянца. – Когда стрижку закончу и краску нанесу, займусь твоей головой.

– Пасиб, ты настоящий друг, чебурашка, – расплылась в улыбке Люба, с разгона плюхаясь в жалобно скрипнувшее кресло.

Взгляд темно-карих глаз парикмахера устремился на Надю. Девушка почувствовала себя тушкой курочки, которую изучает повар, прикидывая, какое съедобное блюдо реально приготовить из эдакого нескладного заморыша.

Но тут Саня неожиданно по-доброму улыбнулся. Его грубо вылепленное лицо, которое больше подошло бы грозному боксеру-тяжеловесу, словно осветилось улыбкой. Весь он будто засиял, заискрился вдохновением.

– Садись, Надя. – Александр довел клиентку до рабочего кресла, набросил на нее защитную клеенку и принялся колдовать. По-другому нельзя было назвать то, что он творил своими большими ножницами, расческами, тюбиками и иными приспособлениями, и названий-то которых девушка не ведала.

Саня, мурлыкая что-то незнакомое под нос, с небольшими перерывами ворожил над головой клиентки несколько часов. Но вечностью время пребывания в салоне Наде не показалось. Она как зачарованная наблюдала за работой мастера. Сосредоточившись не столько на личном ожидании чуда, сколько на том, как действует Александр.

Он красил не только волосы, еще решил подправить брови клиентки. В перерыве, когда таймер покраски отсчитывал время, парикмахер успел подновить стрижку Любки. А теперь, смыв последнюю краску, сушил феном голову Нади.

Чуть слышно скрипнуло кресло, разворачиваясь к зеркалу. Восхищенный свист новой подруги послужил сигналом для Надежды. Она торопливо подняла взгляд и замерла, разглядывая отражение незнакомки. У нее были странные, переливчатые – белые, золотые, пшеничные – прядки волос, окружавшие личико-сердечко пушистым облачком. Ровные дуги золотистых бровок сделали лицо Нади гармоничнее, а взгляд выразительнее.

– Саня! Ты волшебник! – первой очнулась Любка. – А ты, Надька, теперь красавица, хоть сейчас на подиум!!!

Надежда не ответила. Она изучала отражение. Это создание там, за стеклом, по-прежнему мало походило на человеческую девушку. Но и странным зверьком-заморышем уже не являлось. Скорее возникали ассоциации с другими расами и иными канонами красоты. Может же нам нравиться кошка, птица или собака?

Так и это странное чудо с переливчатыми волосами и веснушками, засиявшими от изменившегося цвета волос как маленькие солнышки, нынче уже не должно было вызывать у окружающих задумчивую оторопь из разряда «это что за чудо в перьях?». Фраза сократилась до вполне милого «Это что за чудо?».

Серо-голубые глаза, обретшие новую выразительность, уставились на Саню с восхищением.

– Спасибо, мастер! – выдохнула Надя.

И столько в ее голосе было благоговейного восторга не своей новой внешностью, а его искусством, приведшим к чудесному преображению, что Александр смутился. Почесав коротко стриженный затылок, мастер пробасил:

– Это вроде как моя работа. Недели через три зайди, брови подкрасить надо будет, заодно проверю, как на волосах краска лежит. И, Надь, если разрешишь фото для альбома образцов сделать, то я скидку в тридцать процентов оформлю. Больше не могу, краска дорогая.

– Соглашайся, Надюха! – встряла Люба. – Одно фото, и будет на что в кафешке твой новый имидж отметить! А номера краски ты нам дай, Сань, я Надьке потом сама брови подкрашивать буду!

– Хорошо, – смущенно согласилась Надежда на все предложения разом, нет-нет да и косясь с зеркало. Ее терзали смутные сомнения насчет узнаваемости. Мама-то точно опознает, а вот на работе, наверное, придется у турникета охраннику пропуск предъявлять. Очень уж значительным оказалось преображение. Хотя, наверное, всегда можно убрать волосы в хвостик и показать уши. Такие, оттопыренные сверху, как у нее, точно редкость!

Из «Шика» Надя выходила с облегченным кошельком и счастливой улыбкой. Она улыбалась и в кафе при скверике, куда ее затащила подруга. Правда, от пирожных и куска чизкейка отказалась. Не любила сладкое и кофе с чаями. Для Надюши лучшим тортом всегда была рыба в любом виде, а лучшим напитком сок. Все равно какой, но желательно с кислинкой.

Так что Люба уминала пироженки с зеленым чаем, а Надя лакомялась красной рыбкой под сырно-помидорной корочкой и апельсиновым соком.

На периферии вздыхали, полыхали зарницами и искрились волнением ее вчерашние знакомые. Но все эти трепетания происходили в отдалении, поздороваться или что-то спросить Силы не спешили.

Надежда же наслаждалась тройным чудом: во-первых, у нее теперь совершенно точно появилась подруга, во-вторых, новая прическа и, в-третьих, но тоже в очень главных, совсем рядом происходило истинное чудо. И пусть его никто не ощущал и не видел, девушке хватало того, что видела она! К тому, что люди очень многого не чувствуют и не видят или не хотят видеть, чтобы жилось проще, Надя давно привыкла.

Трепетания и колыхания вперемешку со вздохами становились все настойчивее. В конце концов Надежда не выдержала и, когда на тарелке осталась лишь одинокая случайная косточка от рыбного филе, отлучилась в туалет.

Стоя перед тихо гудящей сушилкой в пустом помещении, девушка вежливо полюбопытствовала:

– Вы по работе пришли? Что-то срочное?

Смущенное колыхание пространства с привкусом лимона стало ответом. Дескать, не то чтобы срочно, но если есть возможность...

Но все эти тонкие нити случайных ароматов перебивало ощущение удивленной радужной радости, исходящее от Сил. И сама Надежда светилась сейчас отраженной радостью. Радостью приобщения к чуду. Ничего иного, вроде чувства собственного превосходства или жажды наживы, в девушке не было. Но что возьмешь с чудачки?

– Хорошо, я постараюсь освободиться побыстрее, – пообещала Надя и поспешила вернуться к подруге, на ходу пытаясь подобрать слова, чтобы не обидеть Любу и побыстрее закончить приятные посиделки.

К счастью, лукавить и выдумывать не пришлось. Пока Нади не было, новая подруга успела обзавестись компанией тощего патлатого юноши, что-то ей вдохновенно втиравшего. Судя по розовато-сиреневому туману с оттенком сливового ликера, парочка общалась с взаимным удовольствием, и третий любого пола был бы лишним.

Потому, когда Надя, едва успев познакомиться с замечательным Славой, у которого сорвалась встреча с приятелем, принялась извиняться и говорить о неотложном деле, ее отпустили с плохо скрываемой радостью.

Уж очень Любаше пришлось по вкусу симпатичный парень и тактичность Надежды, самоустранившейся от продолжения знакомства и наклеывающей прогулки. Кажется, парочка собиралась в кино на очередной блокбастер.

Надя от всей души пожелала им хорошенько поразвлечься и облегченно вздохнула. Посещение кинозалов для нее было мукой даже большей, чем чтение современной литературы, где фальшь на фальши сидела и фальшью погоняла. Почему-то создатели модных историй считали, что яркие спецэффекты и откровенные сцены заменят те искры вдохновения, которые вкладывали в свои внешне скромные шедевры создатели былых фильмов. Нет, Надюшка ханжой не была, но хотела за красивой оберткой «шоколадки» найти вкусную сладость, а не папье-маше.

Потому новые подруги расставались крайне довольными друг другом и сложившимися обстоятельствами. Или их так сложил кто-то другой, к примеру, те самые возбужденно сияющие на периферии загадочные и изумительные Силы?

Мама домой еще не вернулась. Завершив уборку, она умчалась почесать языком к подруге. Записка на кухонном столе вместо эсэмэски или звонка была обычным для нее поступком. Почему-то мама больше доверяла клочку бумаги, нежели телефонам.

Может, потому, что телефоны у Веры, за исключением самого древнего кнопчного, долго не жили? Их все рано или поздно (скорее даже рано, нежели поздно) ждал печальный конец. Впрочем, финалы эти отличались похвальным разнообразием. Один телефон Вера разбила о кафельные плитки в ванной, второй утонул на балконе в тазике с замоченным бельем, третий был банально потерян, четвертый раздавлен каблуком, пятый просто однажды сломался так, что ни один мастер не взялся чинить, шестой выпал в канализационный колодец. Он-то и стал последней каплей в череде экспериментов с техникой.

«Не судьба!» – постановила мама и перестала выбрасывать деньги на ветер.

Прихлебывая еще теплый компот, Надя приготовилась слушать. Насчет возможности помогать было чуть сложнее. Конечно, помогать новым знакомым Надежда стремилась всей душой, не только и не столько из соображений чистой благотворительности.

Когда возникал интерес, все прочее для нее отходило на второй план. А сейчас каждая мелочь в общении с удивительными созданиями казалась новой и замечательно привлекательной.

Когда работа – развлечение, от нее не ждут никакой выгоды. Силы между тем не стали вещать сразу, а врубили связь с уже знакомым Надюше законником. Дарсен был целиком погружен в сложный процесс сцеживания из бутылки в бокал последних капель.

Силы кашлять не умеют, потому они возвестили о своем явлении мелодичным звоном. Юрист выругался, уронил пустую бутылку, нелепо взмахнул руками, но пошатнувшийся бокал удержать сумел.

– Чем обязан высокой чести, о Великие? – сквозь зубы, так, что вежливое обращение прозвучало как матерное ругательство, уточнил абонент.

Заметил включенную «видеосвязь» и удивленно приподнял брови.

– А вы времени даром не теряли, еще одну работницу подыскали?

- Добрый день, Дарсен, - вежливо поздоровалась Надя.

- Хм, куколка, не признал поначалу. Да ты никак на первый гонорар к магу сходила? Неплохо! Дорого взял?

- Гонорар? Магу? - хлопнула ресницами девушка.

- Ну да, - приземлившись в скрипнувшее под его весом старое рабочее кресло, юрист отхлебнул из бокала. - Это я пашу за призрак надежды. Тебе-то чего маяться?

Надя замешкалась, не зная, как объяснить и стоит ли вообще объяснять Дарсену историю своего знакомства с Силами и отсутствие всякой возможности материального контакта, а следовательно, и гонораров. Как бы, интересно, Силы Двадцати и Одной умудрились перечислить деньги ей на карту? Да и вообще, невольно вспомнился старинный анекдот про милиционера, пистолет и зарплату. Она никак не ожидала материальных благ, считая уже само присутствие чудес в жизни щедрой наградой.

Потому девушка выбрала простейший из ответов:

- У нас настоящих магов, не шарлатанов, нет, наверное. Или я никогда не встречала. Я в парикмахерской была. Подруга к знакомому мастеру отвела. Он взял недорого.

- Не увиливай от ответа, - погрозил пальцем толстяк-юрист. - Сколько Великие тебе положили? Ты хоть торговалась?

Теперь настал черед смущаться созданиям чистой энергии, не озаботившимся низкими материальными аспектами при найме ценных сотрудников. Если юриста, как поняла Надя, они поймали на удочку некоего будущего блага, то вопрос зарплаты в цифрах, монетах и так далее для недоделанной Плетущей Мироздание, мутировавшей под воздействием неблагоприятных для таланта условий, Силы Двадцати и Одной вообще не рассматривали. Почему? Да просто потому, что Плетущие испокон века работали на Силы, поскольку работали, и иначе, вне сферы этих действий, себя помыслить не могли. Так рыба не может не плавать, потому что рождена рыбой.

- Дарсен, Надежда пребывает ныне вне сферы наших возможностей физического воздействия на мир, - влезли Силы с комментарием. - Оттого и отрадно нам, что изыскан способ для бесед.

- Давай лучше послушаем, зачем нас позвали. Разговоры о деньгах мне и на работе надоели, - жалобно предложила Надя и пригубила компот.

- А-а-а, альтруистка, - не то усмехнулся, не то с усмешкой плюнул юрист, но просьбе внял и докапываться до размера зарплаты перестал. Зато переключился на какую-то совсем левую тему:

- Чего пьешь, сколько выдержи?

- Утром мама сварила, как раз настоялся и остыл, - честно отчиталась девушка и, прежде чем глаза Дарсена, пораженного продвинутым уровнем виноделия в некоем мире, полезли на лоб, добавила: - Компот ягодный. Смородина, малина, крыжовник. Все с дачи. Все как я люблю.

- Тьфу! - оценил вкус коллеги законник и отхлебнул из своего бокала совсем не компотика. Следом воззвал уже к Силам: - Внимаем вам, о Великие!

Впрочем, словечко-обращение «Великие» он употреблял без особого пиетета, вроде как в маршрутке говорил «девушка, передайте за проезд». Наверное, рано или поздно человек привыкает ко всему, даже к чудесному в жизни, и перестает воспринимать его как чудесное, переводя в категорию обыденного. Более того, совершенно перестает ценить само присутствие волшебства в жизни.

- Пауки! - Пожаловались «о Великие». - Они почти перекрыли доступ паломникам к нашему храму в одном из регионов.

- Они неубиваемые? - удивился Дарсен.

- Ты какой-то странный юрист, - смакуя компот, задумчиво поделилась своими наблюдениями Надежда. - Обычно юристы ищут способ урегулирования конфликта по закону или в обход закона, но так, чтобы внешне закон соблюдался.

- Так это ж пауки, - передернулся всем телом Дарсен. - Мерзкие твари! Ядовитые, лохматые, противные...

- У нас не все такие, - повела плечами Надя. - А птицееды вообще милые, пушистые. Любое животное для чего-нибудь нужно, чем-то полезно. Это человек не всегда полезен, а в природе иначе. Там все взаимосвязано и регулируется само, если только люди не нарушат равновесие, как с кроликами в Австралии, которых колонисты завезли для пропитания.

- Ты кроликов с пауками не равняй! Они-то как раз по-настоящему пушистые и вкусные! - вступился за длинноухих юрист.

- Только от них эрозия почвы и исчезновение редких видов местных животных, - уточнила Надя. - Давай получше разберемся с пауками, чтобы не рубить сплеча. Рассказывайте, Силы, все, что о тех пауках знаете. Где живут, чем питаются, какую пользу и какой вред приносят...

Раз просят, Двадцать и Одна не стали ломаться. Рассказали и показали. Первое впечатление от деревьев, заплетенных белой паутиной до состояния зимней изморози, честно сказать, поколебало убеждение Нади в полезности всякой твари вне зависимости от ее внешней привлекательности. Уж больно неприятный открывался вид.

Юрист же скривился и полез в бокал за градусным утешением. На заплетенный паутиной лес он старался не смотреть, впрочем, слушал речи Сил внимательно.

В лиственном лесу было светло. Деревья с глянцевитыми светло-коричневыми стволами не походили на земные, зато форма листа - почти идеальный круг с волнистыми зубчиками по контуру - напоминала осину. Полосатые черно-желтые брюшки пауков просматривались в белом сплетении нитей паутины явственно. Так же как крупные нежно-лимонные цветы в паутине и листве.

- Насколько они ядовиты? - неприятно уточнил Дарсен.

- Укус пишара не смертелен. Незначительная опухоль и зуд, - поспешили уведомить Силы. - Но, если порвать одну паутину, укусить нарушителя постарается каждый паук из соседних сетей.

- А чем они питаются? Я совсем не вижу насекомых. Ни пчел, ни бабочек, ни мух... Уже всех съели? - задумчиво уточнила Надя.

- Пауки едят нектар улички, - растолковали Силы.

- Так они все заплели, чтобы конкурентам к цветам было не подобраться? Однако! Ты еще скажи, что эти разожравшиеся полосатые чудовища превращаются в бабочек сказочной красоты! - удивился Дарсен.

Вместо ответа Силы показали очередное чудо: большую, с ладонь, бабочку, чьи крылья переливались всеми цветами радуги.

- Что, правда? - изумился попавший пальцем в небо законник, отставив бокал на край стола. - А чего сразу не сказали?

- Нам нужно беспристрастное суждение, - ответили Силы, явственно равнодушные к бабочкам.

Судя по всему, Силы Двадцати и Одной попали в капкан неразрешимых противоречий: с одной стороны, им, бесспорно, нравились прекрасные создания с оригинальными стадиями развития, с другой - путь к храму для паломников не должен быть усложнен непреодолимыми ядовитыми препятствиями. Думать о высоком, когда тебя массово жалят пауки, разъяренные разрывами художественно сплетенных сетей, очень непросто. Таких испытаний для своих почитателей Силы не планировали.

– А раньше пауки сильно мешали? – осторожно уточнила Надя.

– Нет, обыкновенно их немного, они прячутся высоко в кроне, в глубине леса и не доставляют хлопот.

– Вспышка численности... Наверное, год был теплым и дождей вволю, вот ваши улички и расцвели с небывалой щедростью, а вслед за ними паучков прибавилось. – догадалась девушка.

– И теперь они покусает всех, до кого доберутся? – торжествующе воскликнул Дарсен, упрямо гнувший свою линию на массовое убийство.

– Природа – до определенной степени саморегулирующийся механизм, – в свою очередь возразила Надя, обожающая биологию, зоологию и прочую «-ию». На страницах учебных трудов по этим предметам, так же как и в точных науках, почти не встречалось откровенного вранья. – Теперь надо всего лишь немного подождать. Нектара на всех пауков не хватит, потому прирост численности сменится спадом.

– И паломников тоже поубавится, – тихонько хмыкнул Дарсен.

– Да... – задумчиво вставили Силы Двадцати и Одной, реагируя на слова Нади и почти демонстративно не слыша язвы-юриста. – Иногда, если вблизи нет цветов, они едят друг друга...

– Это они правильно делают! – радостно потер руки законник. – А если еще и отравы добавить...

– Может, просто окружить дорогу пологом или тоннель с непроницаемыми стенками сделать, чтобы пауки не смогли добраться до людей? А для паломников предупреждение повесить: пусть в лес не суются.

– Тебя от собственного душевного благородства не тошнит? – сварливо уточнил Дарсен у коллеги.

– Нет, – заулыбалась Надежда. – Я пауков тоже не очень люблю, но из здешних бабочки красивые получаются. У нас от пауков только пауки рождаются, а здесь такая прелесть! Пусть живут и радуют глаз!

Радужный вихрь энергий стал ответом на предложение девушки. Вопрос, тяготивший Силы, было так просто решить! Воистину, Плетущая Мироздание, волею случая угодившая в мир без доступа к могущественному искусству плетения великих нитей Ткани Реальности, оказалась столь талантлива в расплетании сложных проблем, что ликование переполняло Двадцать и Одну, выплескиваясь во внешний мир фейерверками искр.

Дарсен аж зажмурился, не снеся светобуйства, и пробурчал:

– Тоже мне радость, паучков сберечь!

Но, кажется, остался доволен хотя бы самым фактом скорого решения вопроса. От него-то Силы отстанут наконец со своими глупыми проблемами и дадут возможность вернуться к выпивке!

Высшие создания прекратили трансляцию из паучьего леса и отключили связь с законником, но уходить не спешили. Все продолжали радоваться. Надя же осторожно уточнила:

– Силы, а Дарсен всегда столько пьет? Он так не сопьется?

– Мы заключили договор. – Он дал клятву помогать. – Взамен мы обещали по истечении годовичного контракта дать увидеть ушедших в иную инкарнацию родных. – Чуть-чуть виновато объяснили суть сделки с юристом работодатели.

– Возможно, стоило уплатить ему аванс – показать любимых, а в графу зарплаты поставить не возможность увидеть, а возможность поговорить с ними? – сразу простив юристу скверный нрав и все алкогольные закидоны, принялась уточнять Надежда.

Почему-то теперь чашка с компотом в руках казалась издевкой над скорбью Дарсена. Пусть полный, сварливый и мрачный, он все-таки обладал отменным чувством юмора, острым умом и, вероятно, иными скрытыми талантами. Будь законник тупицей-алкоголиком, вряд ли Силы взяли бы его к себе на службу. Все-таки тоска по близким – причина куда более уважительная, чем скука или патологическая тяга к блаженному забытию, даруемому туманом спиртного.

Предложение девушки заставило Силы задуматься и признаться, завиваясь радужной дымкой:

– Нам сложно просчитать! – Предугадать! – Судить!

– У нас в мире так принято: оплата труда делится на две части: аванс и зарплату. Аванс стимулирует работника. В иных мирах иначе?

– Так часто... – Бывает... – Но... – Нематериальные создания замялись и признались: – Мы не можем просчитать, как поведет себя законник после лицемерия тех, кто некогда был его семьей. Пока он живет надеждой, стремлением снова быть им нужным...

– Значит, вы его мучаете обещанием даже не встречи, а взгляда, – заключила Надя. – Ничего удивительного, что Дарсена тянет к выпивке. А от нее, между прочим, отмирают клетки головного мозга. Эффективность работы снижается!

Вот теперь, подстегнутые веским аргументом, Силы завертели в шальном круговороте, споря не то между собой, не то с самими собой. Когда ты один, то подчас согласия не достичь, а когда тебя больше двух десятков?

«Бросит работу... – Жалко... – Плохо думает... – Надо помочь... – Аванс... – Разочаруется? – Плетущая о нас плохо думает... – Попробуем, как она предложила?» – Все эти обрывки мыслеречи, долетающие до Надежды, звучали одновременно, создавая такой ментальный гам, что у девушки начала болеть голова.

Однако стоило ей поморщиться, как Силы спохватились, испугались, что опять нанесли урон хрупкой избраннице, и смылись, как мышка в унитазе. То есть, бульк – и нет!

Надя снова осталась одна, в тишине. Гудящая голова мгновенно прошла. Отхлебнув забытого компотика, Надежда улыбнулась. С какими все-таки странными и замечательными созданиями свела ее судьба!

Люба, Дарсен, Силы Двадцати и Одной, Саня – каждый оказался по-своему замечателен, уникален и каждый ей нравился во всех своих красках. Они сверкали, искрились и не были присыпаны серым пеплом, как старый школьный знакомец.

Глава 4

Понедельник день тяжелый?

Присказке про тяжесть понедельника Надежда никогда особенно не верила. Ей было по-своему занято проводить выходные дома и будни в офисе. В приемной Степаныча скучать не приходилось. Рутины как таковой не наблюдалось в принципе. Что-нибудь да случалось!

К примеру, сегодня ей действительно при помощи удостоверения пришлось убеждать охранника в своем праве пройти на рабочее место. Михаил поначалу ее не признал. Но знакомый голос и синяя корочка в руках убедили вохровца в том, что в здание стремится войти ассистент директора, а не враги-террористы с бомбой наперевес.

Коллеги же ее пока не видели. Надя тишком проскользнула в приемную до основного потока спешащих на работу сотрудников. Она как раз заваривала зеленый чай за столиком у окошка, когда дверь с привычным грохотом шваркнула о косяк. Степаныч влетел в кабинет и заорал с порога, как ошпаренный:

– Ты кто такая? Где Надюха? Заболела?

Надежда с улыбкой обернулась на красно-бурую, пахнущую острым перцем вспышку начальника:

– Доброе утро!

– Надя? – облегченно выдохнул директор, чуть не выпрыгнув из жилета, обтянувшего обширный живот, заменяющий грудь. – Уф, не признал, богатой будешь или я с инфарктом залечу в больничку. Хорошая стрижка. Ты теперь раскрасавица. Охрану, что ли, нанять, чтоб не увели конкуренты?

Девушка прыснула и, ставя на рабочий стол начальства чашку с зеленым чаем и вазочку с любимыми директорскими солеными печеньками, пообещала:

– Я ни к кому не пойду! Мне тут интересно.

– А я думал, тебя шеф и зарплата устраивают, – буркнул разом подобревший после вовремя купированного стресса Степаныч, рухнул в жалобно скрипнувшее кресло и захрустел печеньем.

– И они тоже, – торжественно заверила Надя начальника, добавив к вазочке с печеньюшками вазочку с конфетами. Почему-то босс больше всего на свете любил обычные рот-фронтонские батончики и «Кара-Кум». Добавлять, что ее ужасно забавляют «орательные» концерты шефа, девушка не стала. Ведь Степаныч считал себя великим, грозным и ужасным. Самое забавное, что таковым его воспринимала большая часть сотрудников офиса и работяг, отказывающихся эффективно работать без животворящего пенделя, сдобренного доброй порцией мата.

В остальном рабочий день не принес ничего волшебного и экстраординарного. Надя, укрывшись за монитором, стойко вынесла искренние, восхищенные или чуть завистливые охи-ахи коллег, жадных до зрелищ. Едва по офису пронеслась весть о ее прическе, народ косяком повалил в приемную. Адрес и имя талантливого парикмахера Надюшка не скрывала и, очевидно, сделала «Шику» вкупе с Саней не только эффективную рекламу, но и кассу на полгода вперед.

Для самой же девушки ничего кардинально не поменялось. Почта, звонки, компьютер и оригинальные запросы Степаныча из разряда «не знаю, где и как, но найди, потому что надо», шли своим чередом. Сегодня, к примеру, она искала генеральскую фуражку на день рождения загадочному приятелю шефа. Кстати, такие закидонистые вопросыки Надя в работе любила больше всего. Именно это ее и привлекало в скучной офисной жизни. Ну и еще забавные задачки от хозяйственных тетушек-бухгалтерш, всем косяком из семи душ подкармливающих очень худую и ценную помощницу, совершенно не сведущую в цифрах и одновременно обладающую удивительным даром находить в их отчетах неправильные и ненужные.

Силы с очередным удивительным делом не беспокоили, зато мама, заканчивающая работу на час раньше, была дома и приготовила для дочери не только ужин, но и скандал. Конечно, как всякая настоящая мама, она дождалась, чтобы Надя, однозначно чувствующая неладное, покушала. И только после этого уволокла ее в гостиную со зловещими словами: «Нам срочно нужно поговорить!»

Но говорить сразу не начала, только заметалась по ковру, теряя от волнения тапки. Лишь потом выпалила:

– Анатолий Хоботков вчера разбился! Насмерть!

– Толя? – удивленно переспросила Надя, сообразив, отчего дергается и колется чем-то красно-коричневым с привкусом прокисшего салата ее обычно спокойная, благоухающая домашней шарлоткой с корицей мама.

Почему-то мысли о чужой или собственной смерти сильно пугали даже самых невозмутимых людей. Надежде это всегда казалось очень странным, но она привыкла и записала загадочный факт в разряд существующих, нелогичных и не поддающихся объяснению.

– Толя, – подтвердила мама Вера и, сурово сдвинув брови, выпалила: – Света, соседка, мама Маришки, твоей бывшей одноклассницы, звонила. Говорила, что он жаловался Катерине, то есть Катерине Петровне, своей маме, что ты его выцветавшим обозвала. Надя, ты как-то увидела приближение смерти и не предупредила человека? Да, я знаю, он дразнил тебя в школе, но одно дело детские обиды, а другое...

Вера уронила вздетые руки и беспомощно уставилась на свою странную, удивительную дочь.

– Мам, я не Нострадамус. Сказала тогда лишь то, что видела. Толя выглядел блеклым, пыльным, будто выцветавший снимок. Но откуда мне было знать, что это его смерть так покрасила? Помнишь, летом дедушка Федор, наш сосед, умер. Так он за неделю до смерти так сиять стал, точно звезда. И улыбался, будто чуда ждал...

Настал черед Надежды беспомощно пожимать плечами.

– Отчего же так? – растеряннo пролепетала мама, обычно не углубляющаяся в метафизику при беседах с дочкой. Возможно, из опасения услышать что-нибудь эдакое, способное заставить навсегда потерять покой, сон и комплекс надежно устоявшихся представлений о мире.

– Не знаю, – снова призналась девушка, ничуть не стесняющаяся собственной неосведомленности. – Жизнь у каждого своя. Одинаковых не бывает, потому и смерть, наверное, тоже у каждого особенная. Если б я поняла, что увидела, я бы рассказала, наверное...

– Наверное? – удивилась Вера.

– Наверное, – подтвердила Надя и, вздохнув, постаралась объяснить свою точку зрения: – Люди боятся смерти. Даже если бы Толя мне поверил, как провел бы отмеренный срок? В страхе, пытаюсь всеми силами избежать неизбежного, или потратил бы его на улаживание дел, прощание с родными? Мне кажется, бездарно спустил бы на первое, изнывая от ужаса перед неотвратимым. Стоило его пугать, мамуль?

– Не знаю, дочка, – согласилась мать, присела рядом на диван и крепко-крепко обняла свою девочку. – Я, признаться, поначалу подумала, что ты нарочно не объяснила, и испугалась... Нет, не того, что ты такое видишь, а что не сказала, когда могла, из вредности или мести. Это на тебя совсем не похоже. Ты у меня никогда злой не была.

Надя прижалась к родному плечу и умиротворенно засопела. Все уладилось, с мамой рядом снова стало уютно и очень спокойно, вернулся запах пирога.

Сегодня встречи с подругой не намечалось. Люба позвонила еще утром, до работы, и захлеб вывалила на Надюшку массу информации о своем новом длинноволосом увлечении из кафе. Заверила, что обо всем расскажет поподробнее (хотя куда уж больше?), но не сегодня. Сегодня вечером она как раз снова встречается с НИМ и идет

гулять. В кино они уже были, в музеи ходить нынче не модно, ночные клубы приелись, так что отправятся шататься по улицам.

Надя с легким сердцем благословила Любу на променад с парнем, а сама тоже решила прогуляться после ужина. Не с парнем, конечно, а за хлебом. Этот продукт наперегонки с молоком умудрялся кончаться в семье самым коварным образом в самый неожиданный момент. Казалось, вот он, запас: пара булок и багет, а глянешь, и его уже нет. Только задумчиво покусывает нижнюю губу мама, припоминая, что она засушила сухариков, сделала гренки, пустила мякиш на котлетки, а на молоке сварила кашку.

Глянув в стратегические запасники квартиры, Надежда предпочла пойти в магазин сейчас, вечером, а не тогда, когда ей самой срочно надо будет в другое место.

На улице все еще было почти тепло. Коварная стылость осени не успела завладеть городом. На стоянке у небольшого супермаркета оказалось почти пусто. В такую погоду даже заядлые любители колес предпочитали пройтись пешком. Впрочем, не все. Один в накинутах на серый костюм модном плаще как раз захлопывал дверь «ниссана».

Повернул голову, увидел случайно Надю, разулыбался, оживился и завопил на всю стоянку:

– Надежда, добрый вечер!

И чуть ли не вприпрыжку подбежав к ней, подхватил под локоток.

– Сменила прическу? Тебе идет!

– Добрый вечер, Вадим Георгиевич, – чуть настороженно поздоровалась Надюха. Не привыкла она, чтобы так бурно и почему-то со странной смесью синеватой искренности и ржаво-коричневого расчета радовались ей при встрече малознакомые люди.

– Давно хотел с тобой словечком переброситься, но в офис к Степанычу заявиться не рискнул. Решит, чего доброго, что я у него бесценную помощницу увести вознамерился, и побьет или прибьет. Знаешь, какой у него удар? Когда в спарринге боксируем, с трудом блокирую!

– Вообще не знала, что Геннадий Степанович боксом занимается, – улыбнулась девушка, невольно поддаваясь обаянию собеседника. Тому совершенно явственно было что-то от нее нужно, но при этом зла самой Наде он ни капельки не желал.

Рассказывая о том, какой Степаныч замечательный, даже пару медалей со всесоюзных чемпионатов по молодости привозил, Вадим проводил девушку в магазин. Помог донести до кассы покупки, бросив в свою корзину. А на стоянке всучил огромную шоколадку из собственного набора и таинственным шепотом поведал:

– Взятка! Спросить хочу, как думаешь, скидывать мне акции Симгазвеста?

– Нет, – машинально покачала головой Надя, размещая шоколадку между булкой и пакетом молока.

– Почему? – удивился Вадим.

– Потому что кислый цвет, – пожала плечами девушка и попрощалась: – До свидания, спасибо за взятку.

«Потому что кислый цвет», – повторил себе под нос мужчина, почесал висок, пожал плечами и пикнул брелком сигнализации. Запоздало крикнул вслед загадочной девушке:

– Может, тебя подвезти?

– Не надо, – отказалась Надя, сворачивая в арку.

И тут же пожалела об отказе. Лучше бы она согласилась или, на худой конец, пошла другой дорогой. В арке, пошатываясь на ровном месте, стояла в дым пьяная старуха. Нет, женщина, которую нежданное горе состарило за считанные часы. Тетя Катя, мама Толика. Горько-сериозно-багровые клубы вкуса пепла вились вокруг несчастной.

И черт дернул Надьку подойти и предложить:

– Тетя Катя, пойдёмте, я вас домой отведу.

– Домой... Да надо, ужин Толичку разогреть... Нет... зачем... Толички-то нету... Зачем? – Убитая горем женщина резко раскрыла совершенно трезвые, полные боли глаза и, в упор глядя на Надьку, бросила: – Ты его сгубила?

– Нет, – покачала Надя головой. – Простите, тетя Катя, я не поняла, что видела, не поняла, что ему скоро пора уходить. Но, если вам легче будет, вините меня, ругайте, обзывайте, даже ударьте. Вам сейчас слишком плохо, я не обижусь. Только пойдёмте я вас до дома провожу. Не стоит здесь вот так стоять.

– Ударить? Да я... я б убила за мальчика моего. – На миг из-за сморщившегося от горя обычного лица выглянуло нерассуждающее, жадное до чужой крови чудовище. Катерине захотелось вмазать этой живущей, топчущей землю тощей девице, тогда как ее сынок ушел навсегда – туда, откуда его не окликнуть. Вмазать так, чтобы зубы лязгнули, чтобы отлетела та к стенке дома и сползла уже бездыханной. И тут же, испугавшись собственных кровожадных желаний, это чудовище отступило, спряталось в берлогу боли, заскулило беззвучно. Слишком невинным и чистым для ведьмы, губящей парней, был взгляд у Надюхи, Веркиной дочки. Он излучал лишь сочувствие, но ни капли вины.

Рука, приподнявшаяся было для замаха, упала плетью. Приступ агрессии схлынул не начавшись.

– Мой мальчик мертвый в холодильнике лежит, а дома ящик этот стоит. Не могу смотреть, – пожаловалась и беззвучно заплакала тетя Катя.

– Пойдёмте к нам, мама вам на диване постелет. Поужинаете, – неожиданно для себя предложила Надя, и Катерина неуверенно кивнула соглашаясь.

Девушка подхватила чужую маму под локоток и повела аккуратно, будто слепую. А та, найдя уши для излияния и душу для сочувствия, принялась взахлеб рассказывать, каким замечательным мальчиком был ее Толик.

Надя слушала, и чем больше слушала, тем задумчивее становилась. Они с тетей Катей знали каких-то совершенно разных Толиков. Толик Надежды был грубым, бесцеремонным насмешником и трусоватым драчуном. Толя тети Кати выступал как нежный, любящий сын. Правда, большей частью счастливые моменты вспоминались матерью в совсем дальнем прошлом, в тех самых далеких школьных годах, изредка в студенчестве.

Впрочем, не зря говорят – о покойниках или хорошо, или ничего. Потому Надя молчала. Молча довела Катерину Петровну до дому, молча передала с рук на руки обалдевшей матери. Та сориентировалась быстро. Повела на кухню, заворковала, застучала чашками, зазвякала тарелочками. Зашумел, добавляя уюта, чайник.

Надя чуть ли не на цыпочках уползла к себе в комнату и забилась в уголок кровати с книгой из тех, которые не вызывали ядовитой неприязни ложными словами.

Через часок заглянула мама и сказала:

– Уснула, бедная, прямо на диване. Я ее пледом прикрыла. Вымоталась, настрадалась. Не дай бог ни одной матери своего ребенка хоронить, каким бы непутевым он ни был. Я с работы отпросилась, отгул взяла. Помогу ей завтра. Спасибо, Надюшка, что ее привела, мое сердце успокоила.

– Это тебе спасибо, – слабо улыбнулась девушка. – Знаешь, мам, теперь я жалею, что не поняла и ничего не сказала. Может, вышло бы у него со своей мамой попрощаться как-то по-человечески. А то ей даже вспомнить-то по-настоящему теплого и душевного о нем нечего.

Надькина мама лишь покачала головой. Худого слова парень уже не заслуживал, потому что ушел насовсем, а доброго, увы, не стоил. В опустевшей квартире Толика осталась религиозная соседка, нанятая на всю ночь читать молитвы. А семья Нади, приютившая знакомого, заснула.

Рано утром Надежда вышла на кухню не без легкой опаски. Как-то ее встретит Катерина Петровна? Та уже проснулась и сидела с мамой Верой за столом, о чем-то горячо ей рассказывая. Столько умиротворенной, светлой печали, горчащей, как прихваченная морозцем калина, было во всем ее облике, что Надя невольно удивилась этой разительной перемене. От вчерашней мрачной безнадежности с болотным запашком не осталось следа.

– А знаешь, Надя, я сегодня Толю во сне видела. Пришел такой задумчивый, тихий, прощения попросил. Сказал, жил бестолково и глупо ушел. Но за него заступились, и ему разрешили со мной попрощаться. Я всплакнула, он утешал и извинялся. Так-то вот... Потом развернулся и ушел. Поначалу четко его видела, а в конце он и впрямь стал тусклым силуэтом, слишком далеко уходил. Выцветал. Все, как ты сказала тогда ему, но мы не поняли...

– Я и сама не поняла, тетя Катя, – снова откровенно повинулась Надя.

– Может, и так. Только я думаю, если б я с тобой вчера не пошла, ничего бы не увидела ночью, – скорбно покачала головой Катерина Петровна. – Спасибо, Надюша, что привела меня к вам.

Глава 5

Цветные кошмары

После обеда во вторник солнышко внезапно вспомнило о том, как усердно оно трудилось летом, взяло да вмазало по уходящей на отдых земле и по опешившим людям внезапным ударом тепла. С непривычки потепление показалось душной жарой.

Надя даже окно, а не форточку, в кабинете открыла и вытащила из шкафа бутылочку минералки. Открутила крышку, выпуская газ. Ледяной и сильно газированной воды девушка не любила, невкусно! Вдобавок горло тут же болеть начинало, стоило забыться и, изнывая от зноя, глотнуть водички из холодильника. По наследству от мамы Надьке досталось слабое горло, не терпящее ледяной минералки и лакомств из морозилки.

Вода приходила в соответствие с желаниями заказчицы, а девушка вооружилась опрыскивателем и, пока в кабинет Степаныча не заглянуло солнце, полезла попить водичкой на здоровенную монстеру. Вполне мирную, несмотря на агрессивное звание, лиану.

В приемной что-то дернулось, зашумело, непонятно зазвенело порванной струной и запахло прогорклым маслом, как раз когда Надя заканчивала ухаживать за пышным растением. То довольно топорщило листья, наслаждаясь духом.

– Надюша, я на месте! О, минералка, кстати! – в приемную влетел Степаныч и схватил со стола ассистентки бутылку.

– Ваша в холодильнике, а эта теплая и без газа, – успела выкрикнуть Надя, прежде чем Степаныч присосался к бутылке, чье содержимое почему-то сменило прозрачный цвет на что-то густо-красное с черными протуберанцами.

И пусть ребята в институте часто покупали в магазинах всякую шипучую гадость невообразимой расцветки, Надя ее съедобной не считала. Даже цветочки ею поливать не стала бы. Так и минералку, отвоеванную у шефа, не выпила. Пока тот жадно булькал холодненькой с пузырьками жидкостью, девушка плотно закрутила пробку и спрятала отраву в нижний ящик стола, чтобы в свободную минутку аккуратно вылить в унитаз, надеясь не потравить весь город одним испорченным бутылком. Все-таки не бледная поганка, после которой и немытые руки могут обернуться смертью!

Странная вода проторчала в столе до конца рабочего дня. Все мысли о ней совершенно вылетели из головы, вытесненные рабочими хлопотами, звонком новой подруги, снова болтавшей о замечательном парне. Эдак между делом Любка еще и повозмущалась произволом начальницы, содравшей целую пятисотку на похороны нехстати почившего Толика. Трагическая гибель Хоботкова девушку не особенно впечатлила. Она только порадовалась тому, что не ехала с гонщиком-неумехой в одной машине, и перешла к другому разделу девчачьих сплетен.

Так промелькнул день. Надя уже дошла до двери в приемную, чтобы закрыть кабинет – шеф все равно умотал в администрацию города на какое-то совещание, – когда спохватилась и вспомнила про свои планы по уничтожению отравы. Оставив ключ в скважине, а сумку на ручке двери, Надя подбежала к столу и нагнулась к ящику.

В ту же секунду послышался неприятный скрежет, а вслед за ним грохот и металлический звон. Рухнуло большое тяжелое панно – чеканка по металлу. Эту громадину два на полтора метра приволок когда-то из командировки Степаныч и не нашел ничего умнее, чем повесить над дверью в приемную. Вообще-то место было выбрано по одной банальной причине – других свободных участков стены нужного размера ни в кабинете, ни в приемной не имелось. Кабинет был занят картой и большой панелью телевизора, а приемная шкафами с документацией.

Крепили на совесть, чеканка лишь сдержанно гудела, когда шеф шумно врывался в приемную, грохая дверь. И вот теперь здоровенная, казалось бы на века повешенная чеканка, издав колокольный «ба-а-нг!», в итоге приземления валялась у двери как раз там, где несколько секунд назад стояла Надюха.

– Ой, – тихо сказала девушка, прижав ладошку ко рту.

Веселые усаые парни с кинжалами и девушки с тяжелыми гроздьями винограда в высоких корзинах ничего не ответили. Зато из бухгалтерии прибежали практически все еще не ушедшие домой сотрудницы. Толпясь в коридоре, они заклохотали и загалдели:

– Я всегда мимо проскакивала с опаской, а вдруг шмякнется!

– Ой, как заклохотало!

– Наденька, ты цела?

– Надо было эту махину не вешать, а прислонить к стене пониже, чтоб не прибило никого!

– Все хорошо, – заверила коллег девушка, разглядывая ушки чеканной громадины, в которых застряли три здоровенных самореза. По контурам фурнитуры мелькнули и исчезли оранжевые всполохи. Выходит, работа неизвестного мастера покинула стену вместе с держателями. Кажется, песка в кладке дома оказалось больше, чем иного содержимого, и он не вынес силы искусства.

Совместными усилиями две самые могучие тетушки-бухгалтерши подняли и прислонили шедевр к стене слева от входа. Подальше, чтобы никто о чеканку ненароком не запнулся. Потом всучили Наде конфету «Пчелка», запас коих не переводился у финансистов, и удалились. Надя машинально сунула мармеладину в рот, бутылку в сумочку и повернула ключ в замке, закрывая кабинет.

Повезло сегодня! Не вспомни она про испорченную минералку в бутылке, сейчас бы в карете «скорой помощи» ехала. А это совсем не та карета, в которой стремится прокатиться каждая девушка.

Придя домой, Надюшка, поостерегшись пользоваться раковиной, по-тихому слила минералку в унитаз, а бутылку выбросила в мусорное ведро.

Утро среды началось с взбудораженного Степаныча, явившегося на работу раньше Надьки и встречавшего ее едва ли не в дверях возбужденным шепотом, звучащим, впрочем, как через рупор. Не умел шеф говорить тихо, хоть режь!

– Надя, надо вызывать полицию! У нас картину украли! Не знаю, правда, на кой она кому-то сдалась и как сперли, но факт – чеканки-то нет! На цветмет, что ли, ее утащили? Вместе с саморезами, сволочи, уперли!

– Не надо полиции, – прыснула в ладошку Надя и ткнула пальцем туда, где притаилось «падшее» произведение неизвестного мастера.

– Во б...лин, – проглотил эмоциональное высказывание шеф, а девушка продолжила:

– Она упала вчера, вот и убрали подальше.

– Никого не пришибла? – озаботился Степаныч не столько и не только здоровьем бесценных сотрудников, сколько самой возможностью травм на производстве, проблемами с трудовой инспекцией и оплатой больничных.

– Нет, но очень старалась, – хихикнула Надя.

– Тогда назад вешать не будем. Я ее Вадьке подарю, чтоб чужих ассистенток не сманивал! Мне вчера на тренировке втирал про твои бесценные советы. Это когда ты успела его личным консультантом по акциям стать?

– В магазине встретились, – бессовестно сдала секретарша приятеля шефа. – Он меня не сманивал, только шоколадку подарил, большую.

– За совет, который ему пару-тройку лимонов принес, – хмыкнул Степаныч, новым цепким взглядом окидывая девушку. – Может, и мне тебе шоколадки за консультации в зарплатную ведомость включить?

– Не надо, пожалуйста, – непроизвольно вырвалось у Нади, и она подалась на полшага

назад. – Один раз – не страшно, а все время... Или я ошибусь, или вы не так поймете, что я сказала, или еще что-нибудь неприятное случится. Нельзя...

– Почему? – искренне удивился шеф, заправляя большой палец в кармашек жилета.

– Просто нельзя, – вздохнула помощница. – Одно дело, если у меня само получается, потому что работаю, другое – если специально попытаться сделать. Это уже горького цвета и грязным туалетом пахнет. Плохо объясняю, да?..

Надежда растерянно замолчала, не зная, как перевести интуитивные ощущения на человеческий язык слов. И это она еще промолчала про цветные нити, ниточки и их сплетения вокруг...

Но Степаныч дураком не был, и хоть в мистику не верил, зато за эти месяцы крепко-накрепко поверил в свою ассистентку. Потому хмыкнул, потер подбородок и кивнул. Не следует, так не следует! Больших барышей на ровном месте не срубишь, а бесплатный сыр в мышеловке только для второй мышки бывает.

– Да, Надюш, – спохватился шеф, хлопнул себя по груди и полез в потайной нагрудный карман жилета.

Эту одежду он в неформальной обстановке носил на работе вместо пиджака, потому как удобнее и влезает всего много. Столько, сколько надо, и еще чуток сверху. Супруга Виолетта Николаевна, истинный образец элегантности и вкуса, никак не могла отучить мужа от тяги к простецким жилетам и в конце концов махнула на неисправимую половину рукой.

Из обширного потайного кармана Степаныч извлек стопку небольших прямоугольников с надписью «приглашение» и крупными бордовыми розами. Одно приглашение вручил секретарше лично в руки, остальные шлепнул на ее рабочий стол.

– Дарья Вадимовна свой юбилей будет отмечать на следующей неделе. Просила меня всем приглашения раздать заранее, чтобы народ успел подготовиться. Сама от дочки из Европы только послезавтра вернется. Своим трепушкам в бухгалтерии не доверила, сюрприз не получился бы. Скоро будем юбилей нашего главбуха праздновать! А пока на тебе и Бомбошкине подарок. В бизнес-центр идите. Дарья фоторамку хотела. Подберете ей что-нибудь приличное.

– Я в фоторамках не разбираюсь, – сразу предупредила Надя, не отказываясь, однако, от поручения.

– Ничего, зато Бомбошкин в технике шарит, а ты внешне посмотри, чтобы вам, женщинам, понравилось, – дал инструкции начальник.

Надя смирилась с распоряжением босса, не уточняя, что ее женский вкус на вкус Дарьи Вадимовны похож мало. Вернее, совсем не похож. Впрочем, в чем-то Геннадий Степанович был прав. Какая именно вещь может прийтись по вкусу бухгалтерше, любительнице сиреневого цвета и пушистых котиков с плоскими мордочками, девушка примерно представляла. А Андрею Бомбошкину, компьютерщику, связисту и главному (потому как первому и единственному) специалисту по офисной технике, останется только проверить подарок по своему профилю.

У Степаныча слово с делом не расходилось и на потом не откладывалось. Озадачив Надюшку, он тут же крикнул через приоткрытую дверь, уловив краем глаза неспешное движение на лестнице в коридоре:

– Андрей, зайди!

Подпрыгнув мячиком на месте от грозного окрика шефа, Андрей скатился со ступенек и явился пред темные, потому что карие, начальственные очи.

Весь мягкий, круглый и улыбчивый, парень в вечном бежевом свитере и джинсах вызывал у любого лица женского пола родительско-дружественные ассоциации, а у мужчин – желание покровительствовать. Даже Степаныч на технаря почти не рычал, что, однако, не мешало Бомбошкину побаиваться грозного шефа и стараться как можно реже попадаться ему на глаза. Тактика оказалась верной. Если парня не видно на

переднем плане, значит, работает – так рассуждал босс и одобрительно хмыкал, заставляя Бомбошкина ползающим в бухгалтерии под очередным столом в поисках проблемы очередного не поладившего с дамами-бухгалтерами устройства.

Начальник дал короткую инструкцию насчет подарка. Андрюша, выражая готовность отправиться за фоторамкой для главбуха, закивал так энергично, что Надя слегка испугалась за шею специалиста. Но ничего, обошлось без вывиха.

Зато через пятнадцать минут они шагали к бизнес-центру. Здание находилось через дорогу от офиса. В нем имелось целых два крупных магазина, всюду конкурировавших друг с другом в борьбе за сердца и кошельки покупателей. А что принадлежали эти магазины одному и тому же собственнику, так об этом гоняющимся за скидками и акциями клиентам было неизвестно.

Сейчас как раз акция на нужный товар проходила в «Золотых горах», а «Сила техники» объявила хозяйственный сезон, потому народ спешил туда за холодильниками и стиральными машинами.

В «стиралках» и «морозилках» Бомбошкин не разбирался совершенно. Зато о фоторамках знал столько, что не успел вывалить на голову бедной Надежды и десятой доли «занимательной» информации за время пути от офиса до точки продаж.

Нет, Надя не останавливала разошедшегося айти-специалиста, потому что болтающий захлеб Дима излучал приятный аромат пончиков в сахарной обсыпке и сиреневый энтузиазм. Почему этот энтузиазм был сиреневым, Надя не смогла бы объяснить и под страхом смертной казни, но что было, то было.

Айтишник сыпал названиями рамок, перечислял их достоинства, начиная от возможности подключения ю-эс-би, кончая встроенными динамиками, болтал про четкость изображения... Словом, Наде перед витриной с товаром осталось только обозначить рамки поиска нужной вещицы: красное, сиреневое или розовое, но ни в коем случае не черное.

Скучающий менеджер, почуяв родственную душу, обсуждал с Бомбошкиным объем памяти, число пикселей, разъем и дополнительные функции. Надя в качестве живой мебели разглядывала ассортимент, а потом ткнула пальцем:

– Андрюша, выбирай из этих, какая лучше. Другой цвет Дарье Вадимовне не понравится. Все равно «ю-эс-би разъем», «пиксель» и «разрешение экрана» для нее будут звучать как ругательства.

Дима печально вздохнул, понимающе переглянулся с менеджером Борисом (в каких зверских условиях приходится работать!), наступил на горло собственной песне и подчинился женскому произволу.

И пусть Бомбошкин немножко бурчал себе под нос, но покупкой был явно доволен. Более того, вернувшись в офис, даже потащил Надю в свой кабинет-серверную в подвале, чтобы подключить будущий подарок еще разок и хорошенько его потестить, а может, и закачать несколько фоток для проверки.

Намурлыкивая себе под нос нечто динамичное, Андрей закружился по серверной большим шмелем, выискивая подходящую флешку, и отыскал-таки набор фото и подборку видео с новогоднего корпоратива. Нет, на столах никто не танцевал и стриптиз не показывал, людям и так было весело. Конкурсы, организованные маркетологами, концерт, вкусная еда – обиженным не ушел никто, кроме, может быть, Валеры из снабженцев, получившего очередной от ворот поворот от Вероники из экономического.

Довольно побулькивая, Бомбошкин усадил Надю в компьютерное кресло, сам плюхнулся на железный табурет рядом и гордо щелкнул пультиком от фоторамки. Дескать, о как я!

Надя заулыбалась мелкому позерству, следя больше за технарем, чем за прибором. Потому пропустила момент, когда экранчик полыхнул ядовитой желтизной и снова перешел на нейтрально-серый. А Бомбошкин восхищенно выдохнул:

– Вау, тут, оказывается, трейлер к ужастику закачан был! Ну и морда! Весь лиловый, череп не череп, монстр не монстр, да еще не то дым, не то слизь желтая сочится

отовсюду! Зачетно! Куда там пожирателям снов из «Третьего кошмара»! Интересно, когда на экраны пустят? Что-то я до сих пор анонса не видел. Любишь ужастики, Надь?

- Не особо, - честно призналась девушка, которой все эти маскарадные пляски, с ее-то особенностями восприятия, казались халтуркой на детском утреннике в деревеньке Гадюкино. Один кукольный или накрашенный под кукольного уродец-актер пытается сделать вид, что пугает других, а те старательно делают вид, что пугаются. При этом страшно только тому, кто принимает такие штуки всерьез.

- А... ну да, ты же девушка, тонкая натура, - вздохнул парень и попытался, щелкая пультом, поставить ролик на повтор. Не тут-то было! Ролик обнаружить не удалось.

- Эх, самостирающийся после разового воспроизведения, а я даже названия не увидел, - пожалел айтишник и тут же утешил сам себя: - Ладно, в сети пошарю, найду. Такая летающая фиолетовая харя точно редкость! Давай фотки посмотрим. Как тут с четкостью и яркостью, может, что подрегулировать надо.

Надя честно отсидела еще с десятков минут, пытаясь уловить нюансы цветопередачи и разрешения экрана. Разумеется, без особых успехов. Потому просто немного поглазела на фотографии из праздников и будней офиса (у Бомбошкина обнаружилась недурная подборка фото, сделанных коллегами и отщелканных лично) и, как только сочла возможным, сбежала к себе в приемную, оставив технаря колдовать над тонкостями настройки и упаковкой чуда техники обратно в коробку.

- Купили? Денег хватило? - только и спросил Степаныч.

- Да, лиловая, еще на букет с избытком осталось, а красивый подарочный пакет нам к коробке и так дали, - отчиталась Надя, закрывая вопрос.

Глава 6

Дружба - это чудо!

Вечером, как договаривались, забежала Люба, довольная, как мытый слон, и легкая, как птичка по весне. У нее наклеивался роман с тем самым парнем из кафе. Отношения после похода в кино и прогулки как раз входили в стадию конфетно-букетного периода. Потому глазки у девушки блестели, щечки покрывал совершенно естественный румянец, а рот не закрывался ни на секунду.

Надежда слушала спокойно, ей было интересно и, пожалуй, приятно ловить отголоски оттенков и ароматов Любы. Сейчас от нее веяло засахаренными апельсиновыми дольками и цветущей вишней. Надя не столько слушала, сколько нюхала и улыбалась.

Раздухарившаяся девица порхала по небольшой комнате, машинально касаясь всяких мелочей: то статуэтки забавной собачки, то картинки из песка в рамке, то маленького флакончика-пробника летней туалетной воды, забытой на столике. Когда подруга коснулась зеленого стекла, там сверкнула черно-зеленая искра. Надя сама не поняла, что произошло, но апельсиновый и вишневый ароматы вдруг сменились на горько-кислую вонь прогорклого масла, замешенного на тоскливой безнадежности. Люба всхлипнула и, закусив губу, метнулась к приоткрытому окну.

Не почувствуй Надя изменения запаха подруги, наверное, и сделать-то ничего не успела бы. А так... Может, это и неблагородно, но Надя выставила ногу, Люба запнулась за нее и грохнулась на ковер, больно стукнувшись локтями, коленями, подбородком и до крови прикусив язык. Да еще и юбка по шву распоролась.

- О-у, - взывала Люба, к которой вернулись ее вкусные и нежные запахи. - Надь, чего со мной было?

- А что было? - вопросом на вопрос, чтобы узнать причину смены аромата подруги, уточнила девушка.

- Не знаю! Я же не психическая. А тут вдруг накатило. Все таким гадким и бессмысленным показалось, а окошко твое как единственный выход светилось. Нырнуть в него рыбкой - и лететь, как птица...

- Пятый этаж, - констатировала Надя и попыталась неловко пошутить: - А ты ни плавать по воздуху, ни летать пока не умеешь, так что лучше ножками давай, птичка моя и рыбка.

Любка всхлипнула, порывисто обняла подругу и расплакалась от облегчения.

Надюша гладила Любу по спине и следила за тем, как ошметки черно-зеленой искры во флакончике бледнеют и исчезают. И вот уже ничего зловещего нет. Невинный маленький пузырек, способный подарить лишь капельку аромата арбуза и мяты.

- Господи, Надька, если бы не твоя подножка... Что на меня нашло? - еще разок жалобно всхлипнула Любка. - Я что, чокнулась?

- Ты совсем-совсем нормальная, Любаш, я тебе чем хочешь поклянусь, - твердо ответила Надежда.

- А это? - Губы собеседницы снова затряслись, а взгляд на окно за белым тюлем вызвал судорогу страха.

- А это порча была, - решительно призналась Надя. - Чья, не знаю, но видеть кое-что порой получается, потому меня чудачкой и дразнят.

- Кто-то навел на меня порчу? - испугалась и одновременно ужасающе восхитилась Любка. - Кто бы это мог быть? Светка, у которой я парня отбила? Хотя нет, она уже другого нашла... Блин, тогда надо эту пакость с концами убрать. К бабке-шептунье, что ли, съездить, в Бобровке, говорят, хорошая живет, только берет дорого... А что и как ты видишь?

Девушка, оставив страх, тараторила без остановки, забалтывая свои переживания и строя планы. Благо прикушенный язык уже почти не болел.

Надя же достала из тумбочки шкатулку со швейными принадлежностями и тюбик с ранозаживляющим гелем. Нитку с иглой, поскольку сама с ними не дружила, вручила Любаше для зашивания юбки, а сама принялась мазать колени подруги.

– Я цветами и запахами порой вижу. У тебя запах плохим стал и цвет грязным, а сейчас все по-прежнему. Снялась порча. Наверное, она на одно действие нацелена была, а как не вышло, так и распалась, исчезла. Сейчас на тебе никакой порчи нет.

– Точно? – прищурилась Люба.

– Точнее не бывает, – заверила Надежда.

– Тогда пошли в парк, – позвала подруга, решительным пинком отбрасывая панические мысли.

– Пошли, – согласилась девушка, только теперь по-настоящему начиная понимать анекдот на тему «порой на что-то согласиться бывает проще, чем объяснить, почему не хочешь». Настроения гулять после мерзкого случая с какой-то пакостью, попавшей в духи, не было, но раз обещала...

Впрочем, оптимизм неунывающей Любки оказался столь заразителен, что Надежда отложила на время все свои заботы и получила истинное удовольствие от совместной прогулки. Любаша ухитрилась затащить ее не только на колесо обозрения (это-то ладно!), но даже в тир. В палатке Надя так безбожно мазала дротиками по надувным шарикам, что вызвала своей косорукостью настоящее восхищение у бабушки-продавца. Дескать, видал я мазил, но таких мастеров отродясь не попадалось! От щедрот восхищенной снайперской души старикан даже выдал Наде награду: колбочку с мыльными пузырями, за что получил от двух девушек по звонкому поцелую в каждую щеку.

Подруги баловались как дети, выдувая стайки радужных пузырей. Те посверкивали в лучах закатного солнца, просачивающегося сквозь пестрые, точно мелированная головка модницы, деревья. А потом девушки подарили остатки пузырей первому попавшему карапузу, чьи завидующие глазенки выдали его желания. Пацаненок в ответ всучил щедрым дарительницам по жевательной конфете из кармашка и вприпрыжку помчался к бабушке хвастаться подарком.

Домой после восьми вечера Надя входила с улыбкой, которая тут же сползла с губ от вида огорченной матери. От той веяло горькой календулой и синей печалью.

– Что случилось? – выпалила девушка с порога, едва прикрыв дверь. Сердце екнуло, опасаясь новой беды.

– Адениум погиб, – горестно пожаловалась дочке цветовод-любитель. – Еще с утра зелененький был, с бутонами розовыми в обсыпку, а сейчас черный. А я ведь его так хорошо полила. Специально для него бутылочку поменьше отмыла, чтобы в поддон лить, а не под корни.

– Мама, ты из ведра бутылку синенькую с оранжевой крышкой доставала? – мертвым голосом уточнила Надя, проверяя очень нехорошее предположение.

– Ну да, – пожала плечами Вера. – Я же ее горячей водой ошпарила, прополоскала. Там же не газировка или другая какая дрянь, обычная минералка была.

– Ох, мамочка... – только вздохнула Надя и попросила: – Бутылку вместе с водой в мусор выброси и больше ничего из нее не поливай. Там отравка была.

– Какая отравка? – всполошилась мать.

– Не знаю, и откуда бутылка, тоже не скажу, а начну гадать, ты снова решишь, что я не в себе, – повела плечом девушка и попросила: – Свари лучше пельмешек.

– И то верно, я же и сама еще не ужинала, – спохватилась Вера, решив больше не

приставать к дочке с расспросами. Она поспешила на кухню, изо всех сил отодвигая мысли об однокласснике Ванечке, услуги которого могут в ближайшее время пригодиться не только Надюшке, но и ей самой. Вот только бутылку она для начала выкинула, как и просила Надя. Сумасшествие сумасшествием, но ведь цветочек и впрямь погиб! Не пригрелилось же ей это!

Чтобы поскорее закипела вода, Вера наполнила кастрюльку прямо из горячего чайника. Чиркнула спичкой у конфорки. Надя помыла руки, накинула халатик и подтянулась к маме на кухню, чтобы посидеть рядом с дорогим человеком и просто помолчать, если нельзя ничего рассказать.

Вера залезла в банку с солью, зачерпнула и щедро метнула в закипающую воду чайную ложку с горкой. Вода в эмалированной старой кастрюльке взметнулась горбом, как волна при шторме, стала грязно-голубой и опала, оставив вонь паленого волоса.

– Мама, мне кажется, пельмени в этой воде варить нельзя. Ее надо вылить, а кастрюльку выбросить, – дрогнувшим голосом резюмировала Надя.

– Я воду из чайника наливала. Его тоже выбросить? – только и спросила Вера.

– И его, – отрешенно согласилась Надя.

– Дочка, мы ведь не сумасшедшие? – все-таки осторожно уточнила мама.

– Нет, – чуток подумав, твердо объявила Надежда свой ответ на слишком популярный этим вечером вопрос.

– Тогда что происходит? Это все как-то связано с твоими рассказами про... – Матушка замаялась, но все-таки произнесла, буквально заставила себя сказать то, что выговариваться никак не хотело: – Про кулон и Силы.

– Я не знаю, но попробую узнать. Я их сейчас позову. Только ты все равно не увидишь и не услышишь ничего, лишь мои слова.

– Если они объяснят, почему погиб цветок и вода испортилась, я попробую поверить, – нетвердо пообещала Вера, присаживаясь на табуретку рядом с дочерью.

Надя положила ладонку на подвеску, которую теперь не снимала даже ночью, потому что с ней было как-то уютнее и надежнее. Вдохнула и позвала:

– Силы Двадцати и Одной! Пожалуйста, мне с вами очень надо поговорить!

– Плетущая? – Звала? – Что случилось? – У нас проблемы! – Огорчение! – Неприятности! – Хорошо, что позвала, посоветуемся! – раздался в сознании Нади уже привычный слаженный разноголосый ответ.

– Посмотрите на воду в кастрюле и чайнике. С виду была обычной, мы хотели сварить пельмени...

– Нельзя! – одновременно и единогласно завопили Силы, а потом их голоса смешались: – Отрава! – Опасность! – Радужная смерть! – Откуда? – Кто сотворил заклятие?

– Мам, они подтверждают, что в кастрюле и чайнике яд, – первым делом проинформировала Веру дочка, не добывая родительницу эффектными словами «радужная смерть», и уточнила уже у Сил: – Какое заклятие? Вы же сами утверждали, что в этом мире не действует магия.

– Говорили. – Так и есть! Заклятие древнее! Злое! – Великие маги или боги на него способны. – Нити Мироздания видишь ты. Тот, кто радужную смерть плетет, иным путем идет! Нити надрывают те чары, узлами тайными завязывают. Потом исчезает плетение. Семикратно сплетенное заклятие удар наносит, но узреть его нельзя, лишь действие и след цвета потом остаются, – выдали оглушительную информацию собеседники, вновь вещая хором.

– Вы хотите сказать, что меня кто-то пытается убить магией, – конкретизировала Надежда панические вопли Сил. – Значит, вода в бутылке, упавшая картина, странный

запах духов и сменившая цвет вода в кастрюльке – все это может быть одним заклятием?

– Уже голубой цвет плетения! Пятикратно по тебе был нанесен удар! – удивительно слаженно продолжали биться в истерике Силы, более всего коря себя за то, что ничего не заметили до тех пор, пока избранница не позвала и буквально не ткнула их носом в опасность.

– Пять? Э-э, красным светилась вода, чеканка выскочила из креплений, заискривших оранжевым, искорка в духах появлялась зеленая. А желтого цвета не заметила, – развела руками Надя под причитания Сил о провалившейся попытке наслать страшнейший ночной кошмар, лишающий рассудка.

Откуда было знать коварным убийцам про отважного айтишника Бомбошкина, принявшего удар на себя? Про его фанатичную любовь к фильмам ужасов и закаленную ими психику? Чтобы чары подействовали, зрящий обязан был хоть на миг испугаться видения, а он, зараза, испустил неистовую волну восторга, мгновенно нейтрализовавшую зловерное плетение!

Не ведая о героическом спасителе, девушка отложила переживания о несостоявшихся мистических покушениях и уточнила самое актуальное для небогатой семьи:

– Посуду выбрасывать или ее как-то отмыть от отравы можно? Жалко чайник и кастрюльку.

– Мы поможем, воздействие на воздействие извне разрешено и возможно в рамках технических миров, – поспешно объявили Силы и будто суперсредством прошлись по пострадавшей посуде, устраняя ошметки ядовито-голубой дряни, а заодно избавляя пространство от вони паленых волос. Последняя, скорее всего, существовала лишь в воображении чуткой девушки и сменилась приятным запахом озона после грозы.

– Спасибо, – поблагодарила Надя и сообщила замершей на табуретке матери: – Силы все исправили, выбрасывать ничего не придется.

Вера только тихонько растерянно вздохнула, а девушка продолжила расспросы:

– Кто от меня пытается избавиться? У вас есть враги?

– Мы не боги, не враждуем ни с кем! – Блюдем гармонию миров! – Не должно врагов быть! – Не знаем, сложно информацию о техномирах собирать! – Не видим нужной ячейки в информационном коде Вселенной! Искать будем! – опять дружным хором выдали почти уже привычную Наде разноголосицу незримые собеседники.

– Поняла. Только вы сами говорили, здесь магия не действует, как же тогда эта сработала? – снова повторила вопрос озадаченная девушка.

– Магия в мире техническом не проявляется явно. Но ты – Плетущая, сила твоя при действии, направленном вовне, будь то беседа, совет или иное, что влияет на иные миры, сама создает поле, в котором частица магии проявиться может, не только твоя, но и извне привнесенная. Внедрилась в плетение силы твоей, в ней же скрылось! Не разглядеть! – Дар угрозой обернулся! – Не учли! – Не просчитали! – Подвергли опасности! – вывалили Силы информацию на многострадальную голову собеседницы.

Они кружились радужным вихрем по комнате, выливая на Надю панические всплески эмоций, отдающих переспелой и подкисшей черникой. Почему черникой и именно подкисшей, Надя, как обычно случалось с ее странными вкусо-ароматическими ассоциациями, сказать не могла, но настроение у Сил Двадцати и Одной было именно таким.

– Пельмешки-то можно варить? – не дождавшись других пояснений, неуверенно уточнила мама Вера и, получив согласный кивок, занялась полезным делом.

Почему-то у Веры Николаевны не получалось поверить в настоящую опасность, грозившую ей и дочке от цветной воды в кастрюльке. Нет, какой-то частью сознания она принимала странную реальность, но испугаться так, чтобы до паники, как если бы на нее упал кирпич или попыталась задавить машина, все равно не получалось. В мире без магии практичной, умудренной жизнью женщине сложно поверить в реальную

магическую опасность, даже имея странную дочку. Сейчас, к примеру, дочка разговаривала с пустым пространством и, кажется, получала от него ответы. Впрочем, даже слепая к магии Вера Анатольевна каким-то шестым или седьмым чувством ощущала незримое присутствие. Может, от дочери нахваталась? Это было все равно как стоящий у тебя за спиной или за дверью гость. Не видишь, почти не слышишь, но что-то выдает чужого рядом. Дыхание ли, тепло тела, биение сердца... Может, и в самом деле матери и дочке пора сходить в гости к Ванечке? Вот только прежде, чем решать, лучше покушать!

Глава 7

Опять нет повода не выпить

Пока мама возилась с пельменями, восстанавливая немудреной готовкой душевное равновесие, Надя перешла в другую комнату и спросила:

- А теперь скажите, чем вы так встревожены, кроме покушений на меня?

- Последовали совету твоему об авансе законнику Дарсену. Показали ему новые воплощения тех, кто родными был, и нынче жалею... - выпалили Силы очень дружным хором. Мысль эта была общей для всех.

- Подробности расскажите, - попросила девушка.

- Он снова сильно пьет, очень расстроился.

- Так страдает от невозможности быть рядом с теми, кого увидел снова? - нахмурившись, уточнила Надя.

- Не знаем. У него такая каша в голове сейчас... - почти всхлипнули Двадцать и Одна, снова удивительно слаженно.

- Разверните, пожалуйста, экран связи, я хочу с ним поговорить, - попросила Плетущая, и Силы поспешно выполнили ее просьбу, являя изображение. Сами же шмыгнули куда-то в сторону и затаились. Дескать, нас тут нет, отродясь не было и не будет.

Дарсен Виндер сидел в каком-то грязном кабаке. Даже ничего не понимающая в забегах такого рода девушка не могла иначе назвать темную, воняющую гнильем, тухлятиной и безнадежностью дыру.

Разумеется, юрист опять топил свои печали в крепком алкоголе. Перед ним стояли глиняная кружка и кувшин с надколотой широкой горловиной. И без того не слишком привлекательный внешне обрюзгший мужчина сейчас был заляпан вином, чем-то жирным и кровью из рассаженой губы. А еще он походил на панду-мутанта. Один подбитый глаз отливал синевой.

Дарсен Виндер, блестящий законник, квасил по-черному и бесконтрольно выплескивал свою боль в пространство. Наде никогда не нравилось общаться с пьяными. От них, чем больше выпьют, тем хуже пахнет. Но сейчас она сама попросила о разговоре и не имела права отказываться от беседы. Если верить словам Сил, а врать эти создания были органически не способны, потому как такими их создал Творец, то все происходящее было следствием необдуманного совета. Ее совета.

- Дарсен, - осторожно позвала Надя, не зная, с чего лучше начать и может ли быть в такой ситуации вообще какое-нибудь «лучше».

- Куколка? Привет! - совершенно трезвым голосом отозвался юрист. - Великие на работу призывают, что ли, опять пауки где-нибудь завелись?

- Нет, они за тебя очень переживают, - тихо ответила Надя.

- Что за меня переживать? Дураков учить надо, жестко учить. Мордой об стол. А лучше по брусчатке поводить - если в башке соображения нет, так пускай через дырку снаружи затечет...

- Все настолько плохо? - испугалась девушка. - Твои родные страдают?

- Мои родные... - Дарсен отхлебнул не из кружки, а прямо из кувшина, снова порезав губу о сколотый край и даже не заметив этого. А потом горько выдохнул: - Они не мои ныне. Они счастливы, куколка! И никогда не вспомнят обо мне. Я им не нужен! Смешно!

Хриплый хохот Виндера бил горькими осколками разлетевшегося вдребезги зеркала.

- Моя хрупкая упрямая Эльмис уже не Эльмис, а везучий, как демон, предводитель хирда морских разбойников, способный развалить меня нынешнего на две половинки

одним ударом даже не топора, ножика. А малыш Дилт – многодетная мать в семействе богатого купчика.

– Ой, – только и смогла сказать Надя, прижав ладошку ко рту.

– О да, куколка, только не «ой», а за... – то, что сказал Дарсен дальше, Надя понять не смогла. Скорее всего, с разбитых губ слетала очень грубая брань. – А я...

И снова Виндер выдал что-то непечатное, не предназначенное для перевода. Впрочем, главное Надя уяснила и выпалила то, что пришло в голову:

– Ты жалеешь себя!

– А ты жестока, куколка! – скривил окровавленные губы юрист.

– Ты жалеешь, потому что цель, поставленная в отчаянии из-за боли потерь, оказалась погоней за призраками, – перевела Надя на язык слов не столько для юриста, сколько для себя, пытаюсь расшифровать запахи и цвета, мельтешащие вокруг Дарсена. – Ты рвал жилы, собирался свернуть горы, считая, что родные нуждаются в твоей помощи и поддержке. Но узнав, что они по-своему счастливы, страдаешь, поскольку любимые люди не дождались тебя за порогом. Стали жить без тебя. Посмели устроить свою судьбу и изменились. Тебе их не догнать, а значит, бежать некуда и незачем.

– Хватит, куколка. – Ручка кувшина, которую толстяк-юрист сжимал в кулаке, треснула, отвалилась от убогого сосуда с выпивкой и осыпалась мелкой крошкой.

– Прости, – сразу смолкла и потупилась Надя. – Я... Я не хотела говорить тебе все это, оно как-то само сказалось, когда смотрела на грязно-душные сполохи. Болотный, лиловый, тина и сероводород... Ты обычно слегка горчил, как корочка свежего лимона, а сегодня воняешь.

– М-да, не духи от Лаберка, – машинально нюхнув свой рукав, согласился Дарсен.

– Я не о запахе тела, – покачала головой Надя. – Я по-другому чувствую. Не важно. Пей, если считаешь нужным, а потом давай снова решать задачки Сил.

– А зачем мне теперь это надо, куколка? – оскалился юрист. – Для чего?

– Для чего? – пожала плечами девушка и снова откровенно призналась: – Не знаю. Я не знаю, для чего тебе. Мне просто интересно и радостно, когда в жизни есть кусочек чуда. Ты слишком привык к чудесам рядом и радости от этого не испытываешь. Но ты можешь попросить зарплату или еще что-то из обычных человеческих хотений. Все лучше, чем пить и жалеть себя, спуская в унитаэ дни.

– Ах да, я и забыл, куколка, ты из Служителей. Такие, как ты, всегда с большим прибабахом, – зло прокомментировал пьяный Дарсен, желая как-то уязвить девушку, которая бесцеремонно копалась в его душевной ране. И наковыряла столько всего, что он сам себе стал еще противнее, чем был.

– Я знаю, – слабо улыбнулась Надя, а затем прибавила: – Мне это нравится. Лучше быть чудачкой, как я, чем такими, как многие рядом. Им скучно жить, они не видят яркие краски мира вокруг.

– Тогда любуйся, сколько хочешь, а с меня хватит! – рявкнул Виндер и снова присосался к кувшину, ставя градусную точку в разговоре. Держал он емкость одной рукой, а пальцы второй сложил в странное сплетение. Пусть оно не было похоже на привычные Наде, однако девушка безошибочно истолковала знак, как грубый посыл.

Понимая, что ничего изменить не сможет, Надежда печально повинулась перед Силами, отключившими трансляцию:

– Простите, я все испортила. Совет плохой дала, хорошего человека расстроила, работу вам сорвала.

– Ты попробовала, – закружились сочувственным голубым хороводом Силы Двадцати и Одной. – Мы часто не понимаем людей. Думали, увидеть радость любимых прежде ему

будет приятно, а он огорчился. Но мы не можем пробудить память прошлого у неподготовленных душ, обретших новые оболочки. Такое бремя по силам лишь богам, мудрецам и могущественным магам. А его близкие были и есть обычные люди. Им память принесет много боли, потому что они уходили в страданиях...

– Хотели как лучше, а получилось как всегда, – сворачиваясь клубочком в кресле, с грустной улыбкой процитировала Надя удивительные, нечаянно мудрые слова одного давнего политика.

– Почему ты не сказала Дарсену о нависшей опасности? Он мог бы дать совет и перестать пить? Снова начать работать с нами?.. – не оставляя попыток разобраться с человеческой логикой, спросили Силы.

– Зачем ему мои проблемы? Ему сейчас своей боли хватит. А работа... Мне почему-то кажется, он ее не бросит. Ему же, я это чувствовала, тоже было интересно. Сейчас он купается в своем горе и не хочет слышать ничего. Пусть, подождем...

– Надя, пельмешки готовы! Иди ужинать! – донесся из кухни голос матери.

– Иду! – откликнулась девушка и устремилась на манящий запах.

Домашние пельмешки с кусочком масла, тающим на горячем, исходящем паром тесте, пахли умопомрачительно. Живот у девушки заворчал, как какой-то маленький, но очень голодный зверек.

В умиротворенной тишине, запивая пельмени горячим чаем, маленькая семья поужинала. А потом мама Вера неожиданно выпалила почти в панике:

– Надюш, я все-таки чокнулась, или у нас на кухне какой-то пестрый вихрь под потолком мельтешит?

Силы издали хором какой-то странный звук, который, пожалуй, имел на планете Земля всего один знакомый Наде аналог в английском и произносился как «Упс».

Вздохнув, недоразвитая Служительница покосилась на матушку и уточнила у Сил:

– Почему мама стала вас видеть?

– Мы устранили яд, но... возможно... часть магии... – Что-то извне осталось в воде... – В металле... – Передалось с едой. Эффект должен пройти... – Наверное... – Предполагаем... – Рассчитываем... – Надеемся!.. – загалдели Силы Двадцати и Одной в свойственной им разноголосой манере, усиленной чувством вины и беспокойства.

– А теперь я еще какой-то шум слышу. Будто кто-то говорит, но неразборчиво. Слов не различить. – Голос Веры Николаевны дрогнул, ложечка, выпавшая из разжавшихся пальцев, звякнула об ободок чашки.

– Мама, ты не волнуйся. Силы говорят, что яд, который менял цвет воды, они убрали, но какая-то безопасная часть магии могла остаться в посуде. Вот она так на тебя и подействовала, дала способность видеть то, что остальные люди не видят. Ты теперь Силы немножко видишь и слышишь.

– Если этот фейерверк и вопли под потолком – немножко, – дрогнул голос матери, – то как все это воспринимаешь ты?

– Как всегда. Я привыкла. Цвета, запахи, звуки вперемешку накатывают постоянно, – просто ответила Надя и весело рассмеялась: – А иначе с чего бы я была у тебя такой странной? Добавки-то в пищу только сегодня капнули.

– Ой, Надюш, и долго у меня будет это... – подобрать подходящее словесное описание происходящему бедламу женщина затруднилась и просто вопросительно взглянула на дочку как на единственного доступного эксперта по части небывальщины.

– Они говорят, эффект может исчезнуть, – пожала плечами «переводчица» и честно

добавила: – А может и не исчезнуть. Это как повезет или не повезет.

– Зато Ванюше можно не звонить. Это точно не по его части, – пробормотала себе под нос Вера Анатольевна и решительно достала из шкафа пузатую темную бутылочку с ликером. Кажется, у дамы средних лет на трезвую голову многоцветная и многозвучная реальность усваиваться отказывалась.

Мама покачала тягучий ликер в рюмашке, намекая на готовность капнуть чуток дочке. Надя помотала головой и придвинула к себе всю бутылку. Нет, не пить. Вкус спиртного девушка не очень любила, а вот богатый сливочно-кофейный аромат с нотками алкоголя ей нравился. Потому мама пила, а Надя нюхала еще с полчасика бутылку. Под ликер и велась неспешная беседа. Нет, не о Силах, увлекательной работе на них и главном вопросе дня: зачем кому-то очень могущественному понадобилось вредить Надежде, а о дачно-огородных работах и вареньях-компотах.

Касательно цветного мельтешения и стоящих за ним личностей, которые по сути ничего общего с людьми не имеют, Вера вопросов не задавала. Она откровенно призналась дочке, что ей сложно не только говорить, даже думать обо всем этом. Сразу голова болеть начинает. Потому мельтешит что-то, и пусть мельтешит, пятен-то на обоях не останется, вот и ладно. А что Надюшка с этим самым чем-то или кем-то общается, так пускай, вроде как вреда нет, одна только польза.

Почему-то заодно с ликвидацией Силами ядовитых эманаций из головы мамы Веры стал стираться и сам факт проявления магической угрозы. Нет, она вроде как не забыла его совсем, но перестала считать реальным и значимым, перестала волноваться о бывших и потенциальных будущих опасностях такого рода.

Силы спокойно выслушали слова женщины и ничуть не удивились. Наде же дипломатично пояснили: людям технических миров вообще не дано воспринимать Силы, истинную магию и прочие проявления чудесного в полном объеме. Разум реагирует столь специфично, что даже внешние проявления магии им игнорируются, забываются или истолковываются так, чтобы объяснение не выходило за рамки законов мира.

Поразмыслив, Надежда согласилась: то, что мама кое-что подзабыла и перестала волноваться за дочку – только плюс! Кстати вспомнился и недавний случай с незадачливой подружкой «самоубийцей» Любашей, едва не шагнувшей из окошка и списавшей все на порчу и соперниц. Да, людям проще выдумать объяснение, чем разобраться и принять истинную природу чуда как данность. Это ей все просто и радостно, ну так она же чудачка. Потому и радуется, что чудес в ее жизни сейчас стало больше!

И пусть юрист, избалованный постоянным присутствием чудесного, ворчит про зарплату; само общение с Силами, их светлая радость и яркие многоголосые краски – вот она, истинная щедрая плата за все Надины труды, ради которой ничего не жаль. Так ведь Надежда ничем и не жертвует, потому как ужасно интересно оказалось беседовать с Силами, искать с законником Дарсеном решение для их увлекательных задачек.

Страшно Наде не было, почему-то в душе жила твердая уверенность – что бы ни случалось, ее и тех, кто ей дорог, защитят. Укладывалась спать девушка с улыбкой, и улыбка эта блуждала на ее губах всю ночь.

Глава 8

Что говорить, когда нечего говорить

Уверенная в заботе и присмотре Сил, Надя спала сном младенца, а на работу утром выходила с улыбкой на губах. Настроения не испортила даже мелкая морось осеннего дождичка. Ветра не было, потому девушка не стала открывать зонтик. Так и шла, чуть запрокинув голову к небу, чтобы видеть мягкие серые тучки, обложившие горизонт точно ватой.

– Надежда? – окликнул мечтательницу голос.

Надя обернулась. Хлопнула дверь, и из серой высокой машины (в марках четырехколесных средств передвижения девушка совершенно не разбиралась), припаркованной у тротуара, вышел незнакомый мужчина. Раскрыл над ней зонтик, прикрывая от дождя.

– Доброе утро. С вами хотел побеседовать Виктор Леонидович.

– Я не знаю такого, – ответила девушка совершенно безмятежно, потому что от сероглазого незнакомца с короткой стрижкой веяло удивительно спокойным ароматом сухой осенней листвы, совпадающим с ее нынешним настроением.

– Он вас тоже знает лишь понаслышке. Заодно и познакомитесь. Не волнуйтесь, это деловой разговор.

– Я не волнуюсь, – улыбнулась Надя. – Только мне к девяти на работу. Не хочу опоздать.

– Думаю, вы успеете. Я подвезу, – пообещал незнакомец и приглашающе кивнул в сторону машины. От него повеяло весенними льдинками вперемешку с лунным светом. Кажется, мужчина был доволен итогом разговора, или, возможно, радовался тому, что не оправдались его худшие опасения о женских капризах и страхах.

Машина бесшумно тронулась с места и в считанные минуты доставила Надю на стоянку перед частным домом, которому больше соответствовало бы звание особняка.

Надежда частенько проходила по этой улочке мимо основательного забора из красно-белого кирпича, видела башенки и большие окна здания за стенами, но никогда не задавалась вопросом о принадлежности, воспринимая дом и забор как часть пейзажа.

Провожатый, исполнивший роль шофера, не ограничился доставкой до дверей. Он сам вышел из машины и провел Надю по почти безлюдному дому. Лишь где-то промелькнула фигура смахивающей с мебели пыль немолодой женщины. Довели Надю до большой комнаты с диваном, парой кресел, журнальным столиком и здоровенной плазменной панелью во всю стенку.

Не комната для бесед, скорее личный кинозал. Почему-то ее привели не в кабинет, коль разговор обещали деловой, а сюда. Может, хотели как-то подчеркнуть неформальность обстановки?

Не успела Надя присесть на диванчик, как в комнату, на ходу застегивая среднюю пуговицу пиджака, вкатился низенький, почти лысый мужчина с улыбкой на полном лице и совершенно холодными, расчетливыми, как кнопки калькулятора, глазами.

Теперь Надя вспомнила, что пару раз видела его в местных новостях. Кажется, это был Красильников, крупный бизнесмен и меценат. Пахло от него не то чтобы откровенно неприятно, но Наде никогда не нравился запах попкорна с сыром, а уж если смешать его с цитрусовым одеколоном... Словом, впечатление получалось странным. Скорее всего, странным было и состояние хозяина дома: расчет мешался у него с полным неверием и насмешкой то ли над ней, Надей, то ли и над Надей, и над самим собой одновременно.

– Доброе утро, Наденька, приятно познакомиться. Митя, попроси, чтобы нам чай организовали. Или ты, Надюша, кофейку с утра желаешь? – потер руки живчик, плюхаясь в кресло рядом и расплываясь в очередной улыбке.

– Не надо ничего, – качнула головой девушка, сразу же уяснив всю подноготную приглашения. – Я вам все равно ничем помогать не буду, не потому, что не хочу категорически или деньги совсем не нужны...

– Отчего же, Надюша, не будете? Вадиму вы отличный своевременный совет дали! Я многого не попрошу и наградить могу щедро! – Улыбка все еще липла к губам бизнесмена, а вот глазки-калькуляторы стали еще жестче.

Дмитрий на миг-другой покинул комнатку, вероятно отдавая распоряжения, и тут же вернулся, заняв место в паре шагов от кресла начальника.

– Я постараюсь объяснить, – помявшись, ответила Надя. – Не обижайтесь. У вас и так все получается, вы многое умеете, вам везет. А если начнете мои подсказки слушать, то все свое везение невольно на них обменяете. Плата за выгоду выгоды не стоит. Если не случайно совет дан, не от сердца, за него можно ненароком заплатить дороже всей полученной прибыли. По семье, друзьям, здоровью, делу любимому стукнуть может, восстанавливая баланс.

– Хм. – Живчик-толстячок задумался, просчитывая, не пытается ли его развести странная девчушка, благодаря случайным или не случайным словам которой личная идея Красильникова по сбыту неликвидных акций дала небольшую осечку. Вот потому, собственно, а вовсе не в погоне за прибылями, он пожелал увидеть советчицу. Подвыпивший Вадим в клубе на юбилей мэра был довольно откровенен, может, и еще что дельное сболтнул бы, да за ним явился Гаврилов и уволок чуть ли не на прицепе.

Теперь бизнесмен смотрел на девчонку и не знал, что делать. Что использовать не получится, каким-то звериным чутьем Виктор Леонидович почуял почти сразу, а своей интуиции он привык доверять. Но теперь речь шла еще и о другом: если ее талант ему непригоден, не получится ли так, что он очень пригодится конкурентам и доставит ему, Виктору, проблемы?

Чтобы потянуть время для размышлений, бизнесмен машинально подался к пульту и щелкнул кнопкой. Лучше бы он этого не делал.

За миг до нажатия панической сиреной взвыли Силы Двадцати и Одной:

– Служительница, прячься, чары-убийцы! Синий!

Тренированным спецом Надя не была, зато доверие к Силам испытывала полное, потому прыгнула за диван, пытаясь укрыться от чего-то опасного за его высокой спинкой. То же самое с отставанием в долю секунды проделал и Дмитрий, попутно снеся пухленького подопечного-босса с кресла и припечатав его за длинным диваном к полу. Одновременно с этим полыхнула яркая синяя вспышка, раздались взрыв, звон, треск и скрежет. Запахло горелой пластмассой, по полу, стенам и мебели забарабанили осколки. Задымил. То, что осталось от большой плазменной панели, плавилось, горело и нещадно воняло.

Прикрыв босса от первого удара, Дмитрий не мешкал, подхватив оглушенного происходящим Виктора за плечи, почти поволок его к выходу. Свободной рукой мужчина цапнул за руку полуоглушенную девушку.

Захлопнув дверь в задымленную комнату, крикнул спешащим на шум молодцам при оружии:

– Стас, Сергей, огнетушитель тащите! Плазма рванула!

– Они ж не взрываются, – вякнул на ходу, вытаскивая из шкафа у стены баллон с огнетушителем, высокий, стриженный чуть ли не налысо здоровяк.

– Зайди, глянь, – рявкнул Дмитрий, мотнув головой в сторону двери, из-под которой начал просачиваться первый дымок.

Второй крепыш с волосами, завязанными в короткий хвостик, болтать не стал, лишь схватил еще один красный баллон с раструбом, сорвал пломбу и поспешил к двери.

Ошарашенный, чуток растерянный Виктор Леонидович крякнул, пригладил жиденькие

волосы на голове, одернул пиджак и качнул головой:

– Однако... Вы как, Надюша, целы?

– Да, – кивнула девушка, пытаясь одновременно общаться с людьми и выслушивать отчаянные вопли Сил, вещавших что-то о якорях, крючках, магических ловушках и неразличимой опасности.

– Она первая среагировала, – мигом заложил Надю телохранитель. – Если бы не она, я мог не успеть прикрыть.

– Однако... – снова повторил Виктор Леонидович. – И часто у вас такое случается, Надя?

– Случается разное, такого еще не было. Техника при мне ни разу не взрывалась, – призналась девушка и искренне поблагодарила: – Спасибо, Дмитрий, я растерялась.

– У тебя что, враги есть? – прищурился тот.

– Не знаю, – снова откровенно ответила девушка, потому что истоков радужного безобразия, творящегося вокруг нее в последнее время, не ведала. Да если бы и ведала, то как объяснить людям про Силы, активирующееся ее аурой спектральное убийственное заклинание и прочую метафизическую дребедень с опасными физическими последствиями – действительно не представляла. Во всяком случае, не представляла, как объяснить и не оказаться в комнате с мягкими стенами на полном государственном обеспечении.

Да что окружающие, она и сама-то не очень понимала, откуда конкретно исходит странная угроза, и не могла адекватно оценить степень опасности. Почему-то, несмотря на внешние проявления, ей все казалось чуть-чуть ненастоящим, сказочным и совсем неопасным. Все эти «цветные ужасности», просачиваясь в ее мир, все равно оставались угрозами волшебными. Потому и поверить в их натуральность, даже после падения чеканки, самоубийственной выходки Любки, увядания адениума и взорвавшегося телевизора Надя не могла. И, наверное, к лучшему! Эта терапевтическая доза неверия защищала психику девушки лучше любой стены, а может быть, еще и отводила от нее изрядную часть беды. С этими магическими странностями сложно судить наверняка.

– Митенька, да какие у нее враги? – крикнул от удивления Виктор Леонидович, снисходительно взирая на тощенькую забавную чудачку. Безобидность девочки была очевидна так же, как и ее странность. В его дела, это матерый бизнесмен теперь видел четко, Надя вошла совершенно случайно и больше туда соваться не собиралась. А вот кое-что другое стоило уточнить.

– Ты будущее, что ли, видишь?

– Нет, – искренне удивилась Надя и замотала головой. – Как его можно видеть точно? Это же так много всяких нитей среди других нитей основы, которые сплетаются как хотят, от каждого нашего вздоха! Если кто такое видеть может, то он сумасшедший!

– А как тогда с теликом смогла среагировать? – недоверчиво прищурился Дмитрий.

– Он стал нехорошо пахнуть. – Девушка подыскала довод, который действительно реально существовал для нее наравне с синим всполохом.

– Ничего не чуял, – честно признал телохранитель.

– Я на запахи обостренно реагирую и чую не так, как все, – виновато пожала плечами девушка. – Вы вот для меня сухими осенними листьями пахнете, а Виктор Леонидович попкорном с сыром. А телевизор вдруг запах, какдохлый голубь. Вот я и шаркнулась.

– Хм, – еще раз хмыкнул бизнесмен, оценивая странность собеседницы. Он все никак не мог для себя точно определить ее полезность и возможность использования, а также степень безопасности пребывания рядом с девушкой для себя лично. Взорвалась ли плазма, потому что эта странная Надя была рядом с телевизором, или он и так должен был взорваться, а Надежда спасла людей, успев поднять тревогу?

Точного ответа не было, потому Виктор Леонидович решил подождать и не рисковать

здоровьем попусту. В конце концов, от неуголенного любопытства и призрачных перспектив убытков еще никто не умирал, в отличие от взрывающихся плазменных панелей. Которые, кстати – прав Митя, – вообще не должны были взрываться, потому как просто нечему в этих изделиях, насколько понимал не очень-то сведущий в технических деталях бизнесмен, взрываться. Если, конечно, никто не заложил туда взрывчатку. Но насчет последнего, тут Виктор Леонидович как раз был совершенно уверен, его парень разберется. Мальчик недаром свой хлебушек с маслом ест.

– Вот что, Митенька, мы и без того девушку напугали и задержали, подбрось ее до работы. А вы, Надюша, пожалуйста, не отказывайте сразу, если я вас кофейку попить позову. Обещаю, вытягивать коммерческие тайны из вас не буду.

Дмитрий очень неохотно качнул головой, но все-таки решил довериться паре ликвидаторов возгорания, уже покончивших с работой, и оставить шефа на них. Удивленные мужики как раз вызвали уборщиков для продолжения наведения порядка в кинозале, сами же переключились на опеку начальства.

– Пошли, ясновидица, – буркнул телохранитель и мотнул головой.

Все дорогу до офиса (адрес Наде называть не пришлось – Дмитрий все прекрасно знал сам) провожатый косился на девушку и хмурился. Никакой явной вины за ней он не видел. Если судить логически, ее и быть-то не могло, однако где-то внутри скреблась мышка подозрения. И не за что, и не о чем, а все же... Это как с черной кошкой – вроде и нет ее вины в том, что дорогу хвостатая по своим делам перебежала, а все неприятности потом на нее валят.

Наконец, уже притормозив у офиса Степаныча, Дмитрий не выдержал и хмуро уточнил:

– Это точно не ты?

– Я не взрывала телевизор, – пожала плечиками странная девушка, явственно что-то недоговаривавшая, – но вокруг меня последнее время много всего странного происходит. Наверное, и Виктору Леонидовичу могло случайно достаться... Просто потому, что рядом был.

– Хм, как тогда офис до сих пор не в развалинах? – хмыкнул Дмитрий, побарабанив пальцами по рулю.

– Может, потому что я там только работаю, – пожала худенькими плечиками Надюша. – И никто у меня ничего про всякое такое не спрашивает. А может, потому, что у нас плазменных панелей нет.

Дмитрий еще раз согласно хмыкнул и нажал кнопку, фиксатор дверей щелкнул, освобождая девушке путь из машины. Дальше держать странную пассажирку, совершенно не похожую на тех, с кем ему приходилось обычно иметь дело, смысла не было. Ну не подложила же она взрывчатку, в самом деле! Когда бы? Он с гостьи глаз не спускал. А вот шефа, как ни крути, спасла. Потому и расщедрился телохранитель на легкий наклон головы и короткое «спасибо».

Надя едва заметно улыбнулась в ответ и выскользнула из машины.

– Подожди, – запоздало окликнул ее Дмитрий. – На, возьми! – Телохранитель сунул девушке свою визитку – обычный гладкий прямоугольник с именем и номером сотового без всяких должностей. – А почему я пахну осенними листьями?

Надя взяла визитку, снова повела плечами, позволила задумчивой улыбке погулять по губам и ответила:

– Я точно не знаю, Дмитрий. Может быть, так смешались горчинка вашего прошлого и покой настоящего. И человек вы хороший.

Дмитрий скептически скривился.

– Не подлый, не злой, немного уставший и очень одинокий, – перечислила Надя.

– Я вообще-то женат, – фыркнул телохранитель.

- И что? Порой это не исключает одиночества, - снова повела плечами девушка. - Это с собакой под боком невозможно быть одному, а с другим человеком запросто.

- Похоже, ты и впрямь что-то видишь, - задумчиво (для потрясения основ мировоззрения девушка не сказала ничего выдающегося) проронил Дмитрий, почесав большим пальцем едва заметный шрам на правой щеке.

- Я лишь хорошо различаю цвета и запахи, - снова решительно открестилась от титула ясновидящей Надя.

Возможно, она сказала бы еще что-то, если бы не оклик главбуха. Вернувшаяся из отпуска Дарья Вадимовна каравеллой, плывущей по волнам, несла свое пышное тело в сиреневом плаще по направлению к офису и зычно звала:

- Надюша, голубушка, ты-то мне и нужна! Лапочка, я у Степаныча тебя отпросила, чтобы ты мне послезавтра с организацией юбилея в кафе помогла. Только тебе доверять могу за всем проследить!

Дмитрий еще раз хмыкнул, потом решительно стащил с пальца золотой ободок обручального кольца, бросил его в бардачок и тронулся с места. Давно уже пора было все закончить, а слова этой чудачки стали последней каплей в наполненной до краев чаше общей усталости. Пусть Ленка, как собиралась, к маме уезжает. Да и квартиру ей купить, если начнет воду мутить, недолго. Пора перестать пытаться склеить то, что давным-давно разлетелось вдребезги. Никакому клею не под силу такое чудо. Зато некоторая сумма наличными, предложенная нужным людям, быстро приведет душевное одиночество в соответствие с отметками в паспорте.

Глава 9

Юбилейно-диверсионная

Выслушав все ценные и изобильные указания от Дарьи Вадимовны, Надя к девяти часам утра все-таки добралась до приемной. Там-то на нее и обрушилась очередная волна беспокойства Сил.

Взрыв плазменной панели, спровоцированный синей фазой иномирного заклинания, вогнал бедняжек в состояние, близкое к панике. Шутка ли, мир, закрытый от воздействия извне и казавшийся таким надежным, безопасным пристанищем для юной помощницы, превратился в угрозу. Силы Двадцати и Одной метались, свиваясь в невообразимые сочетания энергий, и паниковали от души или от того, что им, созданиям нематериальным, ее заменяло.

Может, обладай Силы телами, им было бы проще. Надя усадила бы их на диван, заварила крепкого чаю, насыпала бы в вазу конфет или даже накапала валерьянки. Как хранитель офисной аптечки, она распоряжалась всеми лекарствами. Но что делать с теми, у кого вовсе нет тел и о которых знаешь, только сколько их? Да и то, как подозревала девушка, это понятие было введено больше для удобства общения с созданиями, обладающими телами, а сами Силы вполне могли подменять или даже заменять друг друга в своей работе.

– Мне кажется, вы зря волнуетесь, – одними губами сказала Надя, отвернувшись к окну. Пусть она и слыла чудачкой, но громкий разговор с самой собой в пустой приемной на странные темы действительно мог шокировать сослуживцев. Вряд ли, конечно, ее объявили бы сумасшедшей, а вот вызвать «скорую помощь» от щедрот сострадательной русской души – легко.

– Как же зря! – Чуть не погибла! – Наша! – Опасно! – Беда! – взорвались новой порцией криков Силы.

– Ни одно воздействие этих радужно-семикратных чар, ставшее физическим, не принесло ни мне, ни другим людям никакого вреда. Вы же сами говорили, что нельзя воздействовать магией на технический мир. Наверное, это «нельзя» настолько велико, что защищает меня от внешней угрозы, какой бы силы она ни была, – изложила Надя свои соображения и тем заткнула фонтан паники.

Силы стали просчитывать варианты, рассуждая и сетуя вслух, что никто из их жрецов в урбанизированных мирах никогда не жил по определению, ибо не чтили Двадцать и Одну в мирах излишне технических, закрытых для откровений извне. Потому и информации у них нет.

– А зачем вам жрецы? – наивно удивилась девушка, ориентируясь на полученный при знакомстве с Силами пакет откровений. – Вы же и так можете быть везде и всюду и волю свою сами можете оглашать. Это, наверное, у богов в магических мирах не всегда получается, но вы-то действительно практически вездесущи.

– Не знаем... – Так принято... – Положено... – Традиция... – растерянно признались собеседники и призадумались: «А действительно, зачем?»

Если польза Служителей, на примере Надежды и Дарсена, была доказана в первые же дни, то особого толка от жрецов, положила руку на несуществующие сердца, Силы до сих пор так и не узрели. Скорее уж случалось, что выходки жрецов в храмах вредили «имиджу» Двадцати и Одной, когда неверно бывали высказаны их волеизъявления.

– А... ну если традиция, тогда конечно. – Девушка оставила неинтересную тему, а заодно и окно, подошла к рабочему столу и села за начавший работу компьютер. Бестелесные работодатели хоть и подкидывали преинтересные задачки, налички не платили, и как ни здорово было решать иномирные головоломки, приходилось трудиться в офисе, где платили за деяния на ассистентской ниве реальные деньги на реальную банковскую карточку.

Рабочий день промелькнул без метафизических происшествий и реальных проблем. Обычный круговорот стих только за пятнадцать минут до конца рабочего дня, чтобы

разнообразить жизнь Нади звонком от Любы.

Та решительно объявила подруге о своем расставании со Славой. Угораздило же девушку, мотающуюся по служебным делам, забежать на обед в кафе на другом конце города! Там-то она и узрела своего художника, нежно придерживающего за ручку и целующего совсем не в щечку другую девушку. Оправданий Любаша слушать не стала. В нежданно обретенную и потерянную в детстве сестру поверить не рвалась, потому ловелас получил отставку.

Подана подруге история была конспективно и в ироническом стиле, но, понятное дело, приятности в расставании с изменщиком мало, потому Любка собиралась ангажировать Надю на все выходные для лечебного шопинга. Ничего терапевтического в блуждании по магазинам Надежда никогда не видела, принимая периодические визиты в общественные места для траты средств как необходимость, но бремя дружбы, то есть хождение за компанию, готова была нести достойно, потому безропотно согласилась. В конце концов, день в кафе ради главного бухгалтера она провести обещала по долгу службы, а тут дружеская помощь.

«Погребок», который выбрала Дарья Вадимовна для юбилея, обладал, на взгляд практичной женщины «немного за...», сразу несколькими достоинствами. Во-первых, располагался на соседней улице, и дойти от него до офиса, не пользуясь услугами такси, можно было за пять минут. Во-вторых, отличался разумными ценами при относительном качестве и количестве блюд для заказанного торжества. В-третьих, тускловатое освещение, имитирующее средневековую таверну с факелами и добротной деревянной мебелью, очень выгодно омолаживало героиню торжества, сбрасывая десяток лет как минимум.

Саму Надю, откомандированную в «Погребок», более всего прельщала близость к дому и работе, потому как в силу возраста и личного отношения к красоте телесной прочие достоинства заведения на девушку воздействия не оказывали. К кулинарным же изыскам Надюша в принципе была почти равнодушна. Единственное исключение – она не чувствовала насыщения, если ела пищу, приготовленную лично. Потому, если уж не могла съесть маминой стряпни, предпочитала любой покупной продукт, будь то пирожок, яблоко или банан – все равно. Когда мама Вера удивилась подобному выверту сознания дочки, та честно призналась, что для нее еда – это не только белки, жиры и углеводы, но и свет, вложенный в пищу. Вот и получается, что невозможно скушать собственный и насытиться.

В «Погребке» Надя была в прошлом году. Туда как-то в выходной ее затащила мама, чтобы отпраздновать свой день рождения. Вера решила не готовить на собственный праздник, чтобы вместо праздника не стоять у плиты, а потом еще и посуду за гостями не мыть. Две мамы подруги, приятель Ванечка со взрослым сыном, тоже будущим медиком, и сама Надя неплохо посидели в кафе. Мясо под сыром с грибами тогда показалось девушке чуть жирноватым, зато все салаты были удивительно вкусны, а десерт – горка с разнообразными пирожными – очень красив. Вкус пищи дополнялся удивительно стойким и ровным оттенком цвета, переливавшегося от нежно-жемчужного до тепло-коричневого.

Сейчас девушке было любопытно, работает ли еще в кафе тот жемчужно-шоколадный повар. Надюше казалось интересным поглядеть на творца такой вкусно-цветной пищи.

Служебную дверь открыл парень с помятым лицом, будто спал тут же или вообще не успел толком проснуться прежде, чем явиться на работу.

– Привет! Чего тебе? Если официанткой пришла наниматься, то хозяин через час подъедет, погуляй пока, – не грубо, скорее чисто информативно, бросил он с душераздирающим зевком.

– Нет, у меня уже есть работа, – улыбнулась Надя. – Я от Дарьи Вадимовны Вязовой. Она на сегодняшний вечер зал арендовала.

– А, это та толс... э-э-э... юбилярша, – сообразил парень и отступил. – Проходи. Вон вешалка, плащик и сумку можешь сбросить, у нас не воруют. Только куда тебя? Зал глянуть или на кухню хочешь сходить?

- Я обещала все посмотреть, - пожала плечиками Надя и смущенно улыбнулась.

- О'кей, гоу, я, кстати, Петя, - махнул рукой работник и, дождавшись, пока девушка представится, освободится от верхней одежды и вооружится блокнотиком с карандашом, повел ее в арендованный на вечер зал. Щелкнул выключателем.

Большая люстра, стилизованная под тележное колесо, засветилась огоньками лампочек, оформленных под свечи. Второй щелчок зажег лампы-факелы на стенах.

- А те две в углу почему не горят? - уточнила девушка.

- Перегорели, - беспечно пожал плечами сопровождающий, но, заметив, как девушка что-то чиркает в блокнотике, заверил: - До вечера заменим.

Деятельная клиентка, выносившая мозг хозяину не менее часа, накрепко отпечаталась в памяти Петьки, и попасть под ее горячую руку, случись этой девочке-цветочку случайно заикнуться о каких-то неполадках, ему совсем не улыбалось. Он даже бухарика Гошу звать не будет, сам пару лампочек вкрутит. Знает, где что в подсобке лежит.

- Спасибо. - Надежда солнечно улыбнулась, и досада из-за необходимости что-то делать у парня пропала.

До кухни он вел девушку, чувствуя себя по крайней мере экскурсоводом в Эрмитаже. Подробно описывал, где и куда клиентам в дамские-мужские комнатки лучше сходить, куда подымить, уточнял, какой им музон врубить. Правда, что ли, как юбилярша заказала, дискотеку восьмидесятых или еще чего от себя добавить можно? Ага, французов можно. Это здорово! Он тоже Азнавура, Джо Дассена и Милен Фармер уважает!

Заодно про кухню и поваров поведал. Их оказалось целых два, не считая подручных - разморозь-порежь-выброси. Тетя Катя и дядя Женя, как запросто звал их Петька, являлись супружеским тандемом, работавшим в «Погребке» с момента его открытия.

«Так вот почему два цвета-света у еды!» - сообразила Надежда и просияла, найдя ответ на вкусную загадку.

- Куда на кухню без шапки, лахудра! - взревел кто-то слева, стоило Наде, подталкиваемой Петькой, сунуть носик в дверь.

- Мы на пять сек, дядь Женя! Теть Катя! Это от юбилярши девочка. Никуда лезть не будем!

- Чего сюда лезть-то, - как большой медведь, потревоженный в берлоге, проворчал повар, на деле оказавшийся щуплым мужчинкой с красным лицом.

- Да пускай посмотрит. Может, девочка чего в кулинарии смыслит, потому ее и отрядили, - прогудела, вступаясь за Надежду, мощная дама, телом не уступающая юбилярше.

- Меня отрядили, потому что никого другого нельзя послать, - честно раскололась Надежда. - И в кулинарии я понимаю только одно: вкусно или невкусно. У вас в «Погребке», сколько ни бывала, невкусно не было ни разу!

- Тогда можешь глянуть на невкусное, - брякнул раздосадованный повар, махнув ложкой в сторону какой-то кастрюльки. - Такой бульон загубил Сашка, зараза! Сказал же - три чайные ложки соли, а он, гад, будто издевался, столовые бухнул!

Зараза Сашка - один из троих помощников, что-то сосредоточенно шинкующих в левом углу здоровенной кухни, сделал попытку спрятаться под стол. С его ростом под метр семьдесят и темно-рыжими прядями коротких волос, топорщившихся даже из-под поварского берета, получилось не слишком удачно.

- И рисом не убрать? - с наивным сочувствием брякнула Надя, когда-то слышавшая от мамы о таком способе.

Повар глянул на девушку, как на мессию, принесшую скрижали с откровениями

божества, хлопнул самого себя по лбу и метнулся к банке, откуда сыпанул в полотняный мешочек несколько горстей сарацинского зерна, подвесил его на ручку кастрюли и бумкнул сооружение на огонь.

– Может, еще и спасем, – выдохнул он. – Надо ж, такая ерунда из головы вылетела!

– А злиться не надо, Жень, – сочувственно прогудела Катерина и благодушно предложила спасительнице: – Салатика хочешь или пироженку?

Мир на кухне, меню юбилея и душевное равновесие поваров были восстановлены. Надюшку переодели в фартук, белый беретик и позволили остаться. Заодно, невзирая на возражения, накормили так, что девушка стала сильно сомневаться в своей способности попробовать хоть кусочек на самом юбилее.

На кухне было намного теплее, чем в других помещениях. Ближе к плитам так и вовсе жарковато. Надя давно сбежала бы в зал для торжеств, если бы не Саша. Тот самый высокий парень, умудрившийся зверски пересолить бульон. Влюбленным, как полагается кулинару, злоупотребляющему солью, он ничуть не выглядел, зато отчаянно-горьковато-колючим – вполне. Что-то мучило или выводило юного повара из себя, не давая ему покоя. Может быть, то, что он совсем не вписывался в картину кухни «Погребка»? Вот дядя Женя, тетя Катя и пара других ребят – вписывались, а Саша – категорически нет. И настрой парня угрожал превратить кулинарные шедевры поваров в кулинарные кошмары, а праздничный вечер в испорченный!

Надежда улучила минутку, когда повара в четыре руки занялись фаршировкой чего-то монструозного, и, тихо приблизившись к потенциальному диверсанту, шепнула:

– Саша, пожалуйста, давай поговорим за дверью. Очень-очень надо!

Саша так удивился, что сквозь серую накипь прогорклого бульона злобного нетерпения проскользнули зеленые искорки цитрусового любопытства. Он послушно вышел за странной девушкой в коридор.

– Чего тебе? – буркнул, глянув исподлобья.

– Наша Дарья Вадимовна шумная, но хорошая женщина. Она очень хочет, чтобы на ее юбилей все отдохнули и вкусно поели. Мы ей уже подарок приготовили. Фоторамку! – почему-то Наде показалось очень важным сказать именно это.

– Она фотографией увлекается? – искры интереса в глазах Сашка переросли в огоньки.

– Сама не умеет, но со всех наших праздников всегда собирает и себе печатает в альбом. Жаль, что Митрохин, который нас обычно фотографирует, сейчас в командировке.

– Я колледж по искусству фотографии заканчивал. Думал дальше в универ поступать. А дядька видишь куда запихнул. «Фотки твои фигня, на хлеб с маслом не заработаешь. Потрись, Сашок, сначала при кухне, пойми, что к чему, потом повыше тебя перекину», – явно процитировал слова родственника Саша, объясняя разом и свою злость, и причину нахождения на кухне, и повод для диверсии.

– Ой, как удачно, нам бы сейчас фотограф очень пригодился! – искренне обрадовалась Надя, перебирая именно те струны реальности, которые звучали уместнее всего.

– Слушай, давай я с дядькой поговорю. Если вам нужен фотограф на вечер и хоть кроху приплатите, он точно согласится! – загорелся Сашка.

– У нас с подарочных тысяча осталась, – поделилась информацией Надежда и в свою очередь предложила: – Я шефу позвоню, попрошу его разрешения фотосессии на юбилей провести для Дарьи Вадимовны. А?

– У меня все оборудование здесь, в паре шагов! Притаранить – дело пяти минут! Жди, я к дядьке за разрешением сгоняю! – выпалил Сашка, сорвал с головы дурацкий поварской берет, всучил его Надежде как залог своего возвращения и бегом ринулся по коридору к кабинету владельца «Погребка».

Надя улыбалась ему вслед. Струны вокруг сияли и нежно позванивали. Девушка была

уверена, что у парня все получится. Ведь если от души хочется творить, то тебе помогает сам мир. Главное увидеть, понять, в какую сторону он тебя настойчиво подталкивает, и ни в коем случае не пытаться идти в противоположную. Тому, кто не чувствует нужного направления, порой бывает очень больно. А люди обижаются на судьбу, мир, всех вокруг и не понимают, почему происходит то, что происходит.

Продолжая грустно улыбаться, Надя достала телефон, набрала шефа и доложила:

– Геннадий Степанович, я профессионального фотографа на юбилей для Дарьи Вадимовны нашла. Он родственник хозяина «Погребка». Давайте найдем, пусть красивые фотографии вечера сделает! У нас как раз тысяча с рамки и букета осталась, Саша согласен. Он молодой, опыт нарабатывать будет и репутацию. Ручаюсь, конечно. Спасибо!

– Все! Дядька согласен! – выпалил Сашка, примчавшийся к концу разговора и терпеливо ожидающий его окончания. – Он любит на пустом месте бабла срубить! И, Надька, спасибо тебе большое! Я вам самые лучшие кадры отщелкать постараюсь! Не пожалеешь!

– Я уверена, – согласилась девушка, заодно радуясь и тому, что никто больше не сыпанет в торт для Дарьи Вадимовны жгучего перца и не намажет пирожные васаби вместо крема.

Юбилей и в самом деле удался! Камерная уютность небольшого зала «Погребка», готовка дяди Жени и тети Кати, переливающаяся вкусными цветами, музыка, обеспеченная Петькой, и шныряющий среди гостей Саша с фотоаппаратом – все вместе звучало уместно и радостно. Надежда присела в уголок и наблюдала, как довольная Дарья Вадимовна в порыве чувств сжимает в богатырских объятиях Степаныча, благодаря его за фотографа. Сашка, пока не стерлась помада и не помялось платье, отщелкал главбуха в самых выгодных ракурсах. А теперь ловил остальных, чтобы остались фотографии вечера. Этой работой рыжий парень, что виделось отчетливо не только Надежде, но и всем прочим, искренне наслаждался. Даже владелец «Погребка», заглянувший в зал на пару минут, кривовато усмехнулся, глядя на племянника. Кажется, тоже понял, что пристраивать того на кухню бесполезно. Или парню конец придет, или, что более вероятно и затратно для бизнеса, конец придет кухне.

Глава 10

Фиолетовый цвет

День и час обещанного шопинга неотвратимо приближался и почти свалился на голову Наде аккурат в субботу, в выходной, помеченный знаком помощи подруге. Тратить его на магазины не хотелось категорически, но обещание есть обещание, а дружба есть дружба! Потому, запив бутерброд с сыром стаканом крепкого чая, Надя пошла открывать трезвонящей Любке.

Та, как обычно, была бодра, деятельна и почти весела. Лишь некоторая нарочитость этой бодрости намекала, насколько девушке неприятно все случившееся в личной жизни. Да еще, пожалуй, макияж Любаши сегодня больше походил на боевую раскраску, нежели на декоративное оформление симпатичного юного личика. А джинсы в обтяжку на крепкой попке переводились как телеграмма: «ищу приключения на пятую точку».

На этом ярком фоне Надюшкин бледно-розовый блеск для губ и скромные брючки-дудочки казались элементами наряда малолетней дуэньи. Впрочем, Наде никогда не хотелось быть красивее, эффектнее или очаровательнее других девушек. Тем более никогда ей и в голову не пришло бы желание соревноваться по части нарядов и макияжа с подругой.

Вместе парочка вышла из подъезда и синхронно обернулась на негромкий сигнал неприметной белой машины. С водительского места выглянул знакомый по визиту к бизнесмену Красильникову крепыш с хвостиком и приятельски махнул рукой:

– Надя, подвезти? Куда хочешь?

– Не надо, я с подругой по делам, – попыталась отказаться девушка, недоумевающая: что, если не очередное задание босса, могло привести сюда почти незнакомого человека? В случайность и благотворительность не очень-то верилось даже такой наивной чудачке.

– Так я вас обеих подкину, – расплываясь в слишком широкой, чтобы быть настоящей, улыбке, предложил бодигард.

– Ты его знаешь? – деловито, почти хищно оглядев свеженького кандидата на опустевшее место бойфренда, уточнила Люба.

– Чуть-чуть, – честно ответила Надя, не считая совместное тушение невзрывающей плазменной панели достаточным поводом для начала приятельских отношений. Да и пахло от парня с хвостиком прогорклым растительным маслом.

– Отлично! – просияла Люба и первой хлопнулась на сиденье рядом с водительским. Она на борьбу с сомнениями подруги настроена не была. Если можно с комфортом ехать на машине, а не идти пешком или трястись в общественном транспорте, значит, нужно ехать! А парень видный, не чета хлюпику Славке!

Что оставалось Наде? Только последовать примеру подруги: присесть на свободное заднее сиденье и очень надеяться, что недобрые ароматы вкупе с переливами ядовито-красно-лилового ей просто почудились.

Машина сорвалась с места прежде, чем девушки успели уточнить, куда, собственно, собираются отправиться, и свернула к шоссе, ведущему за город.

– Эй, нам сначала к «Трем Слонам»! – весело крикнула Люба, называя громадный бизнес-центр с кучей магазинов.

– Приедем, – усмехнулся водитель.

– Но ты же в другую сторону рулишь! – кокетливо укорила шофера девушка.

– Приедем, – повторил бодигард и пояснил: – Пару вопросов твоей подружке задам и отвезу куда пожелаете.

– Это каких? – только теперь насторожилась Любка, причем совсем не по делу. Она начинала подозревать, что новый знакомец пытается ухаживать за Надюхой.

– Несколько советов мне даст, и доставлю вас, девочки, куда пожелаете, – пояснил водитель.

– Вам не нужны эти советы, – сорвалось с губ чудачки.

– А это уж я сам решу, – отрезал бодигард.

Вот тут и Любаша поняла, что веселый шопинг и поклевка на нового парня откладываются. Резко посерьезнев, девица велела:

– Ну-ка тормози и высаживай нас, шустрила! Пешком доберемся. А не то я сейчас в полицию брякну!

В ответ водитель свободной рукой выхватил у девушки телефон, перебросил себе в сумку, а самой напористой Любке легонько заехал по уху. Девушка взвизгнула от неожиданности и боли.

– Не надо звонить! – твердо велел водитель и потребовал у Нади: – Отдай мне свой телефон, или я твоей болтливой подружке еще разок врежу.

Девушка безропотно передала водителю свой простенький смартфон и замерла на заднем сиденье, в очередной раз оглушенная паническими воплями Двадцати и Одной. Бедные Силы совершенно не ожидали очередной подставы-угрозы для Служительницы.

За себя-то Надя никогда не боялась. Совсем уж страшно не было ей сейчас и за Любу. Но понимание того, что они с подругой угодили в неприятную ситуацию, тронуло даже неотмирную душу чудачки.

Качок с забавным хвостиком волос, в котором теперь и легкомысленная Любка не находила ничего обаятельного или милого, домчал их по шоссе до пригородного дачного поселка. Домики и участки были окружены разномастными заборами: от штакетника и сетки до железных разноцветных листов или даже кирпичных стен.

Машина повернула налево и зашуршала шинами, пробираясь к двухэтажному старому кирпичному дому на окраине, окруженному темно-зеленой оградой из металлических ребристых листов, местами облупившихся, частью наклонившихся от времени в разные стороны, будто застыли посреди танца, застигнутые врасплох появившимися людьми.

Ворота на запущенный, поросший травой по колено и выше участок, с корявыми, старыми, тяжелыми от плодов яблонями были распахнуты. Похититель загнал машину под навес у дома и скомандовал:

– На выход, птички.

– Зачем мы тебе сдались? Какие на фиг советы? Ты чего, тот самый ненормальный, который девок по области душит? – не выдержала Любка, не спеша вылезать из машины. – Отвези нас назад!

– Как только, так сразу, – ухмыльнулся качок и насмешливо повторил: – Давайте, топайте, пока снова в ухо не дал, а то я, конечно, добрый, душить не буду, но уж больно нетерпеливый сегодня.

– С-скотина! – процедила Люба, подчиняясь и проклиная собственную дурную натуру – кто ее заставлял в чужую машину к незнакомому мужику прыгать? А теперь неизвестно, что будет: сама в какие-то неприятности влипла, Надюху втравила. И в полицию на этого качка стукнуть нет никакой возможности!

Похищение? Какое на фиг похищение, когда сама, дурища, запрыгивала в чужую тачку?! Угрозы? Так им никто не угрожал. На машинке покатали! В ухо дали? А следов нету, краснота уже прошла. Руки никто не вяжет, свои не распускает особо, не домогается... А позвонить пожаловаться некому. Засада!

Скрипнув зубами, Люба поплелась за хозяином и Надей в дом. Честно не представляя, какие такие вопросы хочет задать подружке этот мутный тип.

Качок привел девиц в комнату с одним диваном, линялым красным паласом времен

Любкиной бабки и столом без одной ножки. Ее заменяла стопа книг из серии «Жизнь замечательных людей». Охренеть, как символично!

– Устраивайтесь! Тут бумага, карандаш, и вот тебе список лотерей. Давай, Надюха, подумай и напиши мне, какие цифры в какой лотерее на следующей неделе выпадут. Деньги мне сильно нужны. Долго не сиди, а то я твою языкастую подружку начну жизни учить.

Листок бумаги с перечнем был приклепнут ладонью к столу.

– Ты чего, с катушек съехал? – Любка настолько удивилась странному предложению, что даже угрозу на свой счет проигнорировала. А зря.

В качестве подтверждения серьезности своих слов бугай, не замахиаваясь, легонько отоварил очередной оплеухой взывшую от боли и возмущения девицу.

– Еще угостить?

– Не надо! Пожалуйста, больше Любу не бейте, если хотите кого-то стукнуть, лучше меня, – серьезно попросила Надя.

Сергей вздрогнул, глянул на свою ладонь, которой отвесил легкую, по своим меркам, оплеуху говорливой девице, и вышел, проворчав: «Жду час, с тебя цифры, потом свободны, хоть до «Слонов», хоть до жирафов доброшу!»

На двери звякнул задвигаемый снаружи засов. Узенькие окна закрывали ставни, на которых, как было видно сквозь узкий просвет, снаружи висели замки.

Одинокая лампочка в люстре под потолком бросала тени вперемешку со светом. Любка забегала по комнате, едва ли не рыча:

– Кусок идиота! Совсем рехнулся! Какая лотерея! Нашел ясновидицу... Надюха, что-то надо делать! Когда этот придурочный своих циферок лотерейных не дожидается, он неизвестно чего устроит!

– Хуже будет, если он их дожидается, Люб, – съежилась в уголке диванчика Надя. – Ему нельзя, но если не получит, плохо станет нам... Я не знаю, что делать.

– Надь, ты и вправду можешь? – широко распахнула глаза подруга.

– Не пробовала никогда, это неправильно – пытаться узнать такое. За все приходится платить, а за такую удачу, когда она не случайная, а нарочная, втридорога, – беспомощно пролепетала собеседница и жалобно объяснила: – Ему сразу может стать очень плохо, а нам заодно, потому что рядом будем...

– Не верю, хотя и в ту хрень, из-за которой чуть в окно не сиганула, тоже не верила, а она случилась. Так что, если ты так говоришь, то тебе поверю, – нахмурившись, передернула плечами Любка и посетовала: – И до телефона не добраться, забрал, сволочь...

– У меня старый кнопочный в сумочке, – припомнила Надя и спросила: – А что делать будем?

– В полицию звонить? – принялась вслух перебирать варианты Люба. – Эй, жаль, у меня нет знакомых, которые этому козлу в бубен могли бы стукнуть. Если с полицией связаться, вытащат, но родаки потом жизни не дадут, под замок посадят, даже в булочную под конвоем ходить буду до пенсии.

– Я могу попробовать позвонить Дмитрию, – оживилась Надя, увидев лучик света в надвигающейся хмари, и торопливо расстегнула сумочку: – У меня его визитка есть!

– А кто у нас Дима? – вскинулась Люба.

– Он в охране у Красильникова работает. Как и этот. – Надя кивнула на закрытую дверь.

– Так, может, они заодно? – прищурилась Любка, проявляя неожиданную подозрительность.

– Нет, точно нет, – встала на защиту доброго имени Дмитрия девушка. Человек с таким запахом никак не мог быть жадным двуличным глупцом.

– Ого! Тогда звони давай! – впечатленная уверенностью подруги, потребовала Болотова. И Надя, сверяясь с визиткой, набрала номер. Трубку взяли сразу.

– Алло? Дмитрий? Это Надежда Последняя, вы мне свою визитку давали. Я не знаю, что делать. Ваш коллега, тот, с хвостиком, кажется, Сергей, который панель тушить помогал, насильно привез меня вместе с подругой в какой-то дом за городом, ударил Любу и требует написать ему выигрышные номера в лотерее. Если я этого не сделаю, угрожает избить Любу...

Любка прислушивалась изо всех сил, только ушами не шевелила. Увы! В стареньком телефоне подруги слов собеседника она разобрать не могла, но, похоже, Дима звонок не скинул, потому что Надя продолжила разговор:

– Да. Дом в два этажа, с зеленым забором... Щебенка... Нет, через час зайти обещал... Хорошо, да, будем ждать, спасибо!

А вот теперь беседа завершилась. Надя убрала телефон в сумку и счастливо улыбнулась:

– Дмитрий приедет. Пока сказал написать все, что Сергей потребовал, и не сердить его.

– Значит, ждем твоего принца на белом коне! – облегченно выдохнула Любка, сдула со лба растрепанную челку и упала в кресло, раскинувшись безвольной амебой. Но ненадолго. Меньше чем через минуту снова вскочила, забегала по комнате, чтобы делать хоть что-нибудь. В конце концов деятельная девица отыскала себе занятие: вооружившись чайной ложкой, забытой кем-то на подоконнике, стала расшатывать шпингалеты в окнах. Ну и пусть снаружи заперто, сначала изнутри открыть надо, а там, может, чего годного подвернется и для вскрытия снаружи.

Надя под села к столу, придвинула оставленный листик с перечнем лотерей и, вылавливая в потоках безумных цветов, запахов и звуков те самые, которые, наверное, обозначали затребованные шантажистом цифры, стала записывать карандашом.

Никогда прежде девушка не использовала свое причудливое восприятие таким образом. Ей и в голову такое не приходило, просто потому, что так поступать неправильно. И вовсе не по людским меркам морали. Ее дар никогда не предназначался для наживы и не должен был так применяться! Реальность очень чутко реагировала на подобное нарушение баланса. Она сама принимала меры к его восстановлению, не обращая внимания на суетящихся вокруг букашек-людей.

Завершив разговор с девочкой-чудачкой, Дмитрий машинально взъерошил короткие волосы на затылке и решительно стукнул в дверь кабинета шефа.

– Да, Митя? – поправил тот очки на переносице, отрываясь от ноутбука.

– У нас проблема, – доложил телохранитель и помощник. – Сергей, похоже, слетел с катушек, похитил Надю Последнюю с подругой, увез к себе на дачу, угрожает им. Требует информации по лотереям.

Виктор Леонидович цокнул зубом и поморщился:

– А ведь мне докладывали, что парень к картишкам пристрастился, ставки от маленькой все растут. Надо было с ним раньше расстаться. Бери, кого нужно, Митенька, и помоги девочкам. Заодно понаблюдаешь, не взорвется ли на природе еще что-нибудь. Девочка нам про опасность толковала, так, по-моему, сейчас там самая подходящая ситуация для очередного проявления чего-то эдакого...

«И проверить, и помочь, и в убытке не остаться – в этом весь Леонидыч», – хмыкнул про себя Дима и вышел собирать команду.

Для нейтрализации одного Сергея, пожалуй, хватило бы и самого Дмитрия, но уж больно неучтенным фактором оставалась девочка-чудачка, а потому на внедорожнике в сторону

дачного поселка Солнечные Поляны выехали трое: сосредоточенный Дмитрий, хмурый Стас, введенный в курс дела, и третий из охраны бизнесмена – Василий. Щуплый, невысокого роста, но очень быстрый парень.

Отведенный девушкам час еще не истек, когда внедорожник притормозил на соседней улочке дачного поселка. Все трое пару раз бывали у Сергея на даче на майские праздники, шашлыки жарили, потому с участком и домом оказались знакомы.

Василий дождался, пока Дмитрий и Стас, покинув салон, растворятся среди пейзажа, и, не таясь, повел машину к даче Сергея. Притормозив у забора, дал гудок и, звучно хлопнув дверью, весело завопил во все горло, перекрывая любой возможный шум со стороны товарищей:

– Эй, Серж, гляжу, твоя тачка здесь! Может, шашлыки пожарим?

Как раз в это время Дмитрий и Стас сноровисто вскрывали наружные навесные замки ставен комнаты, где заперли девушек, и распахивали окна. Поддеть и так распатанные дежельной Любкой шпингалеты оказалось секундным делом. Два мужика в камуфляже влетели в комнату и снесли девчушек с кресла и диванчика на пол, чтобы прикрыть от окон и двери своими телами и мебелью, затем огляделись более детально.

– Уй, какие тут трещины на потолке, – задумчиво глядя вверх через плечо Стаса, сообщила Любка. – Это как по-научному... кракелюры?

– Это сейчас здесь все на фиг рухнет, – выпалил Дмитрий совсем не научную, зато крайне актуальную весть. Он, опасавшийся чего-то подобного, первым уловил подозрительное потрескивание и скомандовал:

– Гоу из окон!

Так же стремительно и синхронно, как влетели и снесли девиц на пол, спасатели подхватили их и вынесли-выкинули на высокую траву перед домом. А что там осот с крапивой встречались, так на мелкие частности всем было чихать. Не останавливаясь на достигнутом, парочка сгребла и потащила девиц дальше, как можно дальше от дома.

Треск нарастал, полыхнуло фиолетовым. Или это видела лишь Надя? Сначала левая часть дома, а потом и все строение сложилось как карточный домик. Тучи каменной пыли, грохот камней, треск дерева – и нет больше дачки, унаследованной Сергеем от тетки. Лишь ничуть не живописные развалины в облаках оседающей пыли и мусора.

– Как ты там сказал, на фиг? – отчихавшись, хрипловато повторила Любка слова Дмитрия, поднимаясь из кустов, куда ее уложил «заботливый» Стас подле напарника и подруги. – Точно!

– Надо Сергея найти, – нахмурив бровки, предложила Надя, поднимаясь на ноги с помощью Дмитрия.

«Уложили» ее в кусты не менее «заботливо», чем подругу, но девушка никогда не обращала внимания на собственные синяки и царапинки. Какие мелочи! Поболит и перестанет, а если на них внимания не сосредотачивать, то и болеть особенно не будет. Боль физическая всегда казалась Наде сущим пустяком по сравнению с душевной. Пусть и задевало ее зачастую совсем не то, что других, но если болело, то любая физическая боль не выдерживала сравнения с внутренними переживаниями.

– Надо, – согласился с предложением девушки спаситель.

– А то сдернет отсюда, а я ему еще морду лица как следует не набил, – сердито поддержал Стас. Потом эдак задумчиво покосился на запыленную Любку, чьи округлости в процессе спасения поневоле успел хорошенько ощупать, и замолчал. Наверное, взвешивал, а не обязан ли он неудачнику-Сержу чем-то положительным?

Треска от развалин больше не слышалось, потому пятерка поисковиков, в которую влился обалдевший от созерцания катастрофы Василий, приблизилась к бывшему домику. Группа настороженно, но без особой опаски – вроде как рухнуло все, что можно, – принялась обходить руины по периметру.

Похититель, похоже, тоже слышал подозрительный шум и поспешил сдернуть из опасного дома. Но то ли не верил в его мгновенное разрушение и хотел для начала осмотреться снаружи, то ли вообще не собирался предупреждать девушек об опасности. Словом, ничего панического проорать он не успел, зато почти успел выйти. Но дьявол, как известно, всегда кроется в деталях. Сергея отыскивали живого, в бессознательном, частично придавленного входной дверью и заблокированного здоровущим бревном перекрытия, почти легшим поверх оной. Кусок кирпичной стены дома основательно зажал его правую руку.

- Это нам с плазмой еще повезло. А, Надя? - меланхолично бросил Дмитрий, разглядывая подчиненного, как таракана, попавшего в ловушку.

- Он слишком многого хотел, - пожала худенькими плечиками девушка, выдав с точки зрения мужчин почти эпитафию.

- Я вызываю спасателей, Васька - «скорую»? - уточнил Стас, вытаскивая смартфон.

- Давайте, сами мы его точно не вытащим! - прикинул и разрешил Дмитрий. Затем обратился к спасенным: - Девчата, вам сложности и бесконечные визиты в ментовку, думаю, совсем не нужны? Для всех мы приехали на пикник к другу. Вот только он не успел выйти из дома, когда случилась катастрофа.

Любка нахмурилась, вспоминая пару оплеух, потом сопоставила их с рухнувшим на голову похитителя домом и согласно кивнула. Свою месть она уже вкусила полной мерой.

Стон, слетевший с губ Сергея, заставил Стаса с Василием отойти чуть подальше и продолжить названивать в спасательные службы. А Дмитрий, напротив, шагнул к подчиненному.

- Серый, жив?

- Да, только двинуться не могу, на грудь давит, а руки вообще не чую, - доложил мужчина, чуть приоткрыв запорошенные пылью глаза. И почему-то наткнулся взглядом не на Дмитрия, а на стоящую чуть дальше Надю.

Даже сквозь серый налет грязи стало видно, как покраснел мужчина. Он прохрипел:

- Девчата, простите, если сможете. Бес попутал, ничего в голове не было, кроме того, что есть шанс легкие деньжищи срубить. Я должен по-крупному. А как понял, что дом рушится, вам вернуться и сказать не успел. Хорошо, вы целы! Я сдохну теперь, как собака, и поделом.

Любка задумчиво фыркнула и тряхнула головой, не зная, что сказать. Это ж надо такому случиться - чтобы чел в ум вошел, ему на башку пришлось домик уронить!

- Нет, тебя сейчас спасут, - промолвила Надя, чувствуя, как от придавленного мужчины уходит мерзкая вонь, сменяясь вполне терпимым запахом растертой в пальцах травы с примесью мокрой золы. - Помощь едет. Ты уже сполна заплатил за свой нехороший поступок, Сергей. Я прощаю.

У пленника рухнувшего дома на запорошенной кирпичной пылью и грязью, украшенной парой основательных ссадин физиономии проступила кривоватая, исполненная искреннего облегчения улыбка. Почему-то ему было важно прощение именно этой девушки, а вовсе не той, которой он легонько, только чтобы не вопила, съездил по мордашке.

- Все, «скорая» и бригада с техникой вот-вот будут, - доложил Василий и, помявшись, внес предложение: - Мить, может, ты девчонок увезешь? Чего их тут светить! А мы про неудавшийся пикничок сами пурги нагоним? Заодно и шефу доложишься.

- Правда, - кашлянул Сергей. - Я не сболтну. Увези их, Димон! Поблизости-то никого нет, все-таки окраина кооператива. Ясен пень, все равно сейчас напозвонят на шум, как тараканы.

- Ок. - Дмитрий мотнул головой в сторону стоявшей у забора машины и

проинструктировал подчиненных: – Если машину кто-то видел и будут требовать ответа, я отбыл к начальству на доклад.

– Ваши телефоны у меня в бардачке, – припомнил похититель. – Заберите!

Девушки зашагали за Дмитрием, а Василий со Стасом остались ждать помощи и развлекать пострадавшего. Вытащить пока не пытались, чтобы, чего доброго, на его голову ничего лишнего не обрушить, но ярая злость на бедолагу сама собой схлынула. Свое он уже получил. Первый вопрос озвучил Вася:

– Слышь, Серж, а у тебя дачка, случаем, не застрахована?

– Чтоб я знал, надо глянуть теткин бумаги, они дома в папке валяются... – растерянно кашлянула жертва фиолетового спектра иномирного заклинания и закона восстановления небесного равновесия.

Глава 11

За углом

Дмитрий усадил вернувших личную собственность девиц во внедорожник с затемненными стеклами и рванул с места. Где-то на выезде из дачного поселка мимо них промчалась, завывая и сверкая огнями, «скорая помощь». С небольшим отрывом прогрохотало что-то массивное – уже от спасателей. Для небольшого городка обрушение дома, да еще с пока живой жертвой, – настоящее ЧП, потому службы торопились.

– Он не сильно пострадал, я правду сказала. Напугался только и руку сломал, зато к игре на деньги его никогда больше не потянет, – подала голос с заднего сиденья Надя, чувствуя, что именно беспокоит Дмитрия.

– Тебе-то откуда знать? – удивился собеседник.

Надя в ответ пожала худенькими плечиками. Ответ «он так светится и пахнет» с точки зрения здравого смысла не выдерживал никакой критики, а другого у девушки не было, потому она тихо прошептала:

– Просто знаю! И не надо его увольнять. Виктору Леонидовичу скажите, пожалуйста. Сергей никогда больше ничего подобного не сотворит.

Дмитрий усмехнулся, но ничего обещать не стал. Решать боссу, но он слова девочки передаст непременно.

– Интересно, а где та бумажка с выигрышными номерами? – выпалила Любка.

– Она не должна была появляться, потому или выпачкалась, или закопана так, чтобы никакой выгоды не принести, – ответила подруга.

– А жаль, – помечтала вслух бедовая девица. – Я бы не отказалась выиграть в лотерею пару миллионов! Ух, я бы развернулась!

– Не надо, пожалуйста, – тревожно попросила Надя. – Такая удача просто так почти никогда не выпадает. Это как со стаканами на столе, налитыми из общего кувшина. Если один – как то самое дурное везение – будет полон, значит, другие покажут дно: здоровье, любовь, счастье близких...

– Да брось, выигрывают же люди и живут припеваючи, – нахмурилась Любка.

– Да. Те, кому этот выигрыш судьбой положен. И то иной за такую удачу все равно платит... – снова вздохнула девушка, не зная, как убедить подругу оставить нехорошие мысли.

– Ты классная, Надюх, пусть и со своими тараканами, – выпалила Любаша, и без увещаний подруги переключившись на другую тему: – Мне теперь и шопинг-терапия без надобности. Здорово встряхнулась, ни разу не видела, как под носом дом по кирпичику рассыпается! Славка далеким прошлым кажется. Подбросьте меня, что ли, до дома. Мамке помогу с компотами. Она кизила вчера купила. Готовка тоже дурь из головы только так выбивает!

Дмитрий уточнил адрес и подкинул непоседливую девицу к подъезду. Люба уже и думать забыла о выигрыше и о самой возможности использования таланта Нади с целью наживы. То ли оказалась настолько бескорыстной, то ли несвойственное миру спешило стереться из памяти жителя реальности, лишенной настоящих чудес. Зато Болотова эдак промежду прочим не забыла уточнить у Дмитрия, женат ли Стас, и довольно заулыбалась при отрицательном ответе.

Надя поняла: либо почетное право добыть телефон потенциального кавалера Любка отвела ей, либо с авантюристкой станет выпросить, где именно парень работает, и заявиться к нему для продолжения знакомства.

– Перебрось мне телефон своей подружки, – попросил Дмитрий. – Мало ли что может понадобиться.

Надя молча забегала пальчиками по экрану, а собеседник, не отвлекаясь от вождения (гарнитура в ухе позволяла), ткнул кнопку автодозвона и коротко доложил:

– Улажено. Девушку я забрал, везу домой. Невредима. Обстановка? Дача в руинах, Сергей в завале. Живой. «Скорую» и спасателей вызвали, уже там... Сам? С переломом руки. Зато мозги на место встали. Нет, не медики, она так говорит. Стас на связи, доложит, как будут новости.

Завершив доклад, Дмитрий неожиданно обратился к пассажирке, бросив взгляд на палец, на котором больше не было золотого ободка:

– Я тебе, Надя, спасибо сказать должен. После твоих слов старый узелок разрубил.

– Вы еще встретите свое счастье, – машинально, слушая или видя что-то свое, откликнулась девушка.

– Да? И где же оно, по-твоему, меня ждет? – со скепсисом уточнил Дмитрий.

– За углом, в соседнем дворе, – лягнула Надежда, по-прежнему пребывая где-то в вышних сферах. А на деле пытаясь понять, как ей успокоить Силы, которые вообще перестали ощущаться. Может, упали в обморок, если для них, бестелесных, предусмотрен аналог такого состояния?

– Ну-ну, – усмехнулся без злости, не спеша принимать слова чудачки на веру, мужчина. Скорее он воспринял их как наивную попытку доброй девушки обнадежить и утешить одинокого человека.

Кажется, эта странная девчонка вообще не умела сердиться по-настоящему, а уж черной злобы и жажды мести, какая порой накаtywала на Дмитрия, и вовсе никогда не испытывала.

Занятный характер, но эту пигалицу невольно хотелось защитить от всей грязи мира, закрыть собой, чтобы ни одна мразь не посмела запятнать ее чистоты. Странное чувство! И при всем при этом какой-то нерассуждающей частичкой души Дмитрий Шельга понимал – этой особенной девочки грязь мира коснуться не сможет. Она и по болоту пройдет как по бульвару, даже не подозревая о топах и хищных тварях, таящихся в глубинах. А твари будут лежать и пытаться понять, кто это такой странный и, наверное, несъедобный, нахально бродит вокруг.

Машина сбросила скорость и плавно свернула во двор Надиной пятиэтажки, почти пустой, не считая совершающего моцион тощего деда с палочкой, пары сплетничающих мамаш с колясками у скамьи, пузатого мужичонки с лохматой шавкой на поводке и худенькой светловолосой девушки с полным мусорным ведром.

«Ну хоть полное, к удаче», – мысленно сделал пометку телохранитель.

– Ой, мама, – ойкнув от неожиданности, выпалила девушка.

– Чего испугалась? – удивился Дмитрий, пытаясь понять, что именно встревожило пассажирку. Версии про деда и мамаш с колясками Шельга отмел сразу. Может, Надя собак боится? Или какое дурное предчувствие посетило, из тех, после которых надо не то что в соседний двор откочевывать, а лучше дать деру из района или вовсе из страны?

– Ничего, – замотала головой чудачка, развеивая не успевшие окрепнуть подозрения. – Вот моя мама с ведром. Мусор в контейнер выносит.

– Где? – не понял Дмитрий. Выйдя из машины, мужчина закрутил головой. Двор по-прежнему, не считая мамаш, дедка, пузана и девушки, был пуст.

Надежда тоже вышла из машины, и девушка с синим пластиковым ведром тут же сменила курс, зашепсив к внедорожнику.

– Надюш, что-то случилось? – тревожно выпалила девушка, буквально ощупывая Надю взглядом. Только теперь, присмотревшись к светловолосой худышке внимательнее, Дмитрий заметил несколько мелких морщинок в уголках губ и у глаз, каких не бывает у соплюх. Хотя мысль о том, что у этой милой молодой женщины есть относительно

взрослая дочь, все равно показалась дикой. Вера и Надя выглядели скорее как сестры – старшая и младшая – нежели как мать и ребенок. А еще у Веры были удивительно внимательный теплый взгляд, изящный носик и красивые руки. Почему-то захотелось отобрать у нее тяжелое ведро и отнести на помойку самому.

– Все в порядке, мама! – улыбнулась Надежда, не спеша пугать родительницу подробностями похищения и обрушения строений. – Это Дмитрий, хороший знакомый, я тебе о нем рассказывала. Он меня подвез до дома после нашей с Любой прогулки!

И тут же, без паузы на осмысление, последовало второе представление:

– Дмитрий, это Вера, моя мама.

– Очень приятно, – промямлил резко засмущавшийся мужчина.

– Взаимно, – откликнулась собеседница.

Что удивительно, смущение оказалось заразной бациллой. Вера зарозовела щеками и вцепилась в ручку мусорного ведра, как в спасательный круг или якорь реальности. Наденька же, переведя взгляд с мамы на Дмитрия и обратно, растерянно и радостно протянула:

– Ой! А вы знаете, я не против! Правда-правда, мама, Дмитрий! Вы подходите друг другу!

– Сватаешь? Надька! – ошалело выпалила Вера. – Я ж не девчонка уже!

– Тебе всего сорок, больше тридцати с виду никак не дашь, а Дима твой ровесник. Отлично все! Если поженитесь сразу, еще мне братика или сестричку подарить успеете!

– Надя-а-а... – беспомощно простонала мать.

А обыкновенно скромная и тактичная девушка нахально пихнула Дмитрия локтем и нарочито громко зашептала:

– Скажите чего-нибудь, а то она сейчас убежит!

– Я за пацана! – выпалил Дмитрий и покраснел, как помидорка, чувствуя себя не сорокалетним мужчиной, а прыщавым подростком на первом свидании.

Надя, ткнув пальцем в небо, угадала. Он и с бывшей-то женой разошелся в первую очередь потому, что мечтал о детях, а Ленка даже слышать о малышах не хотела, лишь о карьере думала. Все фигуру берегла.

– Вы Виктору Леонидовичу позвоните, скажите, что у меня задержитесь, и ступайте домой чай пить, а я еще погуляю, – дипломатично выбывая из компании, предложила Надежда. Она решительно отобрала у мамы мусорное ведро и отправилась к контейнеру.

Все еще беспомощно краснеющий Дмитрий поднял взгляд на Веру. Когда неловко кому-то другому, то часто столь же или еще более неудобно становится тебе самому, но не в этот раз. Вид растерянного крупного мужчины, напротив, взбодрил Надину маму и помог ей сориентироваться.

– Пойдемте-ка, Дмитрий, чай пить. Расскажите, во что на сей раз Надюшка моя влипла, – предложила женщина. – Если не хотите чаю, могу налить кофе.

Телохранитель смешался, не зная, что именно он может и должен рассказывать. И не погонят ли его прочь из дома и со двора после новостей о похитителях девиц – прямых подчиненных Шельги.

– Не волнуйтесь вы так, – почти правильно истолковала замешательство мужчины Вера и сочувственно прибавила: – У Нади без приключений и чудес редкий день проходит. Такой моя девочка уродилась! Я привыкла!

– Она у вас удивительная, – искренне согласился Дмитрий. – Будь у меня такая дочка, я бы, наверное, гордился неимоверно и так же страшно боялся за нее каждую секунду.

– Вы знаете, Дима, – Вера подошла к мужчине и удивительно уместно, будто частенько

так делала, положила ладонь на его так же машинально подставленный локоть. – Это странно, но мне кажется, за такими, как моя Надюшка, кто-то там наверху присматривает отдельно. Поэтому я, конечно, за нее переживаю, но не до дрожи в коленках и не до сердечных колик. А иначе бы, наверное, уже давно поседела.

Рассказывать об отраве и странных видениях на кухне, оставивших смутный отпечаток в памяти, собеседница не стала. Дима не Ванечка, вряд ли проявит соответствующий интерес, но прозвучали слова Веры весьма убедительно.

После взрыва плазмы у шефа и дачки Сереги, развалившейся по кирпичику, Дмитрий был готов поверить во что угодно, кроме, пожалуй, того, что Надя сама заложила взрывчатку в обоих случаях и, как профессиональная суицидница, подорвала их вместе с собой.

– Спасибо за приглашение на чай, Вера, с удовольствием его принимаю. Только, простите уж, Надя права, мне сначала надо сделать один звонок.

– Конечно, я понимаю. В вашей работе выходных порой не бывает, – безмятежно согласилась женщина и предложила: – Поднимемся в квартиру, из столовой позвоните. А я пока чайник поставлю.

Больше отпираться Шельга не стал. Вдвоем, рука об руку, будто так и ходили всю жизнь, словно так и надо, и только так уместно и правильно, мужчина и женщина пошли к дому.

Между тем у Надежды, стоявшей напротив площадки с мусорными контейнерами лицом к синему и зеленому массивам с неблагоуханным содержимым, тоже шел преинтереснейший разговор.

Глава 12

Посвящение

Смывшиеся после фиолетовой вспышки с разрушительными последствиями Силы Двадцати и Одной вернулись, принеся с собой истерическое состояние и экран, развернутый в дом законника, как они упорно именовали специалиста-юриста. Помятый и очевидно не просыхавший уже изрядный срок Дарсен ныне был трезв. Вернее, магически вытрезвлен и оттого еще более раздражен. Он походил на потрепанного бурей шмеля.

– И что у вас такого, драные демоны побери, стряслось, чтобы орать и трясти меня, как сливу по осени? – ворчал Виндер. Машинально одной рукой он пытался пригладить торчавшие сосульками грязные космы, а второй нащупать на столе бутылку или, на худой конец, бокал с выпивкой. Тщетно! – Никого, насколько я вижу, прям сейчас не убивают. Жива-здорова ваша драгоценная девица-избранница. Вернее, такой же чахлый цветочек, как была. Правда, чего-то ее на помойку занесло, но душевные болезни – это не по моей части. Целителя поищите!

– Я же говорила, не надо его звать, – тихо укорила девушка Силы. – Ему со своей бы болью разобраться. Не до чужой.

– Что ты понимаешь, соплюшка, в моей боли! – заводясь с полоборота, грохнул кулаком по столу юрист.

– Ничего, – не стала спорить девушка.

– Ты никого небось еще не теряла! – продолжил разоряться мужчина.

– Никого, – согласилась Надя. – И даже если бы со мной такое случилось, я не смогла бы увидеть в нашем мире без магии, куда ушли дорогие мне люди, и порадоваться за них. Не смогла бы зайти в кабак и напиться с собственной женой, как с новым приятелем. Стать другом семьи маленького сына, обернувшегося взрослой дочкой – не смогла бы. Это ведь так здорово, посмотреть на души любимых в новых телах!

Юрист замер в кресле, как громом пораженный. Он сидел, беззвучно открывал и закрывал рот, а потом судорожно выдохнул, выпуская гнев, боль, осознание собственной глубинной неправоты. Из красного от гнева он стал белым, потом густо-розовым от стыда и просипел:

– Я неблагодарный идиот.

Опровергать сию сентенцию никто не спешил – ни несколько растерявшиеся от бури человеческих эмоций Силы, ни Надя. Если Надюшка и подумала: «Есть маленько», – то очень тихо и про себя.

– Спасибо, Силы, спасибо, Надежда, – тихо промолвил Дарсен, склонив голову и в знак признательности прижимая к груди обе раскрытые ладони. – Поскольку вопрос срочный, я готов работать. Только, если можно хоть малость подождать, я бы сначала ванну принял. Несет от меня, как от ребса, забредшего в кусты с ягодами-вонючками.

– Я отсюда запахов не чую, но, если тебе некомфортно, подожду, – улыбнулась девушка. После общения с Силами (те невольно впихнули в голову новой работницы через слишком широкий для человека канал массу всякой нужной и не очень информации), у нее периодически всплывали в сознании причудливые ассоциации и картинки. Особенно часто это проявлялось в беседах с самими Силами и в процессе разговоров с юристом.

К примеру, ребс, когда проявилась очередная порция знаний, нарисовался Наде маленькой изящной козочкой с радужно-разноцветной волнистой шерсткой. Такое обаятельное чудо на острых копытцах, благоухающее плодами, чей запах сродни свежей помойной куче, – это, должно быть, занятное зрелище!

– Мы у Сил Времени попросим чуть придержать поток твоего мира, – великодушно вставили Силы Двадцати и Одной и, прежде чем кто-то из живых успел согласиться или

возразить, осуществили запланированное.

Для Нади развернутый экран межмирового телевизора мигнул и снова явил посвежевшего, причесанного и горящего деятельным огнем Дарсена. Похоже, изрядной долей топлива для этого костра служил стыд мужчины за свои поступки и мысли.

– Примите мою благодарность и извинения, о Великие! Вы, вопреки предварительному договору, преподнесли мне ценный дар, позволили увидеть любимых. Я же, глупец, не оценил и, если бы не мудрые слова девушки, еще долго не смог бы по достоинству оценить вашего великодушия. – Первым делом Дарсен встал из-за стола и снова поклонился Силам.

– Мы сомневались. Но Надя просила за тебя и предложила показать твоих родных, а потом уже устроить встречу, – с потрохами сдали девушку Двадцать и Одна.

Почему-то, когда Силы обращались не к ней, а к кому-то другому, Надя воспринимала их речь как один голос, а не слаженное многоголосье единых и одновременно разных потоков. Возможно, с ней Силы не считали нужным вычленять один голос, прекрасно понимая, что девушка из-за врожденных особенностей способна слышать их во всем многообразии потоков мышления.

Юрист снова начал сдавать зачет на хамелеона. Открыл рот, пытаясь что-то сказать, закрыл, махнул рукой и просто упал в кресло с самым честным и правильным из возможных ответов:

– Простите, если можете!

– Я не обижена, – качнула головой Надя, мысленно улыбаясь и называя сегодняшний день «днем извинений».

– Мы принимаем твои извинения, – в унисон согласились с девушкой Силы и сразу перешли к тревожащей их теме: – Мы нуждаемся в твоём совете, Дарсен. Как ты знаешь, Надежда пребывает в закрытом от стороннего вмешательства техническом мире. Именно это не позволило ей согласно собственной сути сформироваться как действующей Плетущей Мироздания, но даровало способность иную – видеть наилучшие из путей и прозревать внутреннюю суть любого создания. Призывая ее на службу, мы печалились о невозможности для избранницы стать той, кто играет на струнах Мироздания, и одновременно радовались, что ничто извне за пределами мира не способно повредить ей. Увы, мы ошибались!

– Это как? – не понял Дарсен, почесывая красноватый от долгих возлияний нос.

– Заклинание нашло якорь в мире техническом, зацепившись на грани между возможностью проявления способностей нашей избранной, что само по себе есть чудо и магия, и миром, отвергающим даже возможность чуда, – горько пожаловались Силы. – Мы были слепы, не смогли уловить момента проникновения чар, не смогли отследить их создателя. Сейчас распался последний фиолетовый узел радужных чар. Но мы не знаем, кто сотворил заклинание. Запросы по сведениям о мирах технических в Информационном Коде не проходят. А прямые вопросы о чарах не находят отклика, возможно потому, что мы неправильно их формулируем.

– Но если заклинание распалось, то почему вы волнуетесь? – наивно удивилась девушка, присев на скамеечку у площадки. Особой популярностью это место не пользовалось, потому как даже любившие почесать языками бабульки избегали пованивающего пятка. Зато со стороны двора и с улицы этот закуток просматривался плохо. Маленькую фигурку на скамье запросто можно было не разглядеть.

– Нет гарантий, что тебя снова не сделают мишенью, – угадал с ответом Дарсен и, нахмурившись, посетовал: – Надо было меня сразу оповестить, я бы попробовал пару старых приятелей подключить. А теперь, после распада плетения, зацепку замучишься искать. Вопрос о врагах пытались задавать?

– У Плетущих издавна лишь один враг – Разрушитель Мироздания, но подобным тварям тоже нет доступа в миры технические и к тонкой магии они не способны, – жалобно выдали Силы.

– Так, я не понял, вы спрашивали или нет? Разрушитель, хренушитель, какая разница! Деньги везде звенят одинаково! – Дарсена передернуло при упоминании легендарных монстров. – Чужими руками можно многое сотворить!

– Мы спрашивали о врагах нашей избранной. Ответа нет. Либо сведения искусно скрытаны даже от нас, либо воистину у Надежды нет врагов.

– Угу, а убить вашу куколку друг пытается, – хмыкнул Дарсен. – Впрочем, как вариант, тот, кто на нее это заклятие подвесил, вообще ее врагом не считает, просто досадной помехой.

Двадцать и Одна разразились безумной пляской цветов, невнятными воплями, для человека равносильными вырыванию волос из головы, и свернулись в невообразимую цветовую петлю, замолчав на всех диапазонах на добрые пять минут. Когда они снова заговорили, это были глубоко растерянные голоса:

– Мы отыскиали... – Зачем так? – Почему? – Неправильно!

– Ага, значит, нашли, о Великие! Так поделитесь же с нами сим откровением! – довольно констатировал юрист, правильно интерпретировав состояние Сил.

Двадцать и Одна снова взорвались диким танцем энергий и воплями, из которых смертные вычленили следующее: некой группе богов с верхнего Уровня (то ли какому-то очень тайному ордену, то ли просто клубу любителей по интересам), приглянулись три места храмов Сил. Изгнать Силы из их храмов боги, разумеется, не могли, а вот обставить все так, чтобы Двадцать и Одна оставили храмы сами, решили попробовать. Для этого и науськали любителя заливных лугов и что-то подтасовали с погодой в мире, где расцвели буйным цветом улицы. А тут объявилась Надежда, обломавшая интриганам всю малину.

– Не вник! А смысл столь ярко трепыхаться? Это ваши храмы, даже если бы вы оставили их своим вниманием, что толку? – озадачился мужчина.

– Они собирались воздвигнуть свои статуи, выступить в качестве посредников и собирать на себя весь поток энергии молитв, – сердито объявили Силы Двадцати и Одной.

– Сработало бы? – деловито уточнил Дарсен.

– Могло, – уныло признали Силы.

– Тогда предлагаю вкатить этим находчивым иск в Суд Равновесия на покрытие убытков, судебных расходов и за моральный ущерб. Насколько я понимаю, данные из Информационного Кода Силами Равновесия в качестве доказательств признаются. Еще бы хорошо на них обвинение по покушению на Надежду радужным проклятием повесить, да, боюсь, не выйдет.

– Почему? – удивились Силы, приободрившиеся и очень воодушевленные перспективой покарать нахальных богов Судом Равновесия. Свидетельства-то были налицо!

– А где доказательства того, что девушка является вашим работником, о Великие? Ни контракта, даже устного, ни тем более зарплаты, как я понял, у нее нет.

– Нет, – уныло согласились наивные в практических мелочах Силы.

– А значит, ни ныне, ни впредь вы официально ее защитить не сможете! – загнал их в угол и припечатал Дарсен Виндер.

– Это сложно, – окончательно закручинились Двадцать и Одна, в вихре энергий появились грязноватые оттенки. – Надежда – Плетущая Мироздание, а значит, находится под юрисдикцией Сил Равновесия. Издавна лишь они призывают Плетущих на службу.

– И что, когда мы иск подадим, тут же призовут? – удивился юрист.

– Нет, Надежда пребывает в мире урбанизированном, – выдали ментальный аналог пожатия плечами Силы. – Ныне лишь нам пришла мысль о возможности служения

Плетущей вне сфер прямого доступа Сил, когда мы ощутили сияние кулона Плетущей, затерявшегося в этом мире в незапамятные времена.

- Кто не успел, тот опоздал, - процитировал Дарсен то ли старинную земную поговорку, то ли ее аналог, преобразованный для Надюшки привычным образом.

- Мы можем даровать Надежде печать, знак служения Двадцати и Одной, но подобная печать не снимается переходом в другую инкарнацию, - принялись рассуждать вслух Силы.

- А почему у меня раньше такой печати не было? Или она есть? - уточнила девушка, до сих пор не вмешивавшаяся в беседу, предоставив специалисту право интеллектуально потрошить Силы. Но касательно печати Служителя информация у девушки была. Ее, выражаясь языком технического мира, к какому, оказывается, относилась ее Земля, закачали в общем объеме пакета данных.

- Сейчас нет. Возможно, была, только мир технический смывает следы любых магических печатей тем, кто рождается в его границах. Но, скорее всего, ты лишь в этом рождении по воле Творца обрела дар Плетущей.

- Тогда что тревожиться, печать ведь снова исчезнет? - не поняла Надежда.

- Нет, поставленная магически в мире техническом, она не исчезнет более никогда, если, конечно, ты сама не пожелаешь сложить с себя бремя служения.

- Ставьте скорее, пока за девочку какой-нибудь другой ушлый ликвидатор не взялся или лапу не наложил! - деловито посоветовал юрист.

- Но печать надлежит ставить в Источнике Сил или в храмовых пределах, - завздыхали Силы Двадцати и Одной, как и любые Силы, обожающие торжественность, помпу и внушительные спецэффекты.

- Так, я не понял, вам что важнее, о Великие, красивый ритуальчик забалачить или обеспечить безопасность девушки? - кажется, не на шутку разозлился Дарсен. Во всяком случае, кончик носа юриста ощутимо покраснел и из рабочего кресла мужчина начал подниматься.

- Безопасность Надежды превыше, - торопливо согласились Силы.

- Тогда вперед! - поторопил собеседников юрист. - Хотя в чем-то вы правы, о Великие. Храмов Сил и Источников в здешнем мире, конечно, не сыщешь, но, может, хоть домой уйдешь, Надя? Не на помойке же обет служения и официальную метку принимать?

- Пока не могу. Там мама и Дмитрий беседуют. Им сейчас надо наедине побыть.

- Ты хочешь сказать, тебя родная мать услала на помойку, чтобы с мужиком миловаться? - вновь взвился законник.

- Нет, - улыбнулась готовности ее защищать Надежда. - Я их сама познакомила и отправила побеседовать. Думаю, у меня скоро отчим появится, а потом еще и братик. Маме давно снова замуж пора, нельзя людей избегать только потому, что я у нее такая странная. А Дмитрий про мои особенности знает. Все отлично складывается!

- Ты слишком добрая, - проворчал Дарсен, потирая лоб.

- Нет, просто я вижу правильное плетение цветов и не добавляю в него ненужных ниток. К чему путать узор? Когда он правильный, все легко.

- А-а-а, это твои заморочки Плетущей Мироздание, - сообразил и тут же сдал назад Виндер. - Знаешь, я ведь подобных тебе вообще выдумкой или древней легендой считал, как и Джокеров, ладно хоть не пугалкой, как Жнецов и Разрушителей. А оно вот как обернулось. Великая Триада по мирам гуляет, их хохот Мироздание перекраивает. И ты из технического мира Силам Двадцати и Одной служить берешься...

Каждое незнакомое слово-понятие из речи Дарсена: Джокеры, Великая Триада, Жнецы, Разрушители - словно вскрывало очередной массивный пласт ранее полученной, но

осознанно не усвоенной, не пропущенной через сознание и эмоции, информации.

Джокеры, они же Великая Триада, они же Потрясатели Устоев, Длани Творца, и все с больших букв, огненными письменами на полнеба – тройка уникальных богов, чье явление было в незапамятные времена предсказано пророками и ожидалось долгие тысячелетия всеми мирами. Ожидалось настолько долго, что стало легендой, в которую, пожалуй, никто, кроме Сил, не хранил веры. А они, эти Джокеры, взяли и явились, чтобы шутя перекраивать миры и порядки в них, ведомые высшей волей Творца, которую чувствовали как безусловный императив к действию. Нет, конечно, служивших Творцу созданий имелось немало, но все они либо не обладали должным уровнем могущества, чтобы вершить любое деяние, либо не чувствовали волю Творца безошибочно. Либо, если отвечали обоим этим требованиям, не были способны творить весело и искрометно, «причинять добро и наносить справедливость». Джокеры же отвечали всем трем условиям. Ныне каждый мог воззвать к правосудию Великой Триады. Их храмы встали в мирах.

Жнецы же, издавна находясь на службе Сил Равновесия, утверждали его своими мечами – атрибутами должности, готовыми разить любое создание. На фоне этих грандиозных личностей Разрушители – боги, способные разрывать нити Ткани Мироздания, – хоть и являлись зловещими одиночками, совсем уж неодолимыми монстрами не казались. Воистину, все во Вселенной относительно.

Пережив вскрытие внутреннего заархивированного файла мгновенно и почти безболезненно (легкое сдавливание висков не в счет), Надя продолжила слушать Дарсена. Тот вещал:

– Какая, собственно, разница, Храм, Источник Сил или помойка? Главное то, что внутри. Ставьте ей печать поскорее, о Великие, а то опять какой-нибудь сброд решит, что Надежда им жить мешает. И где вы еще такую Последнюю Надежду, Плетущую Мироздание – блин, звучит-то как, словно легенда! – отыщете?!

– Ты прав, законник, – торжественно согласились Двадцать и Одна. – Не имеет значения внешнее окружение, важны лишь переливы цвета души нашей избранницы. Да будет так!

– И вообще, это в духе современности и вселенского смеха! Скажи кому, Силы Двадцати и Одной проводят посвящение на помойке... – хмыкнул себе под нос Дарсен Виндер и откинулся в кресле, собираясь в полной мере насладиться представлением.

Но Силы уже настроились на торжественную волну ритуала и пропустили ерничанье законника мимо своих энергетических ушей.

Радужное сияние плотным коконом окружило сидящую на скамеечке девушку, отрезая ее от материальной реальности мира, раскрашивая внешне неприглядный вид многоцветьем сюрреалистических красок.

Наде было невообразимо тепло и уютно в пляске безумных цветов. Ощущение приятия, приязни, тепла, исходящее от Сил, согревало девушку до глубины души.

– Принимаешь ли ты печать Сил Двадцати Одной, что даруем тебе, избранница? – торжественно и на удивление слаженно вопреки своему обычному многоголосью провозгласили Силы ритуальную фразу. Вероятно, она не допускала расхождений с каноном.

– Принимаю с радостью, – заулыбалась девушка, не меньше, а то и больше законника наслаждающаяся представлением.

– Да будет так! – снова торжественным хором провозгласили Силы, и спокойно лежащую на колене левую руку – именно левую, ту, что со стороны сердца, в центре ладони опалил радужный свет.

Нет, больно ничуть не было, только приятный жар вперемешку со щекоткой коснулся кожи, отпечатываясь на ней незримым простым смертным, но видимым любому, имеющему дело с магией, созданию. Печать легла на тело, душу, все иные тонкие структуры сути девушки отныне и навсегда.

Надя развернула ладошку так, чтобы полюбоваться переливами метки Сил, выглядевшей как закольцованная и принявшая форму круга радуга, чей спектр шире привычного людям ее мира.

- Готово? – уточнил Дарсен и, дождавшись кивка, смущенно буркнул нечто вроде: – Поздравляю с посвящением, Служительница!

- Спасибо, – улыбнулась Надюшка.

Глава 13

Специфика волшебной работы с удаленным доступом

Встряхнувшись, будто выбрасывал из головы всякую патетику, законник тут же нарочито деловито забухтел:

– Эй, о Великие, проблемы с двумя вашими храмами мы решили, а про третий вы нам ничего не рассказывали. Не успели пока или в помощи не нуждаетесь? Мне же все три факта для составления жалобы в Суд Сил нужны.

Силы замялись, и в их молчании Надежда явственно уловила розовый отголосок смущения. Но жажда прищучить жуликов-богов оказалась сильнее, чем желание сохранить тайну. Силы раскололись.

– Мир Джангаль, край девственных лесов и быстрых рек, где храм наш воздвигнут, ныне из-за вмешательства недругов наших, о коих уже поведали мы, неумолчным шумом морозящего дождя полнится. По листьям широким капли шуршат, в дивную мелодию сплетаясь. Чуден звук сей и, внимая ему, гармонией покоя мы наслаждаемся.

– И сколько уже там моросит? – практично уточнил Дарсен.

– Три цикла, по вашему счету семьдесят дней, – нехотя признались Силы.

– Значит, грязь скопилась непролазная. Никто пока не утоп?

– Разумных обитателей на Джангале нет. Паломникам, конечно, дорога доставляет некоторое неудобство, но у Сил Равновесия, к примеру, храм вообще в ледяных горах и крутая лестница без перил – не жалуются, – чуток заупрямились Двадцать и Одна.

– Да уж! Им, пожалуй, пожалуешься на дискомфорт... – хохотнул Дарсен. – Они примут к сведению, и родишься для равновесия в следующей инкарнации горным козлом, которому скалы и холод – дом родной.

Силы самым натуральным образом захихикали, разделяя веселье.

«Кажется, – подумала Надя, – в среде высших созданий с легкой руки законника только что родился свежий анекдот, который отправится гулять по мирам. Теперь самое главное, чтобы об анекдоте и его создателе не проведали сами Силы Равновесия. А то ведь и правда расщедрятся на подарки, и родится Дарсен в следующей жизни какой-нибудь тропической птичкой-хохотуном».

Вместо веселья над чужими привычками и увлечениями, девушка скромно предложила:

– Если никому в мире дождь не в тягость, сделайте над дорогой для паломников такую же защитную завесу-полог, как в паучьем лесу. И музыку дождя всем желающим слушать можно будет, и неприятностей он не доставит.

– Спасибо, Надежда, мы думали над этим, просчитывая вероятности возможного ущерба миру. Полагаем, несколько лет не нанесут серьезного урона, а позже мы ограничим область дождей лишь районом храма и создадим там каскады радуг!

Силы поспешно транслировали картину настоящего с тихим шорохом дождей, создающих мелодию на пестрых листьях. А следом показали свой храм – воздушное, пусть и созданное из разноцветных каменных блоков, сооружение на громадной лесной поляне. Сверкающие над зданием и над деревьями радуги придавали постройке празднично-величественный, исполненный сдержанного ликования вид.

– Красиво есть и будет, – мечтательно улыбнулась девушка, всегда тонко чувствующая переливы красок и звучание струн мира.

– Прости, – разом смутившись, как-то поникли Силы Двадцати и Одной.

– За что? – не поняла Надя.

– Мы не учли, ты не сможешь покинуть пределы своего мира и узреть красоты наших

храмов воочию!

– Не страшно. Вы мне их покажете, – утешила Силы девушка. – Я не расстроена и не обижена. Я счастлива жить в том мире, где живу.

Понимая, что необыкновенные собеседники ей до конца не верят, Надя продекламировала:

Моторов рокот и бензиновая гарь
Иль терпкий запах конского навоза – Судьбе, поверь,
как ныне, так и встарь
Судить начертано деянья, а не позу.
Смени наречье, а клинок на автомат,
Камзол и шпоры на прикид фирмовый,
Все будет так же, как века назад:
Деянья ценятся, а не пустое слово.
Какой ни выбери из множества миров,
Из взгляда твоего реальность свита:
Увидишь радость, чудо, волшебство,
Иль мерзость праха и постылость быта.

– Это что? – хрипло уточнил законник, напряженно внимавший строкам, слетавшим с уст чудной девушки.

– Это стихотворение написала в юности мама, когда услышала одну выдуманную историю моего мира, – не вдаваясь в тонкости разъяснения понятия кинематографа и описания причудливой интерпретации книги Александра Беляева «Остров погибших кораблей» и прочих обстоятельств сочинения трех строф по мотивам песни, отозвалась Надя.

– Сильно сказано, – задумчиво признал Дарсен. – У тебя умная мать.

– Мы поняли тебя, посвященная, – успокоенно промолвили Силы. – Мудрые слова! Все воистину так!

Надя улыбнулась, тряхнула головкой, разметав светлые прядки волос и, прихватив пустое ведро, двинулась домой. Теперь уже можно было, ее возвращение не нарушит той тонкой ниточки, протянувшейся между Дмитрием и мамой, из которой образуется новое крепкое и красивое плетение.

Двое чаевничали на уютной кухоньке, разговор шел тихий и душевный. Надю встретили и налили третью чашку. Пока девушка присаживалась, Дмитрий сказал:

– Стас звонил. Сергею рентген сделали. Ты права оказалась. Рука сломана, ребра целы, только ушиб. Легко отделался. Как разглядеть-то смогла?

– Он так пах и светился, – пожала плечиками Надежда, не вдаваясь в личные тонкости вкусо-цвето-восприятия.

– Не спрашивай, – с полуулыбкой предложила Вера мужчине. – Запутаешься еще больше. Надюшка так видит, ей трудно объяснить, что именно видит, потому что мы видим иначе.

– Уговорила, – просто кивнул Дмитрий, начиная подозревать, что многое из того, что видит девочка, не его ума дело. И если он не хочет, чтобы в один непрекрасный день на его башку рухнула какая-нибудь крыша, стена или летающий автобус, лучше ничем таким не интересоваться. Поговорка «много будешь знать, плохо будешь спать» в данном случае вполне годилась в качестве руководства к действию. А тут еще Вера поморщилась и протерла глаза, поспешно опуская взгляд к столешнице. После чего Надя поспешно допила чай и удалилась к себе. Из-за дверей вскоре неразборчиво донесся ее очень тихий голос. Слов было не разобрать, но, кажется, девушка с кем-то вела беседу, хотя звонка телефона не было. Но, с другой стороны, она и сама могла набрать номер. Не с сонмом же привидений она толковала? Нет, лучше не спрашивать...

Тем временем Надя в своей комнате выслушивала не то похвальбу, не то свежие сплетни, не то жалобы от энергетических работодателей.

– И тогда мы в каждом из своих храмов объявили об упразднении ордена жрецов! Дабы нигде и никем наши слова более не истолковывались превратно, лишь те избранные Сил, кто носит нашу печать и вершит деяния ради гармонии миров, отныне и впредь

будут иметь право говорить от нашего имени! У Сил Равновесия вообще нет и никогда не было жрецов, лишь Служители! И у Джокеров нет жрецов! Твои слова звучали правильно, Надежда, и мы решили сделать по слову твоему!

– Я же только спросила, зачем... Я не предлагала вам сразу жрецов распускать, – несколько растерянно сказала девушка.

Надя не слишком разбиралась в движениях людских душ, но что-то подсказывало новоиспеченной Служительнице со щекочущей печатью на ладонке, что среди отныне безработных жрецов не многие будут довольны ее рациональным предложением. Зато проклинающих того, по чьему глупому словцу куча народа полетела с насиженных тепленьких местечек, отыщется предостаточно! Терзали девушку смутные сомнения, что она опять на ровном месте нашла себе кучку дурнопахнущих проблем.

Тем не менее пояснять свою точку зрения довольным Силам девушка не стала. В конце концов, она здесь, в мире труднодоступном, практически закрытом от внешнего воздействия. Так, может, повозмущаются, побесятся, не найдут истинной виновницы своих бед да и пойдут себе новую профессию по душе искать или других хозяев, которым жрецы с опытом работы пригодятся?

В лучшее хотелось верить, потому червячок сомнений был временно закутан в кокон слов «авось обойдется» и подвешен в уголок потемнее. В конце концов, жрецы служили Силам Двадцати и Одной, а не стремились к эгоистичному захвату власти. Потому Надежда забралась с ногами в кресло, пристроила на коленях томик стихов и погрузилась в чудесный мир ассоциаций и образов.

А рядом с девушкой танцевали Силы, ловя отзвуки ее восприятия, пропуская через себя и рассыпаясь водоворотом маленьких радуг. Уж им-то со своей необычной посвященной было уютнее, чем иному человеку с чашкой горячего шоколада под пледом у потрескивающего поленьями камина. И их сияющая тихая радость умножала умиротворение девушки. В таком расслабленном состоянии Надя задумчиво уточнила:

– Силы, скажите, все ваши проблемы связаны с храмами или вы о других нам с Дарсеном не говорили?

– Пока не говорили, – осторожным хором раскололись Двадцать и Одна. – Смотрели на ваши решения... – Слушали отзвук... – Эхо событий в мирах... – Разглядывали нити плетений...

– То есть важнее была не срочность и сложность, а суть наших решений, – заключила девушка, совсем не обижаясь на собеседников. – Если бы мы ошиблись в вопросах, касающихся ваших храмов, вы не сочли бы это непоправимым вредом, в отличие от чего-то другого.

– Воистину, – виновато признали Силы с опасливым вздохом.

– И сейчас вы так думаете?

– Нет! – Уже нет! – Но ты столько пережила сегодня! – Смертные тела уязвимы! – Нужен отдых! – Помешаем!

– Вовсе нет, – улыбнулась Надя, откладывая книгу. – Мне будет интересно послушать и попробовать чем-нибудь помочь.

– Офур, мир бифуриш, гибнет. Смена структуры Уровня неизбежно приводит мир на грань изменений, сминая плетение. Если спасти его, то под ударом оказываются пять иных миров, – с места в карьер начали разговор Двадцать и Одна. – Мы предложили бифуриш переселиться в ближайшее измерение, подходящее им потоками энергий и климатом. Но они отказались... – Сказали, что предпочтут погибнуть вместе со своим миром...

– Печально, – нахмурилась Надя, не понимая до конца сути проблемы. – А почему так? У них философия, как у самураев, или что-то другое?

– Все, что случается, то суждено, что суждено, то неизбежно, противиться неизбежному, значит идти против течения великой реки замысла Творца, становясь камнями в запруде

его воли, – выдали длинную сентенцию, явственно цитируя тех самых фаталистов-самоубийц с Офура, Силы Двадцати и Одной.

Попутно с цитированием печальной сентенции Силы явили Наде образ мира мелких островов с длинными песчаными и каменистыми отмелями. Лазоревые просторы океана под синим безоблачным небом и крупных морских черепах с яркими, как стеклышки в детском калейдоскопе, панцирями и совсем не животным интеллектом в глазах, полуприкрытых кожистыми веками. Жители Офур, бифуриш, оказались ластоногими черепахами.

Людей Наде тоже было бы очень жалко, но и от вида этих разумных с яркими панцирями, отмеченными красивейшими узорами, ждущих гибели с философской обреченностью, и вовсе навернулись слезы. Нет, просить сохранить Офур, жертвуя другими, не заслужившими гибели мирами, девушка не стала. Образ мира, переданный Двадцать и Одной, был не только картинкой ландшафта, сквозь него проглядывали куда более пестрые, чем панцири черепах-бифуриш, где-то натянутые, где-то оторванные, где-то перекрученные так, что нельзя распутать, нити. Да, структура Уровня в месте расположения Офура нуждалась в серьезном ремонте. Его следовало переплести заново буквально с чистого листа.

– Если они водные и все сводится к мысли о течении великой реки Творца, то не провозглашайте великого исхода, откройте в разных частях мира врата-порталы в виде течений, несущие туда, куда планировали переселить черепахек. Пусть сами найдут, исследуют и проверят. Возможно, такие врата они сочтут знамением, проявлением воли Творца и нужным течением великой реки замысла, – предложила Надюша, покусав нижнюю губу.

– Обман... – задумались Двадцать и Одна.

– Почему обман? – совершенно искренне удивилась Надюшка, руководствуясь объемом знаний, случайно втиснутых в ее голову Силами при знакомстве и интуитивным стремлением к правильности цветов и запахов. – Вы – Силы Двадцати и Одной, действующие по воле и закону Творца. Его воля ведет вас, желающих спасения бифуриш. Это они не понимают правильного течения и не ищут спасения. Ведь так?

– Так, – с явственным облегчением (какое счастье, что ты нас убедила!) согласились Силы и умиротворенно объявили: – Мы сделаем течения!

Надя тоже заулыбалась, довольная исходом разговора. Пусть черепашки-философы и дальше живут где-то на просторах необъятной Вселенной.

Глава 14

Мы не ищем легких путей... Опять?

Дмитрий пробыл в гостях у Веры до позднего вечера и в воскресенье приехал снова, с букетом и тортом. Когда смущенная мама тихонько уточнила у Нади, не против ли она, Надюша пожала плечами и громко, чтобы оба услышали, ответила:

– Нет, конечно! Ты же слышала, я жду братика или сестренку. Но раз вам нужен конфетно-букетный период, подожду, только сильно не затягивайте!

И пока смущенные сорокалетние люди кашляли, приходя в себя от ее заявления, сбежала к себе в комнату, давая возможность парочке пообщаться наедине. Надя и из дома бы ушла на прогулку, давая двоим больше уединения, но чувствовала, что подобное им пока покажется чрезмерным. Одно дело общаться, когда за стеной чем-то своим занимается другой человек, и совсем другое – остаться вдвоем в квартире.

Умом такие странности поведения Надежда не понимала, но принимала как должное. Она уже очень давно жила, как чувствовала, чтобы не портить поступками переливов цветов вокруг, а не как диктовала логика и правила поведения, просто потому, что иначе жить не умела.

За чтением пара часов пролетела совершенно незаметно. Приближалось время обеда, и Наде вдруг неудержимо захотелось прогуляться. Время шло к полудню, но было пасмурно, и прохладный осенний ветерок продувал сквозь форточку. Просветы голубого неба делались все меньше, перекрываясь серыми клочьями тучек.

– Мам, я на минутку выскочу, хлебушка куплю, – крикнула девушка, быстро собравшись.

– Хорошо, только осторожнее! В новостях утром всякие ужасы рассказывали, – крикнула в ответ Вера, отвлекаясь от душевной беседы под звяканье кастрюлек.

– Поэтому я новости вовсе не смотрю, – из прихожей рассмеялась в ответ Надя, засовывая в карман аккуратно сложенный пакет для покупок. – Нашим журналистам соврать и напугать – главная радость.

Сбежав по ступенькам на крылечко подъезда, Надя чуть поежилась от прохладного ветерка. Но возвращаться не стала, только накинула на голову широкий капюшон куртки и двинулась вперед. У мебельного магазина напротив двора стояли две грузовых машины с распахнутыми во всю ширь дверцами. Похоже, кто-то решил разом обставить новую квартиру. Выход, выезд и вообще доступ из двора на улицу «газели» перегородили основательно. Поэтому нечего было и думать просочиться между грузовиками и суетящейся с творческим матерком бригадой грузчиков.

Мысленно пожав плечами, Надя решительно развернулась и направилась в сторону площадки с мусорным контейнером, за которым примостились несколько гаражей-ракушек жильцов-инвалидов. Между ними пряталась тропинка, выводящая прямо во двор соседней многоэтажки, через который до продуктового магазина было рукой подать.

Знакомая тропочка между гаражами, которой девушка не пользовалась больше месяца, заросла изрядно. Крапивы и репей на ней местами было по пояс, а сверху задорно покачивались ветви шиповника, так и норовя зацепить авантюристку за капюшон мелкими колючками. Надя склонила голову, опустила плечи и ринулась вперед. Шаг, другой, третий, четвертый. На пятом и шестом в носшибанула дикая вонь тухлятины. Следом, не давая перевести дух, резко, в диссонанс недавнему умиротворенному настроению, в глазах зарябило до черных мушек, до накатывающей волнами сильнейшей тошноты, до череды тошнотворных цветов.

И будто ставя точку в аттракционе гнуса, на лицо легли противные ошметки чего-то мерзостно-липкого. Надежда запаниковала, рванулась вперед, пытаясь выпутаться из неприятнейших ощущений, замахала руками в слепой надежде прорваться, порвать эту липучую дрянь, хоть немного развеять миазмы.

Девушка зацепила что-то тонкое и столь же препротивно-тягучее на ощупь, рванула.

Раздался едва слышный звук, словно порвалась струна давно испорченного инструмента, и все неприятные ощущения разом исчезли. Как отрезало. Глухой звук падения и треск ломающихся веток в кустах у гаражей прозвучали для только что вернувшей слух и зрение девушки неожиданно громко.

Проморгавшись и сглотнув вязкую слюну, Надя вздохнула полной грудью. Запах тухлятины пропал, мир вокруг снова был ярок и позванивал, да что там позванивал, он выводил нечто ликующее, пусть и неслышимое большинству смертных.

Невольно заинтересовавшись недавним треском в кустах, девушка приблизилась и заглянула в заросли. Там, скорчившись, лежал мертвый мужчина. Что мертвый, для Нади было совершенно очевидно. И не только из-за неподвижности тела. Труп не имел запахов и красок, обычных для живых людей.

И тем не менее рядом с этим неподвижным и окончательно мертвым продолжал витать призрак мерзостной вони, будто намекая на причину недавних мучений Надежды.

Идти дальше, оставив тело в кустах, – о таком Надя даже не помыслила. Здесь частенько играют детишки, забегают совсем маленькие. Что будет, если на труп наткнется ребенок? Или впечатлительная мамочка с пузиком?

Девушка нашарила в кармане телефон и уже почти привычно набрала номер.

– Простите, Дмитрий, это снова я. Посоветуйте, пожалуйста, как лучше поступить. Я в соседнем дворе, а в кустах лежит труп.

Шельга отреагировал мгновенно, в телеграфном стиле:

– Ничего не трогай, никуда не ходи, не маячь на виду. Я сейчас буду. Куда идти?

– У мамы спросите. Я за синей гаражной ракушкой.

Шельга отключился, Надя послушно отошла за гараж, скрываясь от чужих взглядов. Ждать долго не пришлось. Меньше чем через пять минут по той самой тропинке, где девушке на несколько мгновений стало дурно, очень быстрым шагом, почти бегом, к не в меру находчивой чудачке присоединились Дмитрий в распахнутой куртке и мама в застегнутом пальто и домашних тапочках, надетых на яркие полосатые носки и задорно выглядывающих из-под домашних синих брючек.

– Где? – отрывисто уточнил Шельга.

– Там. – Надя послушно указала пальчиком в сторону густых пока зеленых зарослей с остатками красно-оранжевых плодов.

Дмитрий ненадолго скрылся из виду, вернулся и хмуро констатировал:

– Труп. Похоже, свежий.

– Он только что умер, я слышала треск веток от падения, – вздохнула Надя.

– Сердце прихватило? Может, «скорую» вызвать? – озадачилась Вера.

– Поздно, – уверенно покачала головой дочка.

– А эти твои чего-нибудь говорят? – неуверенно спросила Вера, судя по всему пребывая в шоковом состоянии (не каждый день чудная дочка трупы находит во дворе). – Они тут, только не мельтешат, а совсем замерли.

Только сейчас Надя обратила внимание, что всегдашнее, пусть ощущаемое отдаленно (как собеседник на другом конце телефонного провода), присутствие Сил сменилось их ступором. Двадцать и Одна были здесь. Но только в энергетическом плане. И одновременно они пребывали в аналоге энергетического обморока.

– Эй, Силы... – робко позвала Надя.

Те дернулись, будто очнулись, и залепетали разноголосую околесицу:

– Ты не Жнец, ты не успевшая войти в силу Плетущая! Ты не должна! – Не умеешь! – Не способна рассекать нити! – Но ты ее порвала! Ты исполнила приговор, как Жнец! Так не бывает! – Не должно быть! – Невозможно!

– Мама, ты в одних тапочках, иди домой, простудишься. Дмитрий поможет, мы скоро вернемся и все расскажем, – попросила Надя мать.

Та только сейчас заметила, что у нее на ногах вместо осенних ботиночек, и охнула. Дмитрий мгновенно присоединился к Наде с уговорами:

– Ступай, Вера, не стоит толпу собирать! Я позабочусь о Надюше.

– Хорошо, – уступила женщина, боящаяся мертвецов, и, ежесекундно оглядываясь, посеменила по той же тропке между гаражами, по какой прибежала сюда. Только убедившись, что мать ушла, Надюша вернулась к разговору с Силами.

– Вы хотите сказать, что я сама убила ни в чем не повинного человека только из-за того, что меня мутило от его цвета и запаха? – севшим голосом, сглотнув вновь подкатившую к горлу тошноту, переспросила девушка.

В ответ на очередной запрос на ее голову вывалилась жутковатая подборка информации о Служителях Равновесия – Жнецах, мрачных типах в темных плащах с большими острыми мечами. В их власти было одним взмахом лезвия перерубить не только нить жизни смертного, бессмертного и любого иного, буде таковой вообще существует во Вселенной, но и целых миров.

– Не убила! – Исполнила приговор! – Не невинный! – Ты отдала его душу в наши длани. Видим! Убийца, мерзость с искаженной структурой! – Убивал и был готов убить снова! – В его руках шнур душиателя, липкая лента в сумке, движущиеся картинки мерзостей, что он творил, на устройстве в кармане. – Отдадим Силам Смерти, они вынесут достойный приговор!

Все речи Сил сопровождались мрачными вспышками чудовищных образов, вероятно выхваченных ими из памяти покойника. Надю замутило с новой силой.

– Ты сейчас о чем и с кем? – осторожно уточнил Дмитрий, начиная подозревать, что у обеих женщин от шока случилось помутнение рассудка. С другой стороны, если припомнить взрывающуюся панель и рухнувший дом – утверждать, что глюки всего лишь глюки и ничего, кроме глюков, – было бы слишком оптимистично.

Девушка, мелко дрожа от ужаса, вызванного совсем не созерцанием мертвого тела и не недавней угрозой личной мучительной смерти, а словами и образами, транслированными Силами, присела на корточки. Ноги не держали. Надя обхватила себя руками, съежилась в комок и глухо, через силу, сказала, потому что молчать о таком было нельзя:

– Этот мертвый в кустах – он убийца. Тот самый, о котором в новостях говорили. Душитель девочек. У него на смартфоне в кармане записи того, как и что он делал. В руке шнурок – он снова жертву искал. Но нашел меня и умер. Надо полицию вызвать.

– Ты его как прикончила? Твои отпечатки пальцев или следы есть? – уточнил Дмитрий, разом поверив в правильность определения личности мертвяка.

– Ничего нет, я его иначе убила, не подходила, следов нет, – мяукнула Надежда и пискнула, когда Шельга подхватил ее, скорчившуюся, с земли и крепко прижал к груди.

– Тише, девонька. Все позади. Такая тварь по земле ходить не должна! Что бы ты ни сделала, все верно! Раз следов нет, проще, сейчас все утрясу, – поглаживая девчущку по спине, Дмитрий достал телефон. – Салют, Влад, тебе звездочки покрупнее на погоны хочется?

– Спрашиваешь, чудаки-человек, кому их не хочется, – хохотнул собеседник.

– Тогда записывай адрес. Твои «звездочки» лежат на Ленина, между гаражом и семнадцатым домом. Веревка в руке, скотч в барсетке, в кармане смартфон с очень интересными записями про мертвых девочек. Плюс, думаю, пальчики твоих «звездочек»

много где кровью отметились.

– Мить, – вся напускная веселость из голоса любителя звездочек пропала разом. – Ты?

– Не успел. Хотя, знал бы, где мразь гуляет, сам бы постарался! Увы, несчастный-счастливый случай быстрее меня сыграл. Чужих следов нигде нет, но, если ты не поторопишься, кто-нибудь непременно сюда забредет, и прощайте звездочки.

– Ок, оформлю как анонимный звонок, беру оперативную группу и выезжаем, – решил собеседник и отключился.

– Все, пошли домой, – скомандовал Дмитрий, уверенно подхватывая Надю под руку.

– А хлеб? – вяло попыталась возразить чудачка.

– На сегодня обойдемся зрелищем, – невесело пошутил Шельга и, поддерживая перебирающую ножками девушку под локоток, повел назад к дому. По ходу еще и посоветовал: – Тебе сейчас выпить не помешало бы.

– Не надо, – с жалобным вздохом попросила Надя. – Люди пьют, чтобы развеселиться или приглушить эмоции. У меня веселья не будет, а чувства только ярче сделаются. Тяжело, если перед этим неприятности были.

– Тогда, девочка-приключение, гроза преступников, будешь пить горячий крепкий чай с шоколадными конфетами! – категорично распорядился Дмитрий.

– Чай буду, – покорно согласилась девушка. – Мне что-то забко.

Дмитрий угукнул и побыстрее поволок девушку к пятиэтажке. Надю с каждым шагом все сильнее колотила нервная дрожь. По ходу транспортировки Шельга мрачно усмехался про себя: еще не успел жениться, а бремя отцовства прочувствовал в полной мере. Но, черт побери, заботиться об этой крохе казалось Дмитрию очень важным, может быть, это было одним из самых важных дел, какими ему только доводилось заниматься в жизни.

– Маме-то что скажешь? – негромко справился мужчина, осторожно изучая двор на предмет излишне любопытных личностей.

– То, что ты знакомого из полиции вызвал, чтобы меня не вмешивать. А он пусть со всем разбирается, – собралась с мыслями и, чуток подумав, объявила Надя. – Маме нельзя детали рассказывать, она спать потом не будет, за меня переживать станет.

– А с кем же тебе обо всем поговорить? – озадачился Дмитрий, с одной стороны, безоговорочно одобрявший мысль об исключении Веры из числа посвященных в мерзкие детали, с другой – прекрасно понимающий, что Надюшке сейчас как никогда нужны родственная поддержка и сочувствие. Себя мужчина жилеткой подходящей мягкости не считал, болтливую подружку будущей падчерицы Любку тем более.

– Зачем на кого-то это взваливать? – пожала плечиками Надежда. – Не стоит. Он был очень больным, порченным человеком и теперь отправился туда, где его не только заставят понять, что именно он натворил, и заплатить за каждый из поступков, но и вылечат. Мне плохо не потому, что я его убрала из нашего мира, а потому, что успела почувствовать, каким он был и что успел совершить. Это омерзительно, страшно и говорить о таком я точно ни с кем не буду.

– Не до конца вник в детали, но смысл уловил, – мрачно согласился Дмитрий. – Тогда только одно могу посоветовать: забудь все как страшный сон. Ты свою норму по неприятностям за вчера-сегодня точно лет на десять выполнила.

– Я попробую, – кивнула Надя и измученно улыбнулась.

На периферии восприятия продолжали переживать, бурля цветами, Силы, но Дмитрий излучал свежую, как мокрые скалы у моря, волну уверенности и надежности, и девушка невольно успокаивалась.

– Кстати, – припомнил Дмитрий и заговорил, может быть, чуть нарочито бодро: – Серегу

из больницы еще вчера вечером выперли, чтобы койку не занимал, лось почти здоровый. Он у шефа на ковре побывал. Не уволил Красильников твоего киднеппера. А бумажка с номерками выигрышными так в руинах и сгинула.

- Это хорошо, - слабо улынулась Надя, заходя в подъезд.

- Что не уволил или что сгинула? - педантично уточнил Шельга, придерживая дверь для собеседницы.

- Все сразу, - конкретизировала девушка.

- Может, ты и права. Все познается в сравнении, - поразмыслив, признал Дмитрий. - Серый поступил мерзко, но людям и похуже случается поступать, когда бабло глаза застит. Хотя таких и людьми назвать язык не повернется. Знаешь, почему я на Виктора работаю? Он мужик хваткий, но меру знает, там остановится, где иной буром попрет, ни с чем не считаясь.

- Именно поэтому все успели выйти, когда телевизор взорвался, - почти про себя тихо отметила Надежда. Настолько тихо, что Шельга мог легко сделать вид, будто этой фразы не расслышал, и не поднимать вопроса о сверхъестественных реакциях и безопасной плазме.

Уверенные слова Дмитрия о знакомце из органов успокоили старшую Последнюю, да и дочка не выглядела перепуганной или шокированной. Потому, исполняя материнский долг, Вера хлопотала, расставляя на столе тарелки для супа. О страшном трупе где-то там, в соседнем дворе, она постаралась не думать. Разберутся - и все! А пока пусть Дима с Надей хорошенько покушают.

Глава 15

Спассти нельзя оставить

Домашнее многослойное желе завершало скромный семейный обед. С лишними вопросами Вера не лезла, полагая главным досыта накормить бедную дочку и замечательного Митю, благодаря которому девочке не пришлось тащиться в полицию и пытаться что-то там объяснить. Да! Ее Надюша привела вчера в дом замечательного человека!

Звонок в дверь громом среди ясного неба не прозвучал, никто не стал испуганно вздрагивать и прятаться, но открывать решительно отправился Дмитрий. И, как оказалось, не напрасно.

На пороге стоял серьезный мужчина с блокнотом, одетый в джинсы и чуть помятый, застегнутый на одну пуговицу пиджак. Едва звонивший оторвал взгляд от своих записей и разглядел Шельгу, лицо его расплылось в улыбке:

– Димон! А я-то голову ломал, каким ветром тебя сюда занесло!

– Жена моя и падчерица тут живут, Влад, – вернул усмешку Дмитрий. – Потому тебе так сvezло! Решил я за хлебушком сходить к обеду, вот и сходил...

– Вопросов на этот счет больше не имею. С прочим будем разбираться, но и так понятно, какую рыбку словили, – тихо признал Владислав. – Пальчики сделали, проверяем. Смартфон тоже глянули... Крутить долго, эпизодов много, но ты очень помог, Димон! Буду должен!

Влад говорил верные, проникновенные слова, а взгляд его шарил по прихожей, особенно внимательно изучая обувь. Дождя в последние дни не было, вещественных отпечатков никто из очевидцев недавнего действия за гаражами оставить не мог. Пыльные тапочки Веры вообще были отмыты и сохли в ванне на полотенцесушителе. А куриный вес Нади позволил бы ей, наверное, повторить чудо Сына Божьего и пробежаться по воде, не замочив ног. Потому ее ботиночки сверкали как новенькие. Зато кроссовки Дмитрия вполне запылились, и в шнуровке застряла пара травинок.

– Да, Влад, я в них ходил, – сразу просек фишку Шельга, мотнув головой в сторону своей обуви сорок четвертого размера. – Но жмурика не трогал, пальчиков моих там нет.

– Дима, кто там? – уточнила Вера, выглядывая из кухоньки. Надя присоединилась к матери.

Вид двух хрупких фигурок то ли окончательно успокоил, то ли разочаровал следователя. Эти мышки точно ничего общего с маньяком в кустах не имели. Их силенок не хватило бы и на то, чтобы вырваться, не могли они отправить преступника на тот свет.

– Милые дамы, мое почтение, – расплылся в обаятельной улыбке Влад, пряча в карман блокнот. – Мы с Дмитрием друзья детства. Я тут по служебным делам, но как было не забежать хоть на минутку!

– Что же вы на пороге стоите? – тут же захлопотала Вера. – Проходите! Обедали? Давайте я вам супа налью и пюре с котлетой согрею!

– Рад бы, – искренне пожалел завзятый холостяк, сглатывая невольную слюну при слове «котлета». – Да долг зовет! Увы!

Почти про себя, очень-очень тихо, только чтобы Димон слышал, Владислав горько бросил:

– Сейчас нас живьем есть будут, пока все тела по эпизодам не найдем.

Чувствовалось, труп маньяка его, конечно, обрадовал – сдох, тварь, туда тебе и дорога. Зато перспектива копаться дальше в этом мерзостном деле, пытаясь связать концы и определить, где искать тела пропавших девчонок, находясь при этом под давлением начальства и общественности, не особо радовала. Даже если за все по совокупности и

светили звездочки.

И тут номер отколола чудачка Надя. Она густо порозовела, потом побелела, потом снова пошла розовыми пятнами и, повернувшись к стенке, чувствительно стукнула себя лбом о оклеенную обоями в желтую клетку поверхность.

– Гадина! Какая же я трусливая гадина! Дядя Влад, Лена живая! Она в подвале связанная лежит!

– Надя, откуда тебе знать? – выпалил пораженный в очередной раз Дмитрий.

– Он вторую девочку искал, хотел сразу двух! А я струсил, тошнило, ничего знать не захотела! – всхлипнула Надюшка, закрывая лицо руками.

Вера тут же подскочила и обняла дочку. Негодование и растерянность смешались на ее лице.

Влад среагировал тут же. Не стал сыпать пустыми вопросами – откуда? куда? как? зачем? – выпалил ключевой:

– Где ее искать? Подскажешь?

– У него дома, – пролепетала Надя.

– Обыскали уже, пятиэтажка стандартная, там и подвалов-то незакрытых нет, – махнул рукой разочарованный следователь.

– Нет, у него дом в деревне, от матери остался, на отдельной связке в бардачке машины ключ большой с ржавой бороздкой – от калитки, и еще один поменьше – от дома. Машина сейчас в соседнем квартале стоит, у «китайской стены» – многоэтажки, рядом с «Пятерочкой», – замотала головой Служительница Сил, получившая неприятный информационный пакет и теперь вынужденная в нем копаться.

– Найдем. Брелок от машины есть. Название деревни, номер дома? – пулеметом выдал Влад, шагнув через порог и подавшись всем телом к Надежде.

– Деревня Куракино. А номера нету, он его снял. Дом старый. Дорога... я показать могу, объяснить – нет. Только картинки мелькают, – растерянno пожала плечами девушка.

– Надюш, девочку надо спасти. Одевайся потеплее и поезжай, – решила за дочь Вера, отодвигая на задний план все свои страхи при мысли о том, что к незнакомой несчастной матери, уже оплакавшей свою кровинку, дочь вернется.

Надя только кивнула и метнулась к себе, Вера поспешила ей на помощь. А Влад смущенно кашлянул и глянула на друга. Сам удивлялся тому, что безоговорочно поверил и собирался действовать немедленно.

– Если сказала, значит, все правда. Все так и есть. Но не думай, Надя нигде не была и ничего сама не видела. Считай ее кем-то вроде экстрасенса, – сумрачно уточнил Шельга. – И да, она действительно кое-что порой чувствует. Только требовать от нее ничего нельзя, если сама не захочет, не дави, а то хреново дело закончится.

– Насколько хреново? – брякнул Влад, снова прощупывая ситуацию.

– Последний раз рухнул дом, придавив «давителя» Нади и подружки, в предпоследний у того, кто нажать на нее пытался, плазма рванула, – хмыкнул Дмитрий.

– Бреешь? – выкатил глаза убежденный циничный материалист из полиции.

– Рад бы, да своими глазами видел, – грустно усмехнулся Шельга. – Но раз сама помогать взялась, такого не будет. Только не вмешивай ее по возможности в эту грязь.

– Это она тебя к уроду привела? – уточнил Вадим.

Дмитрий только кивнул. А Влад вытащил смартфон и отдал команду какому-то Шурику искать нужную машину на стоянке у магазина. Разумеется, без четкой наводки, в формулировке: «Пробегись-ка, дружок, по ближайшим точкам с нашим брелочком и

поищи машину у «Пятака». Что-то мне шепчет, там глянуть надо».

Не веря в мистику и чудеса, Владислав тем не менее безоговорочно полагался на личную чуйку, не раз спасавшую его от многих бед. Доверился ей и на сей раз, а следовательно, и странноватой девчонке, похожей на симпатичный одуванчик на ножках.

Надя не успела до конца одеться, а Влад уже начал сомневаться, когда требовательно пискнул смартфон. Шустрый Шурик сбегал и нашел. В ответ на просьбу пошарить в бардачке на предмет ключей пошарил и тоже отыскал. Слова мелкой падчерицы Дмитрия подтвердились.

– Я собираю своих, вызываю «скорую». Прости, Димон, но без Надьки никак. Дорогу ей показывать. Если Куракино мы еще худо-бедно отыщем, всласть поблуждав по нашим буеракам (я там лет шесть назад на мокрухе был), то дом пальцем отсюда не покажешь. Нет нормальной карты этого района, а девчонке в подвале, если жива, каждая минутка дорога.

– Кто тебе сказал, что я Надюшку одну с вами отпущу? Сам повезу, ты можешь на заднем сиденье ехать, – даже не поставил условие, а констатировал, давая понять, что все будет только так, а не иначе, Шельга.

– Принято, – махнул рукой Влад.

Победителей не судят. Если он найдет пропавшую девочку, то покатушки на чужом внедорожнике спишут, а если не найдет, так один конец. «Скорая» и группа, мотающаяся по району тогда, когда надо срочно крутить дело, точно приведут к полету звездочек. Только не на погоны, а с погон.

По настоянию мамы Надя переделалась в теплый свитерок и джинсы на флисе, потому что за городом всегда холоднее, да и по осени к вечеру прохладнее становится. Накинув курточку и нацепив мягкую кепочку, девушка обула кроссовки и кивнула:

– Все.

– Я присмотрю за ней, Вера, жди нас, – пообещал Шельга, подхватывая девушку под локоток, чтобы она не споткнулась прямо на пороге.

Вера только слабо улыбнулась, понимая, что и ее с собой не возьмут. Только переплела тонкие пальцы в невообразимый узел.

– Мамуль, а ты мне пока шарлотку с корицей сделай, ладно? – попросила Надя, давая маме занятие и цель на ближайшие полчаса.

– Хорошо, – пообещала Вера. – Грецких орехов положить?

– Ага! А если какао сваришь, вообще супер будет! – энергично согласилась Надя, но едва за ними закрылась дверь, как-то поникла и потухла.

– Боишься? – подозревая недоброе, сразу насторожился Дмитрий, продолжая придерживать девушку во время спуска по лестнице.

– Нет, мне стыдно, что я про Леночку сразу не стала выяснять, а она все это время мучается и боится... – вздохнула Надя, сделав бровки домиком.

– Лучше поздно, чем никогда, – преувеличенно бодро возразил Влад. – Сейчас ты нам быстро дорогу и место покажешь, девчонку вытащим и к мамке отправим!

Во дворе Надюшка уже привычно села на переднее сиденье внедорожника, пристегнулась, пока Владислав вел переговоры и коротко объяснял расстановку сил своим людям. Что уж он им выдал за рабочую версию, ни Дмитрий, ни тем более Надя не знали, но в итоге все сработало быстро. Через семь минут внедорожник Дмитрия с Владом на заднем сиденье уже катил по проспекту. На хвосте у него висели потрепанный газик и новенькая, пусть запыленная, «скорая». Мигалок никто не врубал – особо оживленного движения из города все равно не было, народ большей частью возвращался с дач. Так что полоса оказалась почти свободна.

Проводница подтвердила, что дорога та самая. Только когда щит со знаком города появится, надо будет сразу направо сворачивать.

- Хм, а мы до следующего перекрестка пилили и уже там сворачивали на объездную, - отметил следак.

- Этот участок объездной с прошлого месяца на ремонте, - бросил Дмитрий.

Влад вытащил было пачку сигарет, покосился на Надюшку и спрятал курево обратно. Девке, кажись, и так несладко, не стоит ее еще и дымом травить. Похлопав себя по карманам, следователь не выдержал и принялся аккуратно забрасывать «впередсмотрящую» вопросами.

- Номера дома ты не знаешь, но где стоит в деревне, описать сможешь?

- От шоссе съезд, где гравий и грязь вперемешку, - стала выдергивать подробности из картинок Надежда. - По нему ехать вперед несколько минут, потом налево повернуть вдоль ржавого забора-сетки. Потом забор из гофрированного красного листа. Нужный дом почти без забора, только столбы, а между ними тонкие полосы ржавой колючей проволоки натянуты, и все вокруг заросло старой малиной и крапивой. Напролом не пройти, только через калитку.

- Там-то крапивы и колючки нет? - хмыкнул с заднего сиденья Влад.

- Нет, там... - Секундная пауза на сверку с «архивом» - и Надя выдала с омерзением в голосе: - Он борщевик вдоль дорожки посадил. Осторожнее!

То, что сказал Владислав, было сказано очень тихо, чтобы оттопыренные ушки девушки не свернулись в трубочку, но сказано было с большим чувством. Тут же собеседник принялся терзать телефон, передавая информацию коллегам. Не хватало еще кому-то из ребят ожоги получить, когда к дому рванут!

Путь до деревни занял треть часа, и еще минут семь внедорожник и сопровождающие тряслись по тому, что на громкое звание дороги никакого права не имело. Благо дождей не было и на брюхо никто не сел.

В самой деревне, вернее, жидкой россыпи ветхих домиков, чудом уцелевших среди разрухи и гнилья и опасливо глядящих на большой мир из-за заборов частью заколоченных окошек, снова пришлось слушать Надю. Без ее подсказок передвигаться по Куракино можно было лишь наугад.

До дома за колючей проволокой добрались, притормозили у калитки, поджидая остальных.

- В доме ловушек нет? - криво усмехаясь, на всякий случай справился Владислав и кивнул в сторону кособокого строения, из-за облупившейся краски казавшегося запаршивевшей дворнягой.

- Это не тот дом, - нахмурилась Надя, вытянула шею получше, пытаясь разглядеть развалюху, и, прежде чем следователь начал ругаться, уточнила: - В сарай надо, он за домом, с дороги не видно. В нем подвал настоящий. Там сверху дерюга валяется и тачка ржавая стоит. Если их снять, квадрат пола снимается, только топориком поддеть надо. Топорик в ящике под столом валяется. Кольца и ручки нет.

- Понял! - уже серьезно принял сообщение Влад. - Тебя с собой не берем, в машине дождайся. Если вопросы будут, я Дмитрия вызвоню. Еще что скажешь?

- Попить возьмите, он ее почти не поил, - попросила Надя. - Вода во дворе есть. За умывальником кран, там кружка.

Внедорожник с водителем и пассажиркой остался стоять у ограды, все остальные подъехавшие люди дождались, когда откроют калитку, и рванули к дому. Предупрежденные о борщевике, шли осторожно, на ходу ломая и прибывая палками особо наглые трубки опасного растения по обеим сторонам дорожки.

Надина информация пригодилась. Сарай за домом нашли и вскрыли быстро, подвал

тоже. Из него выпустили заплаканную худенькую девчонку-школьницу с растрепанными светлыми косичками. Бедняжка щурилась от тусклого дневного света и не отходила даже на полшага от женщины-врача. Тут же (Влад не забыл просьбу Надежды) Лену напоили, погрузили на носилки и уволокли на «скорую». Владислав поехал с ней, успев на прощанье отдать машине Дмитрия салют. Благодарить было некогда.

– Домой? – Шельга повернулся к Надюше.

– Да, шарлотка уже остыла и какао сварилось, – умиротворенно вздохнула девушка и затрясла головой, пытаясь выкинуть из памяти все неприятные осколки эмоций и мерзких чувств маньяка. Даже участок со старым домом за ржавой колючкой, и тот лучился ядовито-оранжевой тухлой мерзостью с тинной прозеленью и багряными пятнами чужих мук.

На периферии виновато и удивленно вздохнули Силы. По их мнению, посвященная и избранная обладательница знака благосклонности – печати Двадцати и Одной – не должна была бросаться очертя голову спасать какую-то девочку. Хватило бы, раз уж таково было ее желание, обычного объяснения нужным людям. Но спорить и упрекать Силы тактично не стали. Знали уже: порой людям, даже самым лучшим, в голову приходят очень странные мысли и желания.

– Влад теперь не отстанет, будет пытаться у тебя информацию выуживать, – отметил Дмитрий, побарабанив по рулю.

– Вряд ли я ему смогу помочь, – рассудила скорее с виноватым облегчением, чем с сожалением, Надежда. – Я даже, жив человек или умер, не всегда по фотографии определить могу. Мы с мамой об этом говорили. И почему так, наверняка не знаю. Наверное, потому, что жизнь и смерть у каждого своя.

– Каждому по вере его? – попытался процитировать водитель Булгакова.

– Возможно, – пожала плечами девушка, у которой та книга вызывала очень странные ощущения. Слишком много всего в ней было намешано – от откровенного и даже нарочитого вранья до глубочайшей истины. Может, истина, как завязтая скромница, специально спряталась в ворохе буффонады?

– Но про этого ты знала, – вслух продолжил рассуждения Шельга, не видя смысла затирать тему, раз уж сразу забыть ее, как страшный сон, не вышло.

– Случайно, – поморщилась Надежда. – Мне открылся доступ к обрывкам его памяти вперемешку с прочей мерзостью. Врагу такого не пожелаешь, но я рада, что Леночку спасли. Это здорово, а я сейчас душ приму. Вода помогает, смывает все чужое...

Спохватившись, Силы Двадцати и Одной возбужденно загалдели, да так, что у Нади заложило уши, а следом обрушили на девушку водопад своей смешанной воедино энергии. Такой мощный душ для посвященной не прошел безнаказанно. В машине что-то заискрило, запахло паленым, и внедорожник повело влево.

Дмитрий успел дать по тормозам. Пристегнуты были и водитель, и дисциплинированная пассажирка, потому девушку лишь мотнуло вбок, потом вжало в кресло.

– Это что сейчас было? – опасливо уточил Шельга. – Нам из машины выметаться надо? Рванет?

– Нет, – блаженно улыбаясь, ответила Надежда. Купание в потоках искристой, чистой энергии Сил смыло всю мерзость, казалось, насмерть прилипшую к ее личным воспоминаниям. Стало бесконечно легко и очень приятно. – Все хорошо.

– Хорошо? – Дмитрий в полном обалдении уставился на встроенную магнитолу, из которой только что валили искры и шел дымок. Все бы ничего, всякое случается, вот только прибор был выключен, Шельга вообще редко включал музыку в машине, предпочитая следить за дорогой или думать о своем, а не отвлекаться на посторонние шумы. Музыкального слуха у Дмитрия не было, подпевать он никому не рвался, слушать чужое мяуканье тоже. А новости... Тут он предпочитал периодику, чтобы не слушать чужие интонации и выборку, организованную кем-то, а искать и делать выводы самому.

– Черт-те что, – покосился водитель на пассажирку. – Я что, опять что-то запретное спрашивать начал?

– Нет, это только э-э-э... технические накладки. – Надя помешкала, подбирая подходящее слово для описания конфуза.

Силы в это время растерянно лепетали о своей несовместимости с техникой и о том, что им в большинство технических миров вообще закрыт доступ по физическим законам, а тут, рядом с посвященной, они могут находиться и, оказывается, даже влиять на окружающий мир. Но не слишком благоприятно, как выяснилось, воздействовать при этом на элементы с ярко выраженной технической составляющей.

«Счастье еще, что испортилась лишь магнитола, а не какая-нибудь важная деталь в движущейся машине», – порадовалась Надя и мысленно, очень четко проговаривая слова, постаралась утешить Двадцать и Одну:

«Зато теперь мы знаем метод воздействия на враждебную среду для моей защиты в рамках технического мира. Вам достаточно направить на меня поток энергии, и любая техника выйдет из строя».

– Мы ехать-то дальше можем или лучше выйти и такси вызвать, пока у машины бензобак не рванул вслед за магнитолой? – справился в свою очередь Дмитрий.

– Все нормально, едем дальше, больше ничего портиться не будет, – виновато улыбнулась чудака. – Во всяком случае, из-за странностей. За гвозди на дорогах ручаться не могу.

– За них никто ручаться не может, небось даже сам Господь Бог, – с усмешкой констатировал Дмитрий, слишком хорошо знакомый с обеими проблемами родины, из которых, впрочем, дороги порой казались отнюдь не самой страшной.

Тронулся с места Шельга потихоньку, но, убедившись, что ничего в машине не искрит, не воняет и все показатели в норме, прибавил скорости. До города домчались минут за пятнадцать и крепко влипли в пробку на первом же перекрестке. Так что домой все равно добирались столько же, сколько ехали в деревню.

Дом встретил путешественников запахом какао, сдобы, корицы и обеспокоенностью Веры. Она не названивала поминутно и не интересовалась, где дочка и что с ней, но искреннее облегчение в глазах и счастливая улыбка после кивка в ответ на незаданный Дмитрию вопрос сказали Наде достаточно.

Теплый взгляд худенькой женщины согрел вернувшихся больше горячего какао и пирога. Вера умчалась хлопотать на кухню, а Надя повинулась:

– Прости, что тебе пришлось ехать вместо...

– Надюш, рот прикрой! – нахмурился мужчина. – Твоя мама – чудесная женщина, но неужели ты думаешь, что я спокойно мог бы остаться с ней, наплевав на все?

– Нет, ты так не умеешь, – пожала плечиками девушка. – Потому и извиняюсь.

– Глупости-то не болтай, – усмехнулся Шельга, подталкивая девушку в сторону ванной комнаты – мыть руки перед едой. – Я, конечно, за эти дни такого наслушался и навидался, чего иной и за всю жизнь не отхватит, но скучно мне ни разу не было и через себя переступить не приходилось! К тому же где еще я бы с Верой без тебя познакомиться смог, а, чудака?

Дмитрий на секунду приобнял девушку и потрепал ее по легким, как пух одуванчика, волосам.

Надя улыбнулась, купаясь в запахе скошенного сена и звоне полевого разнотравья, которым сейчас повеяло от собеседника. Запах осени почти совершенно исчез из его постоянных ароматов.

Когда Надежда уединилась после ужина в своей комнате, Силы неуверенно уточнили:

– Посвященная? Надя... если тебе надо с кем-то поговорить, то мы вызовем Дарсена...

- Не надо, - покачала головой странная девушка. - Мне было очень плохо от ощущения присутствия рядом этого неправильного больного человека, а потом стало еще хуже от случайно уловленных осколков его памяти. Но сейчас проблемы нет. Его забрали, и теперь он по-настоящему получит заслуженное. Вы вылечили меня душем из своей энергии. Поэтому разговор по душам не нужен, я не терзаюсь.

- Интересно... - Невероятно... - Предположение... - Силы говорили сами с собой, но Надя каким-то чудом слышала их многоголосые рассуждения. - Начальные основы структуры душ всех Служителей имеют глубокую внутреннюю схожесть плетения. - Возможно, дальнейшее формирование способностей - вопрос условий и личного выбора, а не предопределенность? - Возможно, нам повезло, и Надежда не только сможет проявлять свою суть как Плетущая, но и заменит других Служителей в нужных ситуациях?

Глава 16

Хотели как лучше

В понедельник ближе к обеду Дмитрию позвонил ошарашенный воскресной поимкой маньяка Влад. Но ни капельки счастливым его голос не был, скорее крайне озадаченным.

– Димон, скажи, это нормально, когда железный ключ от сейфа с бумагами ломается пополам, следом у нового портфеля с документами отлетает ручка, а дверь из нашей шараги вслед за вертушкой заклинивает насмерть? – вместо «здравствуй», «спасибо» и прочих банальностей начал разговор по сотовому Влад.

– Ты до Нади пытался добраться и что-то от нее требовать? – сразу просек фишку Шельга.

– Ну чего так сразу «требовать»? Поспросить, а вдруг чего вытанцовывается, – не стал отрицать очевидного или делать смущенный вид пострадавший от серийных казусов. – Так, несколько глушняков выгреб...

– Я тебя предупреждал, – безжалостно отрубил Дмитрий и намекнул буквально открытым текстом: – Радуйся, что ногу не сломал на лестнице или в коридоре и что пожара в вашем архиве не случилось!

– Могло? – не поверил Влад.

– И не такое могло, – отрубил Шельга. – Сам, Влад, сам разгребайся со своими висяками, не вешай этой мути на Надьку.

– Ну а вдруг... Хоть какая-то зацепка... – продолжал упрямыться собеседник.

– Я тебя предупредил, не внял – не предъявляй претензий, – отрезал Дмитрий. – Одного такого прыткого позавчера на «скорой» увезли.

Окончательно уяснив, что приятель не шутит, Влад прекратил докапываться до Дмитрия, и тот свернул разговор. Увлекающимся типом приятель был всегда, но гнили за ним не водилось. Шантажировать девчонку он точно не станет! Слишком многое вчера благодаря ей смог. Если не джек-пот сорвал, то счастливый билетик точно вытянул!

Но есть в природе такие своеобразные люди, которые уняться не в силах, покуда не получат по маковке. Причем не получают кирпичом и со всего маху. Обычного тычка им обычно недостаточно.

Влад был как раз из таких. В работе порой ему помогали упрямство и эдакая бульдожья цепкость, правда, случалось, и мешали, когда требовалось по воле свыше закрыть на что-то вовсе не желающие закрываться глаза.

Как бы то ни было, а у дома вечером Надьку поджидала засада. Из потрепанной легковушки, как чертик из коробочки, выскочил Владислав с радостным криком:

– Добрый вечер, Наденька! – и устремился девушке навстречу.

Впрочем, вечер был добрым недолго. Через три шага на совершенно ровном месте Влад запнулся за воздух, споткнулся и с хрустом растянулся на асфальте. Хруст издала левая нога встречающего. И, судя по гримасе боли, хрустел он сам, а не случайно забытый в карманах хлам.

Надежда узнала вчерашнего знакомого и поспешила на помощь.

– Как вы, Владислав? Встать сможете?

– Как идиот, не послушавший умного человека, – признался пострадавший.

По-стариковски кряхтя, он осторожно сел прямо на асфальте и принялся споро ощупывать пострадавшую конечность на предмет «сломал – не сломал». Попробовав

пошевелить пострадавшей ногой, жертва собственного упрямства признала:

- Кажется, растяжение.

- До машины помочь добраться? – участливо предложила девушка.

- Помоги, – уцепился за представившуюся возможность мужчина и, чуть-чуть опираясь на плечико доброй самаритянки (на такую хрупкую опору не наляжешь всерьез) попрыгал на здоровой ноге к машине.

Кое-как уютившись на заднем сиденье, полез в аптечку за эластичным бинтом и зафиксировал понадежнее пострадавшую лодыжку. У девушки помощи не просил. Разве же у нее силенок хватит забинтовать посильнее?

И лишь закончив с ногой, повернулся к Надежде, вздохнул и выпалил:

- Я к тебе весь день сегодня с материалами собираюсь. Думал ворох притащить, авось хоть по какому-то ты смогла бы что-то сказать. Только ничего не вышло. Полная и беспросветная ж... жесь. Только вот эту карточку и смог до тебя донести, да и ту не без приключений. Глянь, Надюш!

Пострадавший залез в карман запыленного пиджака и достал фотографию девушки. Темноволосая, короткостриженная скромница смотрела на мир из-под косой челки широко открытыми глазами.

- Ее мать к нам уже дорожку протоптала. Полгода девчонку найти не можем, – прокомментировал следователь, искоса глядя на Надежду.

- Я не умею видеть прошлое и будущее, я ничего не предсказываю, – пожала плечами Надя, не представляя, как объяснить свои причудливые цветовые, вкусовые и звуковые ассоциации. Причем какая именно и в каком сочетании накатит на нее при встрече с очередным объектом реальности, девушка и сама понятия не имела. – С Леной получилось случайно и больше так получиться не может. Не знаю, чем вам поможет то, как я вижу эту фотографию.

- Давай хоть попробуем, – оптимистично попросил Влад, всовывая фотку в пальчики подопытного кролика. – Не зря же я куртку рвал, портфели и замки в дверях ломал, ноги вывихивал.

Надя пожала плечами и выдала:

- Я не вижу своих обычных запахов и цветов, только пахнет ветчиной и хлебом от бумаги.

- Это я бутерброд в обед ел, – разочарованно вздохнул следователь, мимолетно удивляясь тонкости нюха девушки.

На нее произвело впечатление упорство мужчины. Владислав не стремился к личной выгоде, а упрямо пытался добраться до Нади, чтобы попробовать узнать хоть что-нибудь любым другим способом, если не помогли все имеющиеся. Ногу вывихнул и все равно не о боли, а о деле думал.

- Я попробую еще раз, – наморщила носик Надюшка и попыталась сделать то, чего никогда не делала. Но не зря же она слушала все эти восторженные речи Сил о великих Плетущих Мироздание, одной из которой волею случая не стала лишь из-за рождения в неподходящем для созревания таланта мире! Если она смогла вчера порвать, пусть и случайно, в ужасе, размахивая руками, как ветряная мельница, одну нить чужой жизни, может быть, получится создать самой и протянуть другую нить?

На недостаток воображения Надя никогда не жаловалась, скорее уж наоборот. Сосредоточенно прикусив губу, девушка представила, как из фотографии с помятым верхним уголком выстреливает тонкая ниточка-стрелка, несется, мгновенно связывает снимок и ту, которая запечатлена на нем.

Ниточка-струнка зазвенела в пространстве, проявляясь для чудачки видимой и звонкой. Но еще до того как экспериментаторша успела раскрыть рот и торопливо поведать о том,

что получилось и увиделось, нить истаяла. Не снесла, очевидно, собственного существования в мире без магии. А Надя мягко сползла по сиденью без чувств. Из носика и случайно прикушенной губы побежали тоненькие красные ручейки.

Владислав в тревоге прижал пальцы к шее девушки – уф, пульс прощупывался! И принялся шарить в не закрытой пока аптечке, ища нашатырь и вату. Или следовало сначала достать перекись?

Следователь, бесспорно, тревожился за девушку – раз, и несколько беспокоился о собственных перспективах сохранения целостности лица – два. Что-то, возможно, выработавшаяся интуиция подсказывала Владу: когда Димон узнает о случившемся в машине, точно озверевает и навешает приятелю плюх. А чтобы плюхи не перешли в челюстно-лицевую травму, следовало побыстрее привести Надю в чувство.

Клок ваты с щедрой порцией нашатыря, второпях пролитого и на сиденье машины, оказал поистине волшебное действие. Надя очнулась, чтобы снова едва не рухнуть в обморок от панических воплей Двадцати и Одной, щедро купающих свою бедовую посвященную в потоках дармовой энергии. Еще, еще, еще, да побольше, чтобы смыть благословением с тела и души любую приставшую пакость и придать бодрости. А придет ли в негодность от этого действия какая-то техническая ерунда – Силам совершенно наплевать. Посвященная стократ важнее! Тем более что железная повозка никуда сейчас не едет, потому девушка по-любому не пострадает!

Из неконтролируемой истерики Двадцати и Одной, чьи крики слились в слаженный многоголосый хор, Надя с трудом вычленила самое важное. Оказывается, Плетущим Мироздание ни в коем случае нельзя соединять нитями неживые и живые объекты. Вообще применять Нить Мироздания к чему-либо, кроме собственно Ткани Мироздания, составляющей структуру миров, надо с величайшей осторожностью. А попытка связать воедино нитью два разнородных малых объекта – фото и девушку – едва не кончилась для Надюши фатально. Хуже могло быть только одно: если бы необученная Плетущая протянула нить от фото к мертвой девушке. Тогда горе-создательницу ударило бы гораздо крепче. Сейчас же кровотечение из носа, шум в ушах и тяжесть в голове проходили под лозунгом «отделалась легким испугом».

– Ты как, очухалась? – с неподдельной тревогой – отчасти о девушке, отчасти о себе (вот только мертвой девочки в машине ему для полного счастья не хватало!), поинтересовался Владислав.

– Да. Ваша Нина жива. Сбежала от матери на море. Там посуду в кафе моет, а по утрам и вечерам купаться бегаёт. Девушка всю жизнь о море мечтала и свою мечту исполнила. Она довольна.

– Хоть какие-то факты – город, название кафе, улицы, сможешь назвать? – нахмурился мужчина, прикидывая перспективы поисков и запросов.

– Нет, это как вспышка молнии была, а потом все исчезло. И, Влад, не обижайтесь и не просите, больше я ничего смотреть и трогать не буду. Если бы Нина была мертва, я тоже могла бы умереть, слишком сильно почувствовав чужую смерть.

– Да чего уж там, это ты меня прости и спасибо. У меня особой веры во всю эту мистику нет, но вчера получилось, вот я и... увлекся, что ли... – Мужчина пожал плечами.

– Понимаю. Я ничего не скажу Дмитрию. – Надя очередной ваткой качественно оттерла кровь под носом и, попрощавшись, вылезла из машины.

Влад крикнул, покидал в развороченную аптечку лекарства и, осторожно ступая на зафиксированную бинтом ногу, пересел на переднее сиденье. Включил зажигание, вернее попытался его включить. Машина не отозвалась даже вялым фырком. Провозившись со своей старушкой еще минут пятнадцать и не добившись никакого эффекта, если не считать таковым вялое белое облачко, вырвавшееся из-под капота, следователь матюгнулся и полез за смартфоном – вызывать эвакуатор.

Набирать Димона, который сегодня точно на колесах, Влад не стал бы ни за что. Уж лучше пропрыгать на больной ноге отсюда до злополучного Куракино, где оказалось логово маньяка.

Вадим прикусил щеку, переваривая разочарование от глубочайшего облома. Так стремиться тряхануть девочку-экстрасенса и получить пшик и вывих ноги в придачу!

Телефон почему-то явил темный экран и на все движения пальцами, что называется, показал владельцу средний. Потребовалось три перезагрузки, прежде чем совсем беспонтовая, но надежная штука увидела сеть и позволила Владу позвонить хоть куда-нибудь.

Надежду же дома ожидала вторая серия «разбора полетов». Вопящие Силы подключили к разборкам Дарсена. Законника явно отвлекли от чего-то важного, потому он был раздражителен более обычного и стандартное обращение «о Великие!» вылетало из кривящихся губ мужчины как ругательство.

Однако стоит отдать Виндеру должное. Когда юрист выяснил, зачем его позвали, резко выключил режим раздражительности и посерьезнел.

В первую очередь досталось не Наде за глупые эксперименты, а «о Великим» – Силам Двадцати и Одной. Вскочив со своего неизменного кресла, Дарсен разъяренным тигром – как это у него выходило при почти комично полной фигуре и красном носе, неизвестно, – метался из угла в угол кабинета и выговаривал:

– А не вы ли нам вещали, о Великие, о полной безопасности мира, в котором ныне пребывает ваша избранница? Дескать, платить ей достойно вы возможности лишены, зато и ни малейшей угрозе дева не подвергается? И что же? Вчера ее какой-то выродок едва не придушил как куренка, а сегодня она сама себя чуть не прикончила, не ведая, как обращаться с дарованными силами!

– Мы и помыслить не могли, что Надежда окажется способна касаться нитей и создавать их! – растерянно мяукали Силы.

– И об опасностях ее мира вы тоже не могли помыслить? – не преминул уточнить Дарсен, скептически прищурившись.

Силы покаянно промолчали. Лишь нервные переливы их многоцветья выдавали волнение. Дарсен раздраженно фыркнул и объявил:

– Ей учитель нужен, пока себя случайно в другую инкарнацию от излишнего усердия не отправила! Плюс я бы еще телохранителя из магов-боевиков пошустрее нанял.

– У нас нет магов, тем более боевиков-магов, – робко вставила Надежда, для которой слово «боевик» пахло кровью, дымом и криком.

– А у них точно нет второй Нади, вот пусть и крутятся! – рыкнул Дарсен.

– Мы подумаем... – Поищем... – Отправим запрос... – завздыхали смущенные напором законника Силы.

– Подумайте! – чуток поостыв, буркнул юрист и ворчливо справился у Надежды: – Как сама-то?

– Все хорошо. Голова уже не болит. Я больше не буду нити делать и связывать. Не думала, что это вредно, – покаянно потупилась девушка.

– Да я вообще-то про другое спрашивал. Про то, как ты после того, как безумца прикончила... – смущенно запустив руку в отросшие и почти чистые волосы на затылке, поправился Дарсен. – Мне и самому-то нечасто убивать приходилось, а уж если девчонке такое выпало...

Надежда искренне растрогалась заботой напарника и потому, забравшись с ногами в кресло и затихарившись под пледом, постаралась объяснить максимально доходчиво:

– Я и не видела его живым. Только успела почувствовать мерзость, которую он распространял вокруг. Плохо мне было не от того, что этот человек умер, ушел из-за меня на справедливый суд, а потому, что меня самым краем задела обрывки его памяти. После его ухода мир стал чище. Наверное, если бы я его ножом убивала или из пистолета, я бы переживала больше.

Надя замолчала, беспомощно пожав плечами, а Дарсен тут же ринулся в новый бой, почти повторяя слова Дмитрия:

– И правильно, нечего о такой твари переживать! Он ни морщинки, ни слезинки твоей не стоит! И мои дурацкие вопросы забудь. У нас тебя еще и наградили бы орденом, как за подвиг, и денег отсыпали. Но ты же бескорыстная, точно отказалась бы, так что разницы здесь и там, как у тебя в стихах, нет. Потому просто знай, ты молодец!

Надя задумчиво констатировала:

– Ты прав, никакую награду за чужую и почти случайную смерть я бы не взяла. Но спасибо, я очень рада, что ты перестал мучиться, снова думаешь о ком-то, кроме себя и бутылок. Мне интересно с тобой работать.

– Так я же с тобой не соглашаюсь, – хмыкнул польщенный мужчина, невольно приосанившись.

– В спорах рождается истина, – процитировала девушка.

– Скорей уже синяки и порванные рубахи. Но поскольку мы с тобой из разных миров спорим, то с синяками не срослось, зато с истиной... что ж, может, и получится! – философски заключил законник.

Глава 17

Кровавое шоу...

Оставив за собой последнее слово по теме, Виндер воззвал:

– Эй, о Великие, раз уж вы нас собрали, говорите, нет ли у вас очередной проблемы?

– Есть!!! – храбро, словно бросаясь зимой в прорубь, выпалили Силы.

– Чего, опять пауков жалко стало? – намекнул Дарсен, опускаясь в любимое рабочее кресло. Но бутылку, оправдывая доверие Нади, нашаривать ни в ящике, ни под столом не стал. Бокал на краю столешницы, кстати, уже успел малость запылиться. По назначению его пару-тройку суток точно не использовали, хоть и забыли оттащить на кухню. Или, может, этим должны были заниматься специальные люди вроде слуг, а их законник к себе в кабинет не пускал?

– Нет! Нам приносят жертвы, – собравшись с духом, возмущенно выдали Двадцать и Одна.

– Чего? Зачем? – не понял юрист. Наверное, будь у него очки, сейчас протирал бы стеклышки в замешательстве. – Вы же не боги! Ну понимаю, когда дары тащат для украшения храмов, но жертвы-то какие?

Вместо ответа разнервничавшиеся Силы показали очень яркую и очень готичную картинку: красивый высокий камень в дивно эклектичном храме и бездыханная девица в бело-красном одеянии, возлежащая на этом самом камне с перерезанным горлом.

– И зачем? – остался совершенно равнодушен к виду тела логичный законник. – Эманации смерти вам без надобности, сила крови тоже.

– Не знаем, – мрачно признали невозможность понять очередной выверт психики существ из плоти и крови энергетические создания. – Они убивают на наших алтарях и поют гимны.

– А вы? – уточнил Дарсен.

– Мы не отвечаем, – вздохнули Силы.

– Дайте-ка угадаю, о Великие, после того как вы замолчали, они вместо одной девицы прирезали пяток? – резко откинулся в кресле юрист.

Сумрачное бурчание стало красноречивым ответом. А потом бедолаг буквально прорвало. Они вывалили на парочку помощников все свои рассуждения и беспомощное недоумение.

По словам Сил выходило, как в русской поговорке: куда ни кинь, всюду клин. Первую жертву они воскресили. И вышло только хуже. Оказалось, что Силы невольно потворствовали новой волне убийств. Люди с энтузиазмом принялись резать новую партию жертв, именуя их избранницами и осыпая почестями семьи угодивших на алтарь несчастных. А когда Силы замолчали, люди находчиво объяснили, что избранные для кровавого ритуала чем-то не угодили Двадцати и Одной, и ужесточили отбор новой партии для жертвоприношений. В том мире у Сил никогда не было в храмах жрецов, а теперь они начали задумываться, что надо их завести для верного толкования политики, а в тех храмах, где жрецов распустили, вернуть обратно.

– Что-то дурно пахнет вся эта история, – категорично объявил Дарсен, забрасывая ноги в пыльных полусапожках на стол. – Я бы на вашем месте, о Великие, заглянул туда, где вы информацию черпаете, хорошенько покопался и разузнал, с чьей подачи начались все безобразия. Не со жрецов ли, полетевших с теплых местечек? Мы, люди, – злобные, мстительные и корыстолюбивые твари. А на Надю не смотрите, у меня вообще большие сомнения насчет того, что она к роду людскому относится. Кто-то из фэйри или эльфов в ее родословной точно станцевал, или ангел крылышком махнул. Тем паче ваши Служители все с приба... э-э-э... со странностями.

Надя невольно коротко улыбнулась тому, как поправился законник, чтобы не обижать ее резким словом. Ситуация, конечно, не радовала. И уж тем более никакой радости не принесли рассуждения Дарсена о людской природе и затеянной кем-то злой интриге.

На сей раз Силы замолчали надолго, минут на семь. Чтобы с почти человеческим вздохом признать:

– Ты прав в своих подозрениях, законник Дарсен. Покараем мы бывших жрецов своих, но изменит ли это людской обычай?

– Стоп, вот давайте от этого танцевать. Кто-то из этих обиженных воду у храма мутит под видом пророка? – сметливо предположил законник.

Силы только вздохнули, признавая правоту суждения.

– Значит, надо все так поставить, чтобы все знали зачинщика, – объявил юрист и ухмыльнулся вовсе не по-доброму.

– Надо устроить шоу, – в свою очередь предложила Надя, разглаживая складки пледа. – У нас люди любят все эффектное, яркое и страшное.

– Что предлагаешь? Поделись идеями! К нам из технических миров редко какая забредает, – подтолкнул девушку Дарсен, рефлекторно потянулся к бокалу, тут же скривился и едва не пульнул пустую тару в угол комнаты.

– Ты пить бросил? – удивилась девушка, успевшая привыкнуть к неразлучности законника и бутылки.

– Не знаю, но прервался точно. После пятидневной пьянки с хирдом в кабаке, где не подают ничего слабее гномьего самогона, меня от одной мысли о том, что булькает, тошнит, – буркнул юрист, с трудом сглотнул и скомандовал: – Ты давай, не отвлекайся!

– Как проявилось в храме лишение покровительства? – уточнила Надя у Сил.

– Мы более не являем там своего присутствия.

– Этого мало. Надо, чтобы люди поняли, что храм вами оставлен. Пусть стены храма изменят свой цвет на какой-нибудь мрачный, можно огненными письменами начертать внутри какую-нибудь угрожающую надпись. К примеру: «Смерти невинных переполнили чашу нашего терпения. Нет нам боле места в мире»... И еще. – Надя помялась. – Можно добавить про деяния людские, открывшие дорогу тьме.

– Здорово! А дальше? – подался вперед законник.

– У нас всякими историями про зомби и призраков очень любят пугать и пугаться. Почему бы не сделать что-то похожее? Тем, кого убили в храме, уже все равно. Можно, наверное, из них сделать настоящих зомби и послать за зачинщиком. Пусть они про его вину говорят.

– Ты же говорила, у вас магии нет, откуда же такое знаешь? – озадачился Дарсен с подозрением. Никак его все дурачили все это время?

– Нет или, наверное, нет. Мы думаем, что мы их выдумали, – пожала плечами Надя, используя знания из «базы данных», случайно «закачанных» Силами. – Для идей границы миров – не границы. Во многом наш мир куда безопаснее ваших магических. Демоны, вампиры, призраки, ходячие мертвецы и прочие опасные существа – лишь страшные сказки, которыми развлекают людей и лишь самую малость пугают. Пусть у нас нет магов-боевиков, но нет и ваших угроз. Впрочем. – Надя вздохнула и признала: – Люди порой бывают страшнее любого ужасика.

– Точно-точно! Я, бывало, сам себя в зеркале пугаю! Как с утра гляну, так рука за посеребренным кинжалом тянется. Демоны из Межуровня нападают! А пригляжусь, нет, не демоны, это я нынче красавчик. Отбой тревоги! И иду в подвал рассолу глотнуть, – попытался обернуть разговор шуткой Дарсен, отгоняя от Надюшки призрак воспоминания о мертвом маньяке.

Надя улыбнулась, живо представив себе взлохмаченного, красноглазого, красноносого расхристанного законника, отшатывающегося от зеркала.

Виндер между тем проводил идею уже в деловом ключе:

– Между прочим, мыслей девочка очень стоящих накидала! Детали надо еще обмозговать, но в целом думаю покатит!

– Силы, а что вы с теми, которые раньше были вашими жрецами и стали не нужны, сделали? Вы их прогнали? – осторожно уточнила Надя.

– Нет, – смущенно ответили те. – Мы объявили, что в жрецах – проводниках своих воли и слова, которые не могут быть посвященными и не обладают талантами к гармонизации миров, – мы не испытываем нужды. Но все, кто хочет, могут остаться присматривать за храмами в качестве служителей места.

– А-а-ха-ха, – рухнув в кресло, заливисто, по-мальчишечьи, рассмеялся Дарсен. – Теперь понимаю, с чего они так окрысились. Не просто пинком под зад, а с короля до уборщика опустили! Ну о Великие, ну затейники!!!

Силы непонимающе замерцали.

– Многие остались? – мягко уточнила Надежда.

– Нет, горстка, – ответствовали Двадцать и Одна.

– Вот между теми, кому некуда идти – раз, да неохота трогаться с насиженного места – два, и стоит поискать горстку третьих. Тех, кто вам по-настоящему служить хочет, не слово и вести ваши толковать, так хоть веником в храме махать! – отсмеявшись, просветил циничный законник. – А среди всех остальных, готов сотню серебром поставить, недовольных отыщется хоть отбавляй. И тех, кто с вами, о Великие, если бы когти могли дотянуть, поквитаться не прочь, и тех, кто назад, на почетное место, грезит вернуться.

Силы непонимающе мерцали.

– Занятно... – Законник потер ладони. – А тот или те, кто вам гадостную кашу с жертвоприношениями заварил, раньше на верхушке иерархии были или как?

– Один из младших жрецов. Он не пробыл в храме и года, – печальным эхом отозвались Силы.

– Выходит, один мелкий пакостник нарисовал проблемы целому миру. Ну... не знаю, – теперь уже всерьез призадумался Дарсен. – Может, и не слишком много вас ждет таких неприятных сюрпризов. Вдруг те, что пробыли при храме хоть сколько-нибудь долго, пусть не жадной служения, но толикой веры проникли в идеи Вселенской Гармонии, Воли Творца и Великого Равновесия? Вдруг у них в душе проросли хоть какие-то семена уважения к Закону Творца? Ай, не важно. Пусть Служители Смерти им судиями будут, давайте с кровавым беспределом в храме разбираться. Нет, это же надо до такого додуматься, в храме Сил народ, точно свиней на бойне, резать! Я хочу посмотреть, как мертвые и воскресшие сомкнут свои пальцы на шее этого гения!

Надя смотрела на возмущавшегося юриста и видела яснее ясного: Двадцать и Одна выбрали Дарсена Виндера не зря. Вопреки всем циничным словам и ворчанию, вопреки пристрастию к выпивке и озлоблению от потери родных законник на самом деле глубоко чтит Силы и высшие законы и готов был порвать каждого, идущего против них, с помощью легальных инструментов или, коль не получится, вообще всем, что под руку подвернется!

Обсуждение деталей представления заняло немало времени. Незаметно за окном стухли сумерки. Возможно, совещание продлилось бы дольше, но Дарсен заметил, как украдкой сжеживает зевоту в ладонку Нади. Мама никогда не отправляла дочь в постель принудительно, а сегодня и вовсе гуляла по улочкам города с Дмитрием. Потому режимом дня посвященной пришлось озадачиться юристу.

– Ты чего? Устала?

– У нас вечер, я скоро спать пойду, – честно ответила Надя.

– Тогда до завтра, – резко свернул прения Дарсен и попросил Силы: – Давайте, о Великие, на сегодня закончим, чтобы ваша драгоценная девочка завтра с лестницы случайно не полетела с сонных глаз.

Испуганные зловещей перспективой Двадцать и Одна резко свернули экран трансляции и исчезли вместе с ощущением собственного присутствия. Осталась лишь тонкая нить на периферии восприятия, чтобы совсем уж не выпускать девушку из вида. Надя никому даже спокойной ночи пожелать не успела. Или в мире Дарсена не были приняты такие пожелания, а Силы и вовсе не нуждались в сне?

Свернувшись уютным клубочком под пуховым одеялом, Надя закрыла глаза и быстро заснула. Сквозь сон она еще отследила, как пришли домой мама с Дмитрием. Как тихо, стараясь не потревожить сон Надюшки, прокрались на кухню, а затем и в спальню. Их зелено-желтые переливы, пахнущие свежей травой и весенними цветами, окончательно успокоили девушку, позволив погрузиться в глубины сновидений.

В них Надежда неожиданно для себя увидела настоящее фантастическое кино. Сначала – светлый храм, высокие колонны которого, стены со стрельчатыми арками проходов и окон, украшенных искусной резьбой, казалось, некогда парили над землей. Ныне же их пригнала к земле сгущающаяся, душная и какая-то не черная, а грязно-серая мгла. Туман не туман, смог не смог... В этом душном мареве гудела, волновалась, шумела единым организмом или растревоженным ульем растерянная, злая, испуганная толпа. Она полыхала алыми зарницами гнева, багряным раздражением и черно-серо-лиловым прогорклым страхом.

Усугубляя настрой толпы, переводя его за черту религиозного ужаса в чистый ужас реальности, происходило следующее. Перед закрытыми для доступа дверями, между широких проемов, в воздухе, колеблющемся, точно марево знойного дня, возникали полыхающие рдяно-оранжевым буквы. Они складывались в слова и строки:

«Смерти невинных – кровавые двери во тьму! Чаша терпения переполнена! Храм осквернен! Нам места здесь более нет!»

Все написанное было продублировано трубным гласом, несущимся с хмурых, будто собирающихся разразиться бурей столетия, небес. Когда воззвание Сил Двадцати и Одной отзвучало, воцарилось оглушающее молчание, еще более удивительное из-за того, сколько народа собралось у стен храма.

Многозвучный, слитый в единый хор глас Сил отгрохотал и смолк, а надпись как полыхала в проеме врат, так и осталась, более того, она чудесным образом размножилась и теперь занимала все стены оскверненного храма.

Толпа продолжала безмолвствовать – онемевшая, безгласная, недоуменная, уже почти готовая взорваться новой чередой звуков, но вдруг шум – неприятное шарканье, скрежет, исполненные муки стоны раздались внутри оскверненного храма. Что-то или кто-то приближался к дверям.

Толпа дрогнула и подалась назад, как один испуганный человек. Сквозь дрожащее марево, полыхающее огненными словесами, явились они: два призрака печально-гневных прекрасных дев в окровавленно-белых одеяниях, плывущих над мостовой и просвечивающих призрачным светом. А следом, куда медленнее, плыла их подруга, чью плоть уже тронул след разложения, а кипенно-белый цвет платья потускнел и замарался бурыми подтеками крови.

– Виновен! Виновен! – простонали две призрачные девы, простирая руки к толпе.

– Виновен! – хрипло каркнула мертвая, продвигаясь вперед, и тоже простерла руку. Одну. Сжатую в кулак, лишь указательный палец был вытянут и точно указывал на того, от кого тут же отшатнулась толпа.

– На тебе наши смерти! Зачем?! – провыла в унисон троица, подступая к тому, кто и рад был бы сбежать, да ноги не могли сделать даже шага, словно намертво прилипли к мостовой.

Подошвами сапог к плитам храмовой площади прилип молодой мужчина в фиолетовом плаще с ранее одухотворенным, а ныне искаженным напряжением и ужасом лицом. Судя по острым кончикам ушей, не совсем человек. Он пытался вытащить ноги из сапожек, чтобы сбежать, но не тут-то было. Похоже, ноги его тоже прилипли к месту.

– За что? – снова завывали призраки, закашлялась прекрасная мертвячка.

– Я не хотел ваших смертей! Все должно было быть не так! – выкрикнул парализованный ужасом и магией виновник, бешено вращая глазами. – Они должны были остановить! Позвать! Понять!

Но призраки и зомби не вняли этим, вне всякого сомнения, логичным для остроухого доводам, они все так же обступали жертву и тянули к ней скрюченные пальцы: разорвать, отомстить, покарать. К завывающим вопросам «за что?» прибавились стоны:

– Кайся! Кайся! Кайся!

И остроухий интриган не выдержал психологического давления. Вздохнув, со стенаниями и слезами раскаяния, при небольшой помощи с усилением и распространением звука, он поведал всем заинтересованным и не особо заинтересованным о сути и всех этапах интриги, задуманной и обстряпанной в захолустном мирке ради одной цели: Силы должны были на горьком опыте убедиться, что без пастухов-жрецов паства превращается в неразумное стадо, жаждущее крови.

Он ведь ничего особенного, по сути, не делал, там шепнул, тут подсказал, здесь намекнул. Пара-тройка заклинаний подавления воли не в счет. Это же ради общего блага и самих Сил, и изгнанных ими жрецов.

Чем кончилась история, Наде досмотреть не дали. Кино оборвалось на сцене полного и безоговорочного покаяния.

Но и без того эмоциональный накал трансляции оказался столь велик, что девушка проснулась с заполошно бьющимся сердцем. Отдышавшись, Надежда осторожно позвала:

– Силы?

– Надя? – Посвященная? – Избранница? – так же тихо и осторожно отозвались Двадцать и Одна.

– Что вы с ним сделали?

– Мы его забрали на Суд Сил. И мы... девушек тоже забрали и воскресили в тех мирах, где их ждут. Силы Смерти дозволение дали. Храм теперь чист, но закрыт, раскаяние и призыв должны прозвучать громко, чтобы мы вернулись, – немного виновато, а ну как Служительница начнет их в чем-то упрекать, поделились своими соображениями Силы.

Надежда откинулась на подушку и умиротворенно улыбнулась. Хорошо все устроилось, правильно для каждого! И людям, пожалуй, нужно время, чтобы понять, в какие неприятности ввергло их слепое следование чужому призыву и погоня за иллюзорными благами. Они потеряли не только милость, но и доверие Сил Двадцати и Одной.

Да, храм – место силы, то есть точка биения пульса мира, узел, сосредоточение свободной энергии Мироздания, в которую так приятно окунуться. Но без личного присутствия Сил Двадцати и Одной даже это место энергии будет звучать пустотой для тех, кто помнил и ощущал. Чтобы Силы вернулись, людям придется не просто звать их, но и раскаяться, причем искренне. Фальшивка не пройдет, ложь раскусят сразу.

Беседуя с Силами в предрассветной тишине, Надя чувствовала недосказанность. Кажется, Двадцать и Одна знали или хотели сказать ей больше, чем сказали, но почему-то промолчали. Их умалчивание пахло горькими ягодами и недобродившим до вина соком. Тускло-коричневые всполохи портили обыкновенно радужное чистое сияние. Но девушка не стала терзать таящихся от нее собеседников. Если они не посчитали нужным сказать, пусть молчат. Возможно, так будет верно.

Все-таки они – Высшие Силы, чувствующие волю самого Творца бесконечной Вселенной

как прямое указание к действиям. А она только свежеиспеченная посвященная со скверно сформированным, кособоким из-за нахождения в техническом мире, даром.

Значит, недосказанное и должно было остаться недосказанным и не стоит обращать внимания на цвета и запахи? Ведь так? Так?

Может, они просто не захотели ее тревожить? Но если проблема все-таки есть, найдется тот, с кем Силы ее обсудят. Взять хотя бы Дарсена! Бросивший пить и обретший душевный покой юрист сейчас производил на Надю хорошее впечатление. И пусть у нее был доступ к странной информации, обращаться с данными и применять их законник умел куда лучше неопытной девушки.

Успокоив себя этими мудрыми рассуждениями, Надежда бодро соскочила с кровати. Творческая работа на Силы кончилась, приближалась пора офисных будней. Конечно, она никогда не стала бы называть их унылыми или скучными. На работе всегда находилось место для чего-то интересного и приятного, конечно, если на голову не угрожала рухнуть тяжеленная чеканка.

Глава 18

Разные новости

Пока Надя сбрасывала плащик на вешалку, в приемную вкатился пухленький Бомбошкин в полосатом красно-черном свитере, делавшем его похожим на шмеля-мутанта. Отчаянно пунцовая и кося куда-то вбок, айтишник пробормотал:

– Привет, Надь! Не хочешь в кино на «Восставших из тлена» сходить?! Я в радиовикторину вчера выиграл! Ты, конечно, говорила, что ужастики не особо любишь... Но этот фильм – что надо! Спецэффекты классные!! Попкорн возьмем, пепси...

– Привет, Андрюш. – Надя благожелательно улыбнулась отчаянно смущающемуся парню, вокруг которого вихрились розовые спирали. – Спасибо за приглашение, только я ужастики и в самом деле не очень люблю, да и вообще современное кино. Я старые фильмы больше смотрю. А ты не расстраивайся, знаешь, пригласи лучше в кино Веронику из ОМа. Она с удовольствием пойдет!

В отделе маркетинга фирмы, именуемом сокращенно ОМ, имелась худенькая, еще более тощая, чем Надя, бойкая рыжая девчонка. Она, когда сталкивалась с Андреем в офисе, всегда мило розовела и пахла ванильными булочками.

– Нику? – удивился Андрей странному предложению. Бойкая и острая на язык девица, не лезущая за словом в карман, чуток его пугала. – Она ужастики любит?

– Сходи спроси, – посоветовала Надя. – Я уверена, она точно согласится!

Хотел ли что-то еще спросить Бомбошкин, осталось тайной, покрытой мраком. У Нади гитарным перебором забренчал вызов, и она, извинившись, ответила:

– Привет, Люба. Все хорошо, как ты?.. Ой, со Стасом?.. Здорово!.. Нет, я правда рада...

Нервная встряска в минувшие выходные сказала на деятельной Любе самым положительным образом. Она не мытьем, так катаньем раздобыла телефон своего спасителя и теперь брала штурмом очередную не очень-то и сопротивляющуюся крепость.

Надя еще улыбалась, заваривая крепкий зеленый чай и доставая из шкафчика бутылочку с настойкой на ста жутко полезных травках, когда внутри тревожно дернулся и зазвенел лиловым с колкими черными искрами маленький колокольчик.

Ввалившийся кулем в приемную вместо обыкновенно громогласного вторжения стремительным энергичным шагом Геннадий Степанович был бел, как простыня. Губы шефа отливали синевой, а обычно аккуратный ежик волос взлохмачен туалетным ершиком. Он, словно несвежий зомби, шатаясь, прошел в кабинет и почти упал в рабочее кресло.

Надя двинулась следом и осторожно подала ему приготовленную чашку – две трети горячего чая, треть настойки.

Шеф осушил чашку в три глотка и чуток порозовел, губы приобрели естественный, пусть и немного бледноватый цвет.

– Уф, спасибо, Надюш.

– Плохое что-то случилось? – участливо спросила девушка.

– Леточка моя звонила сейчас. Сказала, из клиники ответ пришел, у нее какую-то опухоль нашли. Рак подозревают... Оперировать будут. Как же так, Надюш? Моя Леточка!

Геннадий Степанович был страшно испуган и беспомощно глядел на секретаршу снизу вверх из-под очков, будто ждал очень важного совета. Такая слабость большого и сильного мужчины перед бедой, постигшей его лучшую половину, комичной не выглядела. Сердце Надежды невольно сжималось от жалости.

– Надюш? – Мужчина растерянно замолчал, а потом, вскочив на ноги, заговорил горячо, лихорадочно сверкая глазами: – Ты же чего-то такое можешь?! Вон и Генке указала, как надо поступать с финансами. Спаси Летку! Мы же никаких денег не пожалеем! Только спаси!

– Геннадий Степанович! Тише, пожалуйста! Не надо так переживать! Я уверена, с Виолеттой Николаевной все в порядке будет! Вы зря так сильно тревожитесь! – чуть отступив от мощной фигуры, принялась увещевать девушка.

– Ты ее вылечишь? – Теперь, кажется, убежденный материалист готов был безгранично поверить если не в сошествие ангелов, то в свою странноватую ассистентку.

– Геннадий Степанович, я не доктор, – вздохнула Надя. – Но вашу жену я на юбилее у Дарьи Вадимовны видела. Она... – Девушка помялась, заменяя слова из ряда «звучала, пахла и переливалась цветами» понятными обычным людям, у которых не свернуты набекрень мозги. – Не выглядела больной. Правда-правда! Если у нее какое-то недомогание нашли, то совсем не опасное!

– Ты точно уверена, Надюш? – У шефа явно отлегло от сердца.

– Те, кто раком болеют, по-другому выглядят, даже если лишь начинают болеть, Геннадий Степанович. Вы же знаете, я очень странно запахи чувствую. Ваша жена для меня всегда пахнет полевой полынью и донником, а еще немного стружки железной. А больные... от них, от кого слабее, от кого сильнее, пережженным сахаром тянет.

– Да уж, насчет стружки моя Летка любому сто очков вперед даст, – чуть заметно усмехнулся шеф. Присутствие духа понемногу возвращалось к мужчине. – Может, ты еще раз ее... э-э-э, понюхаешь?

– У вас есть с собой чего-нибудь, что Виолетта Николаевна трогала недавно? – вместо ответа уточнила Надя, вспомнив, как смогла протянуть нить между вещью и живой пропажей.

– Вот, платок мне гладила утром. Ей он мятым показался, – смущенно буркнул шеф и вытащил из нагрудного кармана ровно сложенный полосатый платок.

Надя честно потянула носом воздух и подтвердила:

– Все по-прежнему, она не больна, а если что-то не в порядке, то совсем немного и не опасно.

Степаных медленно выдохнул, небрежно сунул платок в карман, а из другого бокового кармана вытащил гребешок, машинально пригладил волосы. И только потом спохватился:

– Надюш, а каких-то неприятностей от того, что ты подсказывала, теперь ждать стоит?

– Нет, конечно, – успокоила начальника девушка. – Я же ничем не помогала, мы только поговорили. Это нигде и никак не считается. И еще, я лечить не умею и не могу, и гадать тоже. Я иногда что-то чувствую немножко. Вот и все. Давайте лучше я вам еще чашку чая налью. Выпейте и к Виолетте Николаевне поезжайте. Ей сейчас ваше спокойствие и уверенность очень нужны. Здесь Леонид Александрович останется, если какие вопросы срочные возникнут, позвоним.

Шеф дал себя уговорить, осушил еще одну чашку чая с доброй третью целебной настойки и кликнул Шурика-водителя, чтобы садился за руль. Сам Геннадий Степанович даже после одной рюмашки машину не водил. Речь о высоком уровне социальной ответственности, ясное дело, не шла. Просто Виолетта Николаевна не только пахла стружкой, но и готова была ее снять в любой момент с подвыпившего супруга-водителя. Чтобы не трепать нервы себе и не скандалить с супругой, шеф и завел шофера. У бедолаги была какая-то неопасная, но редкая болезнь, не позволявшая ему пить.

Спровадив босса, Надя вернулась к работе, но спокойно заниматься делами получилось лишь частично. Не давало покоя ощущение чужого взгляда. Неприятное, как зуд укушенного комариком места.

Надя разговаривала со Степанычем, печатала, ходила по этажам, звонила, а ощущение не проходило. Устав от досадного, липкого чувства, Надя сделала единственное, что пришло в голову: представила радужный поток омывающей ее энергии Сил Двадцати и Одной. Приятно защекотало ладонь с печатью посвящения, и тревожащее чувство стороннего ока пропало, как отрезало.

Девушка выдохнула, опасливо огляделась, не испортилась ли от ее эксперимента какая-нибудь техническая штукавина, но, кроме лампочки в женском туалете, которая систематически выходила из строя без всяких происков темных сил, никаких повреждений не обнаружила.

Силы, чуть встревожившиеся при обращении к их энергии, тоже ничего подозрительного не нашли и приставать с расспросами не стали. В конце концов, их посвященная имеет полное право обращаться к призыву энергии тогда, так, где и сколько пожелает. Даже если почему-то делает это в туалете.

Оставшийся день прошел тихо и мирно, исключая грохот двери от неосторожной попытки открыть ее в исполнении обыкновенно аккуратного Андрея Бомбошкина.

Круглое лицо его сияло ярче полной луны, парень взмахнул протараторил:

– Надь, спасибо за подсказку! Ника согласилась!

– Не за что, Андрюш! Кино хорошо с тем смотреть, кому интересно, – улыбнулась Надежда, не развивая свою мысль про увлечения. Никин-то интерес касался большей частью того, кто ее в кино звал. Позови Бомбошкин девушку на документальную ленту про сравнительные характеристики моторных масел или жизнь пчел, пошла бы, наверное, и туда.

Надю же отличный парень Андрей в качестве парня интересовал не больше, чем плюшевый игрушечный мишка, которого он ей порой напоминал. Странную чудачку вообще мало интересовали взаимоотношения полов в приложении к своей личности. Наверное, потому что не встретился ей пока тот, с чьим запахом и цветом хотелось бы провести бок о бок всю жизнь. А на большее Последняя Надежда была не согласна. Зачем?

Дома, как обычно, пахло вкусно, но было тихо. Очередная записка от мамы гласила, что они с Димой ушли на вечерний променад. Положив себе салат и отбивную к макаронам, Надя налила чашку чая и присела к столу, чтобы в придачу к ужину получить еще и бесплатную трансляцию от Сил из рабочего кабинета Дарсена Виндера.

Так, с занесенной над тарелкой вилкой, Надя и уставилась на законника. Сегодня тот служил иллюстрацией к знаменитому присловью «краше в гроб кладут». Соревнуйся он с Геннадием Степановичем в звании «тревожное лицо года», легко бы взял первое место.

Хотя... Надя присмотрелась к коллеге повнимательнее: Виндер не только спал с лица и почему-то приобрел красновато-коричневый цвет кожи, но явственно похудел. О былой рыхлой дородности не осталось и следа.

– У нас что-то плохое случилось? – осторожно уточнила девушка.

Виндер ответил нервическим смешком.

– Ты сильно похудел, – ответила Надя.

– Ерунда, это я в *плаванье* на четыре лунных цикла с «Бочкой мечей» сходил, – небрежно отмахнулся Дарсен. – О другом сейчас речь.

– Здорово, – с удивленным восхищением протянула девушка, не очень верившая в способность и готовность юриста так круто изменить свою жизнь, чтобы поближе познакомиться с родными.

А к тем, что мог без проблем с желудком находиться на качающейся палубе, Надя испытывала чувство легкой зависти. Саму ее начинало тошнить от одного ощущения легкой качки под ногами. Никакие таблетки не помогали, тогда как любой иной транспорт, в том числе воздушный, она переносила спокойно.

– О другом речь, – сварливо буркнул Дарсен, скривившись, как он делал обычно, если что-то приходилось не по душе. – О всяких опасных типах и записках, не правда ли, о Великие?

Сарказм в тоне юриста можно было черпать ложкой. Надя отложила вилку и встревоженно спросила у Сил:

– Дарсену угрожают?

Силы выдали виновато-вишневые переливы, а «объект угроз» нервически хохотнул:

– Если бы нам с тобой что по-настоящему угрожало с той стороны, девочка, мы бы о том Великих уже в бестелесном обличье расспрашивали.

– Не понимаю, – честно призналась Надежда.

– Хочется верить в то, что это чья-то дурная шутка. Вот только я из коротких штанишек и рубашек с бантиками уже век как вырос, не стоит гонять радужных слоников. От синдиката убийц, пришедшего по наши души, гарантированной защиты никто бы не дал. Но они на смерть Служителей Сил в последние годы заказов не берут, о чем нас с тобой самым вежливым образом проинформировали в письменном виде. На рабочий стол мне записку положили. Утром нашел. Только бумажку к делу не пришьешь, в руках пеплом распалась, никакое заклятие не воссоздаст.

– Разве это не хорошо, что мы в безопасности? – озадачилась Надя.

– Кто тебе сказал такую глупость насчет безопасности, радость моя? – вскипел Дарсен, и только теперь девушка поняла, что он боится, но не за себя, вернее не столько и не только за себя, а в первую очередь за нее. На сердце стало тепло и щекотно.

– Спасибо, – растроганно поблагодарила девушка.

– Это-то за что? – поднял в недоумении брови законник.

– Мне приятно, что вы за меня беспокоитесь, – открыто ответила Надежда. – Но я не понимаю, ты же сам сказал...

– Прелесть моя, они не берут заказов на Служителей, чтобы Суд Сил окончательно не прикрыл их лавочку. Но всегда найдутся идиоты, не принадлежащие к темной сети и готовые рисковать ради больших денег или из любви к искусству, – объяснил причины своего взвинченного состояния Дарсен. – Заказчиков-то синдикат никому не сдает и сам «по доброте душевной» не устраняет во имя Великого Равновесия.

– Что говорит ИК? – вперив взгляд в полосатую желто-коричневую скатерть, нахмурила брови Надя. Она припомнила о почти универсальном способе получения информации в магических мирах. В Информационном Коде, сокращенно ИК, содержалась вся информация Вселенной. Но трудностей с ее считыванием тоже хватало. Первое: ячеек с данными было превеликое множество. Второе: допуск к разного рода категориям сведений был ограничен уровнем доступа просителя. Третье: правила формулировки запросов по ИК были сложны. В этот нехитрый перечень входили еще какие-то условия, тонкостей которых Надя, в силу того, что сама не являлась Силой, просто не в состоянии была постичь.

– ИК вовсе молчит! – взвился Дарсен, притопнув ногой. – Контракты в таких местах обыкновенно заключаются, чтобы оттуда слить информацию было сложнее, чем добиться личной беседы с Творцом.

– То есть эти заказы там и так дают, чтобы Силы ничего не смогли узнать, – сделала вывод Надя. – Тогда надо Дарсена под охрану взять!

– Чего? – изумился юрист настолько, что дал петуха.

– Ты же предлагал нанять для меня мага-боевика в случае прямой угрозы для жизни! Значит, и тебе охрана нужна, – невинно хлопнула ресницами Надежда, возвращая пас.

– Я другое дело, – бросил законник.

– И что, поэтому тебя охранять не надо или ты сам маг-боевик? – без издевки уточнила девушка, готовая поверить в любые суперспособности иномирянина. Если уж он за четыре месяца смог так похудеть, то и на другие чудеса способен.

– Я, понятно, не великий маг, голова в других сферах варит. Запалить искру для костра и световой шар вместо лампы подвесить – мой предел, – фыркнул Дарсен без особого сожаления о невозможности карьеры архимагистра и вернулся в рабочее кресло. – Но я не дурак и давно уже о себе позаботился. На доме охранный контур стоит, и амулеты у меня от профи самой высокой пробы. Когда-то прорву серебра за них отвалил, но зато теперь для зарядки и обновления лишь десятков золотых в год плачу. А ты, прелесть моя, можешь хоть одним самым дешевым охранным амулетом похвастаться?

– У меня только один и есть, но вряд ли это охранный, – отчиталась Надя, вытаскивая из-под водолазки кулон – знак Сил.

Дарсен подался вперед, пристально разглядывая украшение на груди девушки, запустил одну руку в ящик стола и на ощупь нашарил там забавные очки с круглыми фиолетовыми стеклами. Водрузил на нос и снова внимательно осмотрел кулон причудливой конфигурации.

Надя сдерживала рвущийся из груди смех и очень радовалась, что не ест в этот момент. Темные круглые очки сделали юриста ужасно похожим на отошавшего персонажа из фильма про Буратино. Кот Базилио из Виндера вышел колоритнейший!

– А знаешь, девочка, твой кулон не просто безделушка с меткой. Что-то в нем есть, скрытое и спящее. Я не маг, спутанные дремлющие плетения разгадывать не умею, так что пусть Великие пояснят.

– Ой, – тихо и чуть сконфуженно отозвались Великие, но, как выяснилось, тоже страдающие от вполне человеческих недостатков вроде невнимательности и рассеянности, Силы Двадцати и Одной. – В кулоне есть запас нашей энергии, который можно забрать, если нет возможности мгновенно призвать нас. И только посвященной он подвластен. Защита тоже есть, но это защита души. Никто не может забрать душу нашей Служительницы из тела насильно.

– Уже что-то, хоть и маловато, – проворчал законник, возвращая артефактные очки в ящик, и буркнул уязвленно: – Чего смешного-то?

– Ничего. Это культурные ассоциации. Наваяло, – попыталась оправдаться Надя, но не выдержала и рассмеялась.

– Культурные, говоришь? – насупился Дарсен.

Надя усиленно закивала и все-таки смогла выдавить из себя объяснение:

– Очень похожие очки носит в детской сказке один хитроумный кот, притворяющийся слепым.

– Вот за кота отдельное спасибо, – приложил к груди руку Виндер и, не вставая с кресла, отвесил девушке короткий поклон.

– Между прочим, мне Базилио всегда нравился! – снова спрятала улыбку Надя. – Его подружка лиса Алиса не очень, а он обаятельный пройдоха. Базилио, а не какой-то Васька с помойки.

– Ты на что намекаешь? – снова насупился Дарсен. – Да, у меня нет громкого титула, но семейное древо насчитывает полторы тысячи лет, и дворянство мое наследуемое!

– О, – уважительно округлила глаза чуть растерявшаяся от напора законника девушка. – В моей семье только прапрадеда помнят. Страна у нас такая – с бурным прошлым, суровым настоящим и непредсказуемым будущим. Но дворян среди предков никто не припоминает. Все больше крестьяне, военные, учителя, бухгалтеры, даже пара сапожников была. Это ничего или ты теперь и разговаривать со мной не будешь?

– Я снобизмом высокородия не страдаю, – хмыкнул Дарсен, моментально успокоившись, как только понял, что Надя даже и не думала издеваться над ним. – Более того,

дозволяю сидеть в своем присутствии.

– Спасибо, а то бы без разрешения пришлось. Я, если стоя ем, живот потом болит, – честно призналась девушка.

– Так, опять мы тебя заболтали, злее убийц стали! Ешь давай, в другой раз продолжим! – скомандовал Дарсен, простирая руку в сторону позабытых тарелок.

Надежда встала и включила микроволновку, чтобы согреть безнадежно остывший ужин.

Глава 19

Кошмар

Надя с детства поняла, что видит, обоняет и вообще воспринимает окружающий мир совсем не так, как все окружающие. Если поначалу ей казалось это странным, то со временем, расплатившись в кассе бытия полным мешком насмешек и прозвищем «чудачка», девушка привыкла. Научилась жить со своими странностями. И сны для Надежды, исключая последнюю трансляцию «блокбастера» из храма Сил, оставались всего лишь снами.

Но этой ночью что-то пошло не так. Надя отлично осознавала, что спит. Вот только этого осознания оказалось недостаточно для пробуждения. Она и спала, и в то же время видела черно-багровую, отвратительную, пульсирующую тленной мерзостью тушу с когтистыми лапами и закрытой пока пастью. От этой гадкой туши тянулась гнилостно-пепельная вонь. Почему-то эта неизвестная тварь показалась девушке стократ опаснее и противнее маньяка, девушек зомби и вообще всего самого противного и мерзкого, с чем ей только доводилось сталкиваться в жизни.

Вроде бы не такое уж страшное зрелище для человека, знакомого с жанром триллера, да и ничего ужасного тварь внешне собой не представляла. Но то, чем она являлась по сути, и то, для чего существовала, заставило девушку распахнуть рот и заорать, выплескивая ужас.

В утренней тишине крик прозвучал особенно пронзительно. Где-то что-то грохнуло и упало, кто-то звякнул разбитой посудой, потом о косяк громыхнула дверь, и в комнату к Наде ворвались мама Вера в пеньюаре, напаянном наизнанку, и Дмитрий в плавках, на черных просторах которых тускло мерцали хвостатые красные кометы.

Наверное, запуганные происшествиями последних дней, они ожидали увидеть в спальне по меньшей мере младшего братца Ктулху, но обнаружили лишь сидящую на кровати девушку. Ее после пережитого кошмара была дрожь посильнее, чем после стычки с маньяком.

– Надюша! – Мать метнулась к дочери и крепко обняла ее, пытаясь погасить панику кровиночки. – Что, что случилось?

Надю еще некоторое время колотила дрожь, зуб на зуб не попадал, пока Дмитрий не сходил на кухню за остатками ликера и почти насильно не влил в рот бедняге.

Закашлявшись, отдышавшись, Надежда призналась:

– Кошмар.

– Вещий? – подозрительно уточнил Шельга.

– Я не... – начала было говорить Надя, а потом резко осеклась, чтобы не выпалить случайной лжи. Выпустила из груди воздух и кивнула: – Да. Я видела чудовище, опасное для меня и вообще для всех. Я знаю, что оно точно есть, оно близко. Только я не знаю, где конкретно оно прячется и чем именно опасно.

– Чудовище. Не человек? Не животное? – не поверил Дмитрий.

В монстров не на двух ногах в нечеловеческой шкуре Шельга по-прежнему не верил. Людей-то гадких он в жизни встречал предостаточно, но ни с одним чудовищем ни разу не сталкивался.

– Чудовище, – согласилась Надя, потянувшись, не вставая, к прикроватной тумбочке за ручкой и блокнотом и грубо намалевала очертания твари из кошмара.

Вера и Дмитрий по очереди изучили неказистый рисунок, озадаченно переглянулись, не зная, как быть. В мистику оба не верили, зато научились верить в Надю, потому и растерялись. Тогда Вера неуверенно предложила:

– Дочунь, я не знаю, что и думать. Может, даже если сон вещий, это не настоящее

чудовище, а образ какой-то угрозы? Аллегория...

– Не знаю, мам, – прикусила губу Надя, поникнув головкой-одуванчиком. – Я, когда просыпалась, была уверена, что тварь настоящая, живая, опасная. Пусть и не такая настоящая, как хищные звери. Она не теплокровная, не млекопитающая, даже не арахнид. Она совсем-совсем другая, ей не мясо и кровь нужны, а что-то иное. И это ее делает еще опасней...

– Здесь и сейчас ее рядом нет? – педантично уточнил Дмитрий.

– Нет, кажется, – поразмыслив, признала девушка.

– Тогда давайте-ка еще пару часов покемарим перед работой. Утром все по-другому порой выглядит. Сможешь уснуть, Надь?

– Хорошо, я попробую, – покорно согласилась девушка.

– Ты, Вер, если надо, с ней останься, – предложил мужчина, покидая девичью спальню.

– Иди, мам, – отпустила родительницу Надежда. – Чего тебе со мной куковать? Ни ты, ни я толком не выспимся.

– Надюнь, а ты своих этих, – Вера поболтала в воздухе рукой, – не спрашивала про кошмар?

– Завтра спрошу. У них тоже дела бывают. Если сразу не отозвались, значит, где-то далеко или сильно заняты, – ответила избранница Двадцати и Одной. – А ты иди, ложись! Так лучше будет!

– Расскажешь, когда поговоришь, – строго велела мать и, только теперь заметив надетый наизнанку пеньюар, ойкнула и принялась выворачивать одежду правильной, не отпугивающей леших стороной.

– Ага, – пообещала Надя, укладываясь на бочок и кутаясь в одеяло.

Вера подоткнула кончик одеяла, погладила дочь по плечу, чмокнула в макушку и вышла. Когда за мамой закрылась дверь, Надюша снова села в кровати, обхватила колени руками и стала ждать настоящего утра. Заснуть после увиденного кошмара она точно не смогла бы, но пугать и волновать маму с Дмитрием не захотела. Она и рассказала-то поневоле, слишком привидевшаяся в кошмаре тварь казалась ужасающей, реальной и опасной. Но смысла вываливать свои тревоги на близких девушка не видела. Где бы ни таилась приснившаяся гадина, люди по-любому не смогли бы ее увидеть. И, в этом Надя тоже ни капли не сомневалась, никаким оружием – ни пистолетом, ни ножом – эту мерзость тоже было не взять.

Надежда попробовала усомниться в реальности привидевшегося чудовища, но в результате отказалась признавать его фантазией. Как было бы просто, окажись это багрово-черное обычным кошмаром! Но нет... Уподобиться страусу не получилось. Откуда бы ни проник в сновидение этот жуткий образ, он точно был существующим.

Закусив губу, Надя вытащила из ящика прикроватного столика цветные карандаши и принялась раскрашивать свой кошмар. Когда появятся Силы Двадцати и Одной, а девушка чувствовала их в невообразимом далеко, занятых чем-то очень важным, будет что показать и спросить. Только оставлять рисунок там, где его увидят мама и Дмитрий, она не станет. Больше пугать дорогих людей она не собиралась. И вообще лучшим способом не думать о кошмаре оказалось следующее: нарисовать его, спрятать в тумбочку и идти на кухню готовить завтрак на всех. К тому времени, когда Вера и Дмитрий встали, на столе стояли кастрюлька с овсяной кашей и омлет. А безумная тревога сменилась в душе Нади настороженным ожиданием. Паника – предчувствие неминуемой беды – прошла. Или только отступила на время перед теплом дома и солнечным светом?

Обыкновенно, когда в доме спит младенец, остальные члены семьи говорят тихо и стараются не спугнуть детский сон громким звуком. Так и этим утром за столом в доме Последних все трое вели себя очень аккуратно, чтобы нечаянным словом не растревожить, не вернуть привидевшийся кошмар. Говорили о погоде, о будущей

поездке в лес за опятами, о вконец обнаглевших сороках, чей стрекот звучал во дворе, хвалили Надюшкину стряпню... Девушка охотно поддерживала эти разговоры, ни намеком не выдавая своих тревог и таящегося в душе ожидания. Она твердо решила дожидаться вердикта Сил и тогда уже или успокоиться окончательно, или до конца испугаться.

Глава 20

Материализация

До работы дам подбросил Дмитрий. Первой перед офисом высадил младшую из Последних. Две девушки из ОМа уже дымили на крылечке какой-то арбузно-ментоловой пакостью и сплетничали. Ника и Ангелина приветливо помахали секретарше босса и уточнили:

- Надь, а Степаныч договоры сегодня подпишет?
- Если юристы согласовали, подпишет, - ответила Надежда.
- А вчера Леонида на месте не было, мы так положили... - захлопали глазками девицы.
- Тогда пятьдесят на пятьдесят. Если суммы до сорока тысяч - подмахнет, если нет - может на ковер вызвать, - «обрадовала» коллег ассистентка.
- Э-э-э, ты тогда их из папки выложи. Мы заберем, у Леонида подпишем, - торопливо попросили курильщицы.

- Хорошо, - коротко ответила Надя, решив не говорить беспечным девицам, что неправильные договоры она еще вчера вечером из папки «На подпись» выложила в отдельную ее копию, из которой документы забирал не начальник, а проштрафившиеся коллеги. Теперь оставалось только вернуть ОМу их собственность.

Уже прикрывая офисную дверь, Последняя услышала, как с нетерпеливым придыханием задает вопрос Ангелина:

- И что Андрюша?..

Надя только успела поставить чайник и включить офисный набор техники, куда кроме кофеварки входили еще компьютер и МФУ, как в дверь приемной кто-то вежливо стукнул. Обычно народ ломился с короткими возгласами «Привет, Надюшка!», но никак не стучал.

На пороге стоял сияющий, как новенькая десятка, Вадим с большущей трехъярусной коробкой конфет.

- Салют, Надежда!

- Доброе утро, Вадим Георгиевич! Геннадия Степановича пока нет. Сделать вам кофе? - вежливо поздоровалась секретарь.

- Не надо! Я не к Гене, к тебе! И для начала держи! - Вадим плюхнул коробку на стол рядом с клавиатурой. - Это не взятка, а деловое предложение!

Улыбкой в тридцать два зуба сопроводил он эффектное объявление.

Надя серьезно посмотрела на сияющего бизнесмена и легонько вздохнула нахмурившись.

- Ты погоди вздыхать! Слушай, предлагаю тебе проценты прибыли за советы! - возвестил Вадим, присаживаясь боком на стол. - Хочешь налом, хочешь на карту! Я в таких делах не обманываю!

- Вадим Георгиевич, - снова вздохнула Надежда, - я не смогу вам помочь. Спасибо за предложение, но нет.

- Хочешь фиксированную сумму? - деловито уточнил мужчина, прикидывая, как и себя не обидеть, и девочку на крючок покрепче поймать.

- Нет, я не смогу вам помочь потому, что не хочу навредить! - твердо объявила девушка.

- Ты ж уже помогала, - напомнил несговорчивой прорицательнице историю с советом и шоколадом чуть озадаченный собеседник, соображая, а не набивает ли девица - теперь

почти красавица – таким образом цену.

– Один раз совершенно случайно, – педантично уточнила Надя. – Систематически так не получится. Нельзя!

– Способности предсказательные барахлят? – попытался догадаться Вадим.

– Я не настолько талантлива, чтобы помогать не вредя, – в очередной раз принялась объяснять необъяснимое девушка. Вадим раскрыл было рот для потока возражений, но почему-то сам же и захлопнул его, продолжая слушать. – Понимаете, Вадим Георгиевич, кто-то другой, наверное, может иначе, но не я. Я не совсем предсказательница, вернее, совсем не предсказательница, и это самое главное, почему ничего не получится так, как хотелось бы вам. Для меня мир вокруг – сплетение множества нитей, в свою очередь состоящих из звуков, запахов и цветов. Чем внимательнее приглядываешься, тем отчетливее они видятся во всем. Когда вы спрашивали про акции, я выловила нужный звук и цвет, чтобы ответить. Но все эти нити... они не возникают из ниоткуда, и не исчезают в никуда, и не множатся без счета. Они есть все время. Тогда в вашей судьбе, жизни, я одну тоненькую ниточку сделала другой. Но менять нити одну за другой, оставляя все остальное неизменным, нельзя. Нельзя сплести свою, не предназначенную жизнью удачу, из чужих нитей и не сотворить катастрофы. Все вокруг начнет рваться, путаться и рушиться, и в первую очередь это коснется тех, кто вам ближе всего. Пострадают их здоровье, отношение к вам или еще что-то. А если менять одну нить на другую в вашем собственном плетении, то все это начнет бить уже по вам. Никакая погоня за прибылью этого не стоит.

Вадим хмыкнул, пытаясь переварить бредовенькие идейки необычной девчонки и подобрать слова для того, чтобы уговорить ее попробовать и самой убедиться в нелепости опасений.

Дверь приемной грохнула о косяк, Степаныч ворвался внутрь с радостным раскатистым воплем:

– Надюшка! Ты права! Не подтвердилось! Результаты из двух других лабораторий пришли! Все чисто! Все с моей Леткой хорошо будет! Спасибо! Уж не знаю, чего б я учудил, случись с ней чего!

Продолжая довольно похохатывать, начальник выхватил секретаршу из-за стола, сжал в медвежьих объятиях и закружил по приемной. При этом он умудрился каким-то чудом, наверное, милостью пребывающих где-то Сил Двадцати и Одной, не уронить девушку и не снести ею ни стойки ресепшена, ни кресел для посетителей с журнальным столиком, ни вешалки.

Степаныч, занятый танцем медвежьего ликования, заметил Вадима лишь спустя несколько десятков секунд. Тот стоял тихо и морщил лоб, о чем-то сосредоточенно размышляя.

– Здоров, Вадь. Ко мне? – Босс выпустил улыбающуюся Надюшку из объятий и подал руку визитеру.

– Нет, я к Надюше заскочил, поблагодарить за совет.

Кривовато усмехнувшись, бизнесмен пожал лапу Степанычу и указал кивком на коробку конфет. Он еще не до конца поверил в правдивость странных объяснений девушки. Но теперь уже не был твердо уверен в том, что наседать на девчонку с предложением поставить предсказания на коммерческую основу – это правильно. Если Надюха хоть в чем-то права, и удача в деньгах обернется проблемами на другом фронте... Жену и сына Вадим любил, другу доверял и бед в обмен на деньги получить не хотел. Если сам Генка до сих пор таланты секретарши к делу не пристроил, значит, не все с ними так гладко. Эх, а какая идея-то была знатная! Но деловые люди на то и деловые, чтобы чують не только прибыль, но и неприятности. Он отступился, собираясь для начала послушать рассказ о проблемах друга. Кофе-то Надя по-любому правильный наливает и печеньки хрустящие ставит не за процент, а за зарплату.

Друг таиться насчет Леткиной беды не стал. Скверной привычкой вываливать свои беды на друзей Генка отродясь не страдал. Если проблема назрела и он с ней разбирается

должен, затаится и молчит, точно партизан на допросе. Редко-редко когда о чем попросит, и то не в одолжение, а только если и Вадиму с того какая-никакая выгода капнет, ну и если по-другому вообще никак. Потому, если Генка теперь рассказывал, спокойно прихлебывая чай, значит с его любимой женой все хорошо.

– Так мне Надюха и сказала: Летка болезнью неизлечимой не пахнет. Я тогда сразу встряхнулся. Она же врать не умеет совсем. Вот и с Леткой от сердца враз отлегло. Если говорит, значит, правда!

– Как же тогда она по телефону звонки отбивает? – мимолетно удивился Вадим.

– А не врет, – запоздало припомнил и сам удивился Геннадий. – Правду говорит, но так... – мужчина покрутил запястьем, – что каждый себе что-нибудь свое додумает и отстанет. И, вот знаешь, только сейчас сообразил. Мне пару-тройку раз особые надоеды жаловались, что вообще ни в офис, ни на сотовый дозвониться не могут, когда я на работе...

– Тоже чудеса твоей Надюхи? – задумчиво хмыкнул собеседник.

– Не знаю и, веришь, копать не хочу. Это как с теми часами из гостиной, которые мы с тобой в пятом классе раскурочили. Разобрать разобрали, а собрать не смогли толком. Лишние детали отцу моему сдали и ремня хватило. Часы в мастерской потом чинили, но нормально они так и не заработали, то вперед, то назад убегали, мамка замучилась подводить. Потому я Надюху прессовать не буду. Захочет подсказать, подскажет, а давить – не-э-э.

– Если она болезни чует, ей тогда свое дело открыть можно и деньги лопатой грести. У нас народ на экстрасенсов и чудеса падкий.

– Вадь, ты дурак или прикидываешься? Ее на клочки порвут, девчонка, может, что и видит, но без медицинского образования ее слова еще поди истолкуй, а лечить вовсе не умеет. Только, когда надежды никакой, и за воздух цепляться будешь, от отказа злость такая в груди поднимается, что аж в глазах темнеет, – буркнул Геннадий, укоризненно зыркнув на друга.

– Согласен, – признал тот правдивость рассуждений, с удовольствием глотнул кофейку и задумчиво протянул: – Иначе костры средневековые так ярко не пылали бы. Боимся мы того, чего понять не можем, тянемся к этому и злимся одновременно. А что победит, бог весть.

– О том и речь, не мельтеши и не сбивай мне Надьку, – жестко припечатал Геннадий.

– Не стану, – подумав, ответил друг. – Но если она тебе чего нужное случайно выдаст, поделись!

– Договорились! – пообещал Гена, и мужчины, не вставая, крепко пожали друг другу руки.

Рукопожатие еще длилось, когда здание ощутимо трянуло. Из приемной донеслись звон разбитого стекла и испуганный вскрик Надюшки. Не сговариваясь, мужчины метнулись на голос девушки. Та нашлась под столом. Бедолага уже не кричала, только собирала в ладошку осколки чашки, не замечая, как кровит порезанный палец, и плакала. Крупные слезы катились из глаз девушки и капали, капали, капали...

– Цела? Не трусь, подумаешь, небольшое землетрясение случилось! Дом у нас старой постройки. Сталинка капитальная! Еще всех переживет, его, пожалуй, и восьмibalльным не развалишь! – рокотал Степаныч, отбирая прихваченным полотенцем осколки из рук девушки и вываливая их вместе с тряпкой в ведро. – Лапку твою давай залечим сейчас! Вадь, вон в шкафу аптечка, там перекиси бутылек. Тащи сюда!

– Как вы тут? – В дверь всунулась голова заместителя. Высоченный, под два метра, и интеллигентный в пику простоватому начальнику Леонид Александрович поправил очки на переносице и уточнил: – Приветствую! Геннадий Степанович, Вадим Георгиевич, Надя, все целы?

- Почти! Надюшка напугалась и порезалась, – проворчал шеф, шлепнув на порез секретарши пропитанный перекисью водорода клочок ваты. Встал и обратился к заму: – Не в службу, а в дружбу, Леня, пусть с охраны эмчезсникам звякнут, спросят, что к чему и чего ждать, а ты по этажам пока пройдишь, успокой народ. Как данные будут, решим, по домам народ распускать или все обошлось. Тряхнуло слабенько и всего разок, но прогноз знать надо бы.

- Сделаю, – кивнул заместитель, вытаскивая смартфон и на ходу принимаясь набивать сообщение.

Из-за закрытой двери доносилось квохтанье потревоженной бухгалтерии. Крякнув, Степаныч глянул на продолжающую рыдать Надюшку и закрыл приемную на защелку. Девчонке сейчас надо успокоиться, ни к чему ей чужая паника.

В кармане шефа запиликал смартфон. Звонила Летка, чтобы удостовериться, что непутевому мужу не упала на голову какая-нибудь балка. Их-то загородный дом Степаныч ставил сам и был уверен, что сделал его покрепче любой сталинки. Вадим тем временем проверял своих.

- Выпьешь, может, чего покрепче? – заботливо уточнил шеф у Надюшки. Ту до сих пор колотила дрожь.

Надя помотала головой. Слезы продолжали капать, и никаких сил остановиться не было. Крепкий чай, врученный Степанычем, и рокот его умиротворяющего баритона чуть отвлекли девушку от погружения в пучину беспросветного отчаяния. Начальник был таким настоящим, большим и не имеющим ничего общего со сверхъестественными переживаниями! Он одним своим присутствием словно отодвигал все призрачные страхи и предчувствия. Но ключевым в этой мысли, увы, было слово «словно». Очень хотелось не бояться, не думать, не видеть жалких ошметков разорванной нити. Но не получалось. Предчувствие беды, обернувшееся ночным кошмаром, как ощущала Надя всем своим существом, начинало сбываться. Пока едва-едва, на периферии материальной реальности. Но нечто злое уже вошло в ее жизнь, осквернило грязными лапами светлую веру в чудо и твердое убеждение в том, что угрозы извне по-настоящему опасными быть ни для кого не могут, что ими лишь искусно пугают, точно любимыми Бомбошкиными ужастиками, которые, стоит зажечься свету в темном зале, оказываются игрушечными и смешными.

- Надюш, все, успокойся. Хочешь, валерьянки тебе накапаю?! Подумаешь, тряхнуло разок, ерунда какая! А палец вообще мигом заживет!

- Спасибо. – Улыбка на лице совершенно не умеющей притворяться девушки походила на предсмертную маску. Успокоить она смогла бы разве что слепого или сильно близорукую, да и дрожь в голосе четко указывала мужчинам: Надя в панике.

- Хочешь, домой тебя отпущу. Поспишь, погуляешь, успокоишься, – предложил Степаныч и совсем растерялся, когда после слова «поспишь» беззвучные редкие слезы девушки обернулись душераздирающими рыданиями, еще более мучительными, поскольку Надя старалась сдерживаться.

- Ничего не понимаю. – Босс озадаченно поскреб высокий лоб с наметившимися залысинами.

Неконтролируемых истеричных приступов, да что там приступов, самого обычного бабского слезоразлива у секретарши не наблюдалось даже тогда, когда он орал на новенькую, метал громы и молнии.

Пока мужчины сообща пытались успокоить беззвучно рыдающую Надюшку, в приемную вернулся зам и отчитался:

- В офисе пострадавших нет, сотрудники продолжают работу. Эмчезсники толчка не прогнозировали, предупреждений по городу и области не было. Насчет повторных тоже ничего пока сказать не могут. Селиверстов Игорь в ВОХР оттуда переходил. Он расспросил бывших коллег. Те в недоумении. Толчок был внезапным. Прогнозов пока не дают, предупреждений тоже пока не рассылают.

– Ясно, что ничего не ясно... Спасибо, Леня.

Зам кивнул и осторожно уточнил:

– Может, «скорую» вызвать? Укол какой сделать...

– Подождем пока, – отмахнулся Степаныч.

Леонид пожал плечами и вышел. А Геннадий Степанович крякнул и участливо спросил:

– Надюх, ну что ты в самом деле... Перепугалась сильно?

– Я... это... кошмар ночью был... этот толчок... Он пахнет, как мой кошмар. Значит, ничего не закончилось... надо что-то делать, а я не знаю, что... А они не отвечают...

Девушка сложилась пополам и безутешно зарыдала, отбросив всякие попытки успокоиться. Мужчины, стоящие над креслом, озадаченно переглянулись.

– Родители не отвечают? – растерянно ляпнул Вадим. – Так давай, еще разок их набери. С ними точно все путем, зря переживаешь!

Тут же, словно в доказательство слов мужчины, разразился аккордами знакомой песенки телефон Нади, позабытый на столе. Вадим подхватил его и торжествующие объявил:

– Ну вот! Что я говорил! Мама звонит! Бери трубку! – и сам шлепнул значок приема на экране.

– Да, мамуль. – Надя постаралась, чтобы голос ее звучал если не спокойно, то хотя бы не гнусаво от слез. – Цела. Никто... Нет, этого не испугалась... Они не отвечают пока, далеко... Да, я чувствую, сон про тварь и все, что сейчас происходит, связано. Будет продолжение... Хорошо, вечером поговорим.

Надя отключила телефон и только сейчас опомнилась, сообразив, что у ее беседы было целых два озадаченных свидетеля.

– Не предсказываешь, говоришь? – с ноткой скепсиса в голосе уточнил Вадим.

– Надюнь, ты чего, знала, что потряхает? И что, дальше еще хуже будет? – поддержал друга вопросом шеф.

Девушка беспомощно вздохнула и подняла на мужчин исполненный страдания взгляд:

– Вы только меня сумасшедшей не считайте. Этой ночью мне приснилось омерзительное чудовище. Я не понимала, чем оно опасно всем вокруг, но знала, что очень опасно. И когда землетрясение случилось, я почувствовала, что это все из-за него. И еще трести будет, когда оно перегрызет следующую нить. Не верите, наверное? И правильно. Я бы на вашем месте тоже не поверила.

– Надя, сны порой очень символичны. Это еще старик Фрейд говорил. Если ты видишь землетрясение как монстра, то видь на здоровье, только когда он тебе в следующий раз приснится, меня набери. Я в офисе выходной день объявлю, – на свой лад мудро истолковал личный кошмар ассистентки материалист Степаныч.

– Меня тоже набери, – поддержал друга Вадим, мало-помалу расслабляясь.

Девичьих истерик он побаивался, с плачущими взхлеб дамочками обращаться не умел и искренне радовался тому, что жена подарила ему сына, а не дочь. У Степаныча была та же картина маслом, только его два близнеца-оболтуса, отрубив срочку, решили еще послужить на контракте. Папины деньги и бизнес их не особо влекли, ребята собирались, когда навоюются, открыть свое дело.

Кивнуть или отказаться от предложения о подаче сигнала хлюпающая носиком Надежда не успела. За гранью обычного чутья и слуха она услышала довольный скрежет чудовища и поняла: тварь еще не закончила трапезу. И в голове у девушки что-то щелкнуло. Вместо страха, истерики и судорожных метаний пришел холодный гнев. Как смеет какая-то тварь вредить ее городу? Кто дал ей такое право? Такая пакость не должна

существовать! Ее нужно найти и попытаться уничтожить, чего бы это ни стоило!

- Чудовище грызет нить. Сейчас снова начнется. Считайте, что я вам позвонила! – тихо и четко произнесла Надя перед тем, как раздался новый толчок. Сила его была равна предыдущему.

Здание опять содрогнулось, жалобно и тоненько зазвенела посуда в шкафу. Мужчины матюгнулись.

- Еще будет, Надюнь? – тихо и уважительно уточнил Степаныч.

- Если не уничтожить тварь, будет хуже. Она пока перекусывает тонкие нити, набирается сил. Когда разорвет нити потолще... – Надя замолчала, пожав плечами.

- На десять баллов тряханет? – почесал лоб Степаныч, окончательно запутавшийся в том, что происходит, и в том, как это пыталась объяснить девушка. Верить ей не получалось. Не верить тоже, особенно после того, как вторично трянуло сразу после Надькиного предупреждения.

- Не уверена, что будет землетрясение. Может произойти любое стихийное бедствие, – отчиталась девушка и попросила: – Геннадий Степанович, я заявление на отгулы в счет отпуска напишу.

- И что делать будешь? – первым сообразил задать нужный вопрос Вадим.

- Искать его, – решительно объявила Надежда.

- Ахинея какая-то с мистикой, – потряс головой начальник. – Может, просто дома посидишь, оклемаешься от всей этой передряги, руку полечишь? Рассадила изрядно. Кровью весь пол закапала.

- Палец – ерунда, заживет, – отмахнулась Надя и решительно предложила, вгоняя шефа практически в ступор: – Я не прошу мне верить, только отгулы дайте, пожалуйста. А если нельзя, я могу заявление на увольнение по собственному желанию написать.

- Надюха, ты чего? – возмущенно запыхтел босс. – Отгулы я тебе дам, ясное дело, но как ты неизвестно что неизвестно где искать-то будешь?

- Не знаю, пока не знаю, но я разберусь, – пообещала не столько мужчинам, сколько самой себе Служительница Сил. Очень молоденькая, совершенно неопытная, но уже чувствующая настойчивый, неумолчный зов призвания в крови. Отвернуться и забиться в угол, подвывая от страха, не получалось, хотя, спору нет, очень хотелось. Она должна защитить свой мир. Но для начала следовало разобраться, какое чудовище ему грозит, где эту тварь искать, а уж потом – как с ней бороться.

Глава 21

Реальная галлюцинация и методы инферальной дезинсекции

Сейчас она жалела только о том, что эти самые Двадцать и Одна, которые ставили ей печать на ладошку, бродят-витают-шастают где-то настолько далеко от ее мира, что их невозможно дозваться и озадачить вопросами. Проверки ради Надежда в очередной раз попробовала мысленно воззвать к Силам и протянуть к ним зов, как нить. Что-то похожее она делала для Влада, когда искала сбежавшую на море девушку.

И, о чудо! Ей отозвались, откликнулись из невообразимого далеко, а следом почти мгновенно нагрелась радужная печать. Пришло ощущение близкого присутствия Сил. Затанцевала по кабинету их обычная яркая радуга с цветами, каковых не числилось за земной сестрицей. Служительницу теплым потоком омыли беспокойство, симпатия и радость общения, смешивая фруктовые ароматы, запах цветочного луга и вкус черешни.

– Ты звала? – Принятая... – Избранная... – Служительница...

– Спасибо, что пришли, – испустила тихий вздох облегчения Надя, решительно наплевала на посторонних и вытащила из кармана пиджака сложенный вчетверо рисунок багрово-черного чудовища. Развернула его и констатировала: – Мне приснилось это. А сегодня случилось землетрясение. И я чувствовала, как это чудовище порвало две нити.

– Клещ Межуровня! – Панический вопль Сил, прозвучавший слаженным хором, едва не сбросил Надю с кресла.

Рядом рухнули на пол, пытаясь унять брызнувшую из носа кровь, Степаныч и Вадим Георгиевич. Временно отодвинув все прочие мистические, инферальные и иные проблемы, Надя метнулась к вате и перекиси. Щедро раздавая мужчинам целебные тампоны, она с изумлением услышала от полулежащего в кресле шефа:

– Вадь, что за хрень в офисе творится? Газ галлюциногенный по вентиляции пустили? Радуга в воздухе и голоса слышны.

– Не знаю, Ген, – хрипло ответил из соседнего кресла Вадим Георгиевич. – Но газ ядреный. Надька-то с ним мало того что разговаривает, он ей еще и отвечает.

– Ага... это как в том анекдоте про веру и шизофрению, – поддакнул Степаныч, шурясь от ярких переливов радуги.

Силы Двадцати и Одной тем временем пошли на новый виток паники.

– Клещ уже начал питаться! – Ужас! – Нет спасения! – Тварь! Хуже Разрушителя! – Смертные уже зрят нас! – Границы содрогаются! – Что делать?!

– Для начала объяснить толком, что происходит. Что это за тварь? – собрав обрывки мыслей в кучу и сжав пальцами виски, попросила Надя. Голова раскалывалась от воплей Сил, бессонной ночи и переживаний – И Дарсена, если можно, позовите.

– Законника нельзя, он ранен, исцеляется, мы его спрятали, – выпалили Силы. – А клещ Межуровня – тварь оттуда, из самой проклятой Бездны. Он – демон, что проникает через границы, в складках Ткани Мироздания вгрызается в нити мира и рвет их, высасывая.

– Кто вы, к чертям, такие, что за клещи и разрушители? Надя, мы рехнулись или как? – гнусаво, из-за тампонов, набитых в нос, вывалил Степаныч на компанию гору вопросов разом, взяв дурной пример с Двадцати и Одной.

Силы, то ли в ответ, то ли вовсе не слушая человека, снова залопотали что-то о разрушении миров и приближающейся катастрофе, а Надя дисциплинированно попыталась ответить шефу, утрясая информацию в первую очередь для себя:

– Они – мыслящие создания чистой энергии из иных миров.

– Инопланетяне, что ли? – брякнул Вадим.

– Нет, иномиряне, – поправила девушка, не вдаваясь в детали, от которых у босса и в самом деле могла конкретно поехать крыша. – Вы, Геннадий Степанович, вместе с Вадимом Георгиевичем в своем уме и сейчас смогли увидеть и услышать все только потому, что на Земле завелась тварь, которая разрушает ткань нашего мира. Толчки – лишь малый признак происходящего, первый признак надвигающейся катастрофы. Из-за порванных нитей мало-помалу меняются физические законы, по которым мы живем. Раньше всего необычного люди не замечали, если такое происходило, то стиралось из памяти само собой, – коротко кивнув на беснующийся потолок, перевела Надя. Объяснения про Разрушителей девушка опустила, чтобы не наклепать еще и это ужасающее создание – бога, способного по своей прихоти рвать Нити Мироздания, как паутинки.

Пока Степаныч заткнулся, хватая ртом воздух и переваривая шокирующую выкладку, девушка тревожно уточнила у Сил:

– Что с Дарсеном? Он серьезно пострадал?

– Его дом сгорел, файробалги напали на город. По счастью, законника не было дома. Он явился на пепелище.

– Как его ранили? – Голос Нади дрогнул.

– Балка в развалинах упала, – уныло раскололись Силы и поспешно затарахтели насчет того, что они еще не разобрались, кто и зачем натравил демонов на жилище законника. Тот вообще уверен, что дело в недавнем судебном противостоянии с одним ушлым магом. Но пока все выясняется, Двадцать и Одна предпочли спрятать Виндера понадежнее, и Силы Исцеления лично занялись пострадавшим бедолагой.

Успокоившись насчет коллеги, девушка переключилась на главное:

– Как можно убить клеща?

Почему-то никаких мыслей о спасении особо редких и ценных представителей демонической фауны у Надежды на этот раз не возникло. Когда речь шла о безопасности родных и дома, инстинкты гринписовца отрубались напрочь. Или, напротив, у девушки как раз сейчас работали верные инстинкты Служительницы Сил, утверждавшие: увидел тварь Бездны, угрожающую миру, – уничтожь любой ценой!

– Их убивают маги одновременным ударом ледяного копья и огненного шара. От двух стихий клещ защититься не в состоянии. Трудно лишь отыскать демона, таящегося в ткани мира столь искусно, что заметить его порой не в силах даже мы. Поисковые заклания магов не срабатывают вовсе. Но в мире техническом наша сила не проявляется, узреть тварь мы не можем! – судорожный вздох Сил прервал их речь. Набравшись смелости, Двадцать и Одна скорбно продолжили: – Мы не знаем, где та грань прочности мира, на которой в достаточной мере поколеблются его устои, дабы мы смогли начать поиск клеща.

– И уничтожить? – продолжила, все еще огорченно хмурясь, Надя.

– Увы нам, избранная, наша сила не применима к твари Межуровня, присосавшейся к Нитям Мироздания. Мы сможем лишь указать цель охотнику! – Если бы Силы могли рыдать, они бы точно устроили гигантский водопад слез.

– Так! Я не понял! Надь, эти радужные истерики сейчас предлагают тебе самой поискать чудовище и прибить его при помощи баллона с углекислотой и газовой горелки? – почесал лоб Степаныч, хлопнув кулаком по мягкому подлокотнику кресла.

Что удивительно, на сей раз Двадцать и Одна не стали делать вид, будто настырного смертного не существует. Они отчаянно взвыли:

– Тварь только одномоментные магические хлад и жар уничтожить способны! А поиск твари вести возможно лишь изнутри мира, чьи нити раздирает клещ!

– Ясно, – чем больше психовали Силы, тем более собранной и спокойной становилась их посвященная. А что спокойствие это было сродни покою смертника, идущего в последний безнадежный бой, так другого не обнаружилось. – Значит, мне следует

изобрести способ обнаружения клеща и найти его. А вам найти того, кто убьет тварь снаружи. Сможете?

- Мы немедленно отправим запрос Силам Равновесия, - с готовностью и уже чуть бодрее ответили Силы, поскольку делать хоть что-нибудь всяко лучше безнадежных завываний. Особенно если ты лишен тела и не можешь ни рвать волосы на голове, ни побиться лбом о стенку.

- Может, лучше в другую инстанцию обратиться? - уточнила Надя. - Дарсен говорит, что быстрее рассматриваются прошения в храмах Джокеров.

- Мы Силы Времени попросим ускорить ход времени в мире, где исцеляется законник Виндер. Мы отправим прошения всем! - приняли соломоново решение Двадцать и Одна, немного робея от перспективы обращения к Великой Триаде. Силы Равновесия, конечно, тоже особо никого из просителей не баловали, но они были своим знакомым... гм... не злом, конечно, но бюрократической инстанцией, правила общения с которой вырабатывались тысячелетиями. А Джокеры... Слава их гремела во Вселенной, но все новое несколько пугало традиционалистов в лице Сил, вызывая неизъяснимую робость и смущение. Потому Двадцать и Одна дружно постановили: - Дарсена привлечем для составления обеих петиций. Законник справится!

За кадром осталось невысказанное «и малость успокоится, перестав рваться с большой койки в бой». Растряссти лишний жир и выйти из затяжного запоя Дарсен сумел, но до состояния «порву любого, как Тузик грелку» ему было очень и очень далеко. Тем паче что умелым бойцом законник никогда не являлся. Всю жизнь предпочитал воевать словом и пером в судах.

- Ищи же врага, посвященная! Он опасен лишь структуре мира, физическим оболочкам вреда не причинит. Твой странно взращенный в запертом урбомире талант может помочь в поиске. Если нет, нам останется лишь уповать на то, что наша способность узреть пожирателя нитей проявит себя раньше, чем структуре измерения будет нанесен непоправимый урон. Но утешься, до катастрофы изменения станут возрастать неуклонно, оттого мы получим возможность забрать тебя в иные пределы. Не благодари!

Засмущавшиеся Силы, протараторившие последние слова скороговоркой, исчезли.

- Даже не собиралась, - укоризненно покачала головой Надежда в ответ на это странное эгоистическое предложение и тихо проговорила: - Я свой мир люблю! Зачем мне чужие? Посмотреть приятно, но жить нужно дома!

- Так, Надя, прямо сейчас еще трясти будет? - резко повернулся к секретарше Степаныч, выдергивая из носа осточертевшие тампоны.

- Нет, эта чудовищная тварь пока сыта. Позже повторится и будет сильнее, - грустно ответила девушка, собирая и переводя в слова свои ощущения и мысли.

- Тогда задача поставлена - нам надо искать эту пакость, - резюмировал начальник.

- Ты во всю эту хрень поверил, Ген? - продолжал хмуриться Вадим, выковыривая из носа свои тампоны.

- У нас два пути, - развел руками босс, принимаясь расхаживать по приемной. - Можно громко завопить, что Надюха рехнулась, у нее заразные галлюцинации, и сдать девочку в дурку. Самим при этом сидеть на попе ровно и ждать, когда в следующий раз тряхнет посильнее. Или допустить, что наши коллективные глюки - это не глюки, и начать побыстрее действовать.

- Спасибо, - шепотом поблагодарила начальника девушка.

Глава 22

Добровольцы поневоле

– Вопрос только в том, чем и как мы, ни хрена в мистике на смыслящие, тебе можем помочь, – постановил Степаныч. – Эти твои радужные ничего толком не сказали.

– Они не знают, – без зазрения совести сдала одних работодателей другому Надежда. Чудачка испытывала неизъяснимое облегчение от того, что ее не считают безумной и, кажется, собираются помочь. – Только признаваться в таком очень не любят. Зато средство для уничтожения клеща найти обязательно постараются.

– Увидеть эту дрянь можно в каком-нибудь инфракрасном свете или иным способом, как считаешь? – подал голос Вадим.

В отличие от Степаныча мужчина остался в кресле и теперь напряженно размышлял, потирая пальцами левой руки костяшки правой.

– Нет, вы его точно разглядеть не сможете, пока мир держится, – досадливо вздохнула Надя, снова переводя транслируемые вместе с речью Сил образы в понятные слова. – Он ведь не на Земле прячется, а между нитями мира, ими прикрывается, как паук паутиной. Я, наверное, смогу, если окажусь близко... Ой! Опять!

Надюшка вздрогнула за несколько секунд до того, как еще один очень слабый толчок потряс город.

– Ты же сказала, пока не будет трясти? – насторожился Степаныч.

– Это отголоски. Перекушенная нить окончательно порвалась. А тварь сейчас вроде как затихла, переваривает высосанную энергию, – пояснила девушка. – Но как искать клеща изнутри нашего мира, я пока не знаю.

– М-да, тут Алису и Гугл не спросишь, – проворчал шеф и вздрогнул, когда в дверь приемной заколотили кулаком вместо того, чтобы открыть или тактично постучаться.

– Кому там жить надоело? – рявкнул Степаныч, привычно переключаясь на начальственный ор.

– Геннадий Степанович, у вас все в порядке? – раздался в ответ встревоженный голос зама. – Сотовый не берет, внутреннюю АТС в доме вырубил.

– В норме, – рявкнул босс в ответ, слезил в карман и задумчиво хмыкнул, изучая совершенно черный, не подающий признаков жизни экран дорожного средства связи. На попытки реанимации оно не реагировало, оставаясь лишь средством понтования и экстренной защиты. Стукнуть им по чьей-нибудь башке все еще было можно.

Надя глянула на МФУ в уголке и цокнула языком. Веселого зеленого огонька на панели не теплилось. Да что там зеленого, даже оранжевого на пилоте под столом не горело. Кажется, визит Двадцати и Одной на огонек к посвященной потушил все огоньки техники в помещении и изрядно навредил прочим приборам в здании.

– Тут к вам Красильников на встречу подъехал. – Голос заместителя звучал несколько растерянно. Как правило, ездили к Красильникову, да еще предварительно изрядно потрепав себе нервы при достижении предварительных договоренностей о визите. Того, кого ему видеть не желалось, Виктор Леонидович умел отсекал от своей персоны мастерски. А такого, чтобы он лично соизволил к кому-то прибыть, – отродясь не бывало.

– Ты чего перетрухал-то, Леня? – машинально переспросил Степаныч, отпирая дверь.

– Он с Шельгой приехал. Похоже, что-то серьезное, – уточнил зам, нервно поправив оправу очков.

– С Дмитрием? – вырвалось у удивленной Нади.

– Ты его знаешь? – резко развернулся и прищурился шеф.

– Да. Они с моей мамой заявление в ЗАГС подавать собираются, – кивнула девушка.

Ляпнуть о том, что это она свела Дмитрия с собственной родительницей и Шельга лично вытаскивал бедовую девицу из пары передрыг, Надя не могла, потому что тогда пришлось бы рассказывать про запутавшегося похитителя девиц и мертвого маньяка.

– Ни черта лысого не понимаю, но зови всех в кабинет, Леня. Остальной народ по домам отпускай и сам уезжай. Какая уж тут работа, одни сплетни и волнение. Только Бомбошкина задержи, пусть со связью и техникой разберется. Надя, чай-кофе сделаешь? – распорядился Степаныч, понимая, что, грозит миру падение в тартарары или не грозит, а посылать Красильникова на хутор бабочек ловить – не выход, а скорее вход в глубокую и темную... Ага, на букву «з».

Девушка кивнула и поспешила к столику, чтобы ткнуть кнопку чайника. На счастье всех, старый надежный прибор, подумав тройку секунд, зашумел, согревая воду. Кофемашина, похоже, взревновала к коллеге, тоже включилась, подмигнув голубым экраном.

Зато прочая офисная техника упрямо продолжала забастовку. Возможно, ее стоило включить и выключить разок, другой, третий. Ну или вызвать Бомбошкина. Пусть возится и проверяет, что, где и почему вышло из строя. Если исправит, премию выписать. Хотя сейчас пусть лучше АТС чинит, а все прочее после Красильникова.

Эти простые мысли немного отвлекли Геннадия Степановича от мозголомных соображений о надвигающейся мистической катастрофе. Он даже сподобился изобразить на морде лица подобие деловитого внимания. На улыбку ни сил, ни желания не осталось.

Красильников и Шельга явились в приемную быстро. Словно не поднимались по лестнице неспешно, а бежали бегом. Дмитрий первым делом нашел взглядом Надежду. Та ответила виноватым пожатием плеч. Далее молчаливый диалог не продлился, потому что охранник узрел на столике у кресел позабытую в ходе переговоров с Двадцатью и Одной злополучную картинку. Багровый клещ во всей своей красе.

Красильников мигом отследил направление взгляда своего начальника охраны и заметно приободрился. Какую бы самодовольно-деловитую мину ни строил бизнесмен, а вот так нагло заявиться в чужой офис только потому, что туда собрался ринуться личный бодигард, хмуро цедящий что-то о сверхъестественных способностях уже знакомой девицы, кошмарах, землетрясении и отсутствии связи – это для Виктора Леонидовича выглядело почти как безумие.

Впрочем, и для того, чтобы Митенька раскололся после первых двух толчков, встревоженному боссу понадобилось изрядно поднажать на нестигаемого мужика. Нажал, охренел, но думал над информацией недолго, решил действовать. Подобные совпадения просто так не случаются, да и чутье орало удачливому бизнесмену в оба уха, что на странную девицу что-то крепко завязано помимо мистической хреновины. Потому решил Красильников разобраться со всеми этими непонятками на месте. Сочтут дураком – пусть, но упустить нечто важное он не хотел категорически.

– Приветствую, господа, – получив в руки чашку крепкого кофе, с места в карьер начал гость. – Все мы очно или заочно знакомы. Предлагаю без лишнего политеса перейти к сути проблемы. Митенька мой крепко уверен, что ваша милая девочка Надя знает, что к чему с этим стихийным бедствием. А я своему Митеньке привык верить больше, чем себе.

Практичный бизнесмен мог подумать всякое, к примеру: милая чудная девушка научилась прогнозировать стихийные бедствия, следовательно, стоит выяснить насчет перспектив и необходимости эвакуации. Но трезвые расчеты сбываются отнюдь не всегда, точно так же, как мечты.

– Наша милая девочка, – проворчал Степаныч, – такое знает, что волосы готовы не только дыбом встать, а и вовсе выпадать.

Судя по лысеющей шевелюре шефа, за свою жизнь он выслушал от ассистентки немало сногшибательных откровений. О том, кажется, подумал и не блещущий шевелюрой Красильников. Геннадий Степанович переглянулся с другом, чья прическа была

побогаче. Вадим выдал неопределенное пожатие плеч. Сам-то до конца во все поверить не мог, куда уж посторонних убеждать. Но радужные эти вопили, и земля тряслась по-настоящему. Такое с пьяни не покажется, да и нанюхаться до такого не у каждого торчка выйдет.

Красильников сделал маленький глоток кофе и изобразил вежливое внимание вместо едва сдерживаемых нетерпения и страха. А как без него, родимого, если трясет и не пойми что творится?

– Тут такое дело, Виктор Леонидыч, – крикнул Степаныч, начиная беседу, – что без пол-литра не разберешь и не поверишь. И не кофе я имею в виду. Про землетрясения, угадал ты, Надюшка кое-что знает. И мы теперь тоже. Только как тебе такое объяснить, ума не приложу.

– Что значит – не хотите тревожить? – раздался откуда-то со стороны сварливый мужской голос, в котором за раздражением отчетливо слышалась неподдельная тревога. – Дайте мне с вашей посвященной переговорить, о Великие! Девочка небось ни жива ни мертва от страха, а вы сбежали, объявив о высоком доверии! Сейчас же дайте поговорить, или, как уже сказал, в Суд Сил не буду послания составлять и к демонам драным пошлю вашу охрану! Обойдусь!

Пока мужчина вещал, пространство снова наполнилось радугами, пошло яркой волной, и прямо у стойки ресепшена появилось изображение. Поначалу дергающееся и перебиваемое рябью, как от плохонького проектора. Но спустя пяток секунд картинка утвердилась в реальности окончательно. Оказалась она размером с хорошую простыню от полутораспальной кровати.

Перед вытаращившими глаза и потерявшими в очередной раз дар речи людьми предстал чуть полноватый растрепанный мужчина средних лет с повязкой на голове.

Узкие штаны с мягкими полусапожками, рубаха, короткий жилет на раздраженно вещающем ораторе, который прохаживался перед громадным письменным столом с кучей бумаг, ничуть не напоминали деловой костюм. Скорее уж пахивали чем-то средневековым, но в ту пору о столь тонкой выделке и отделке ткани и кожи оставалось только мечтать. Впрочем, на актера этот тип тоже не походил.

– Дарсен! – обрадованно вскрикнула Надя, прерывая монолог и хождения.

– О, заклинание связи наладили, – резко развернулся на голос законник. – Как ты?

– Пока все хорошо, – отчиталась девушка, с облегчением оценивая вид, запах, цвета собеседника. Виндер действительно был почти здоров и деятелен. Если уж всякое уважение к Двадцати и Одной отбросил и нагло взялся их шантажировать, так точно выживет. Убивать, точнее, добывать молнией прогневавшего их смертного, тем паче столь полезного смертного, и сразу после его спасения – Силы точно не станут. Это только древние боги, если судить по мифам, были скоры на расправу. Впрочем, информация, переданная Силами, подсказывала, что не только древние, не только боги и не только на Земле.

Еще раз осмотрев коллегу и признав его достаточно здоровым для обсуждения серьезных проблем, Надежда поведала о возникших трудностях:

– Я пока не могу сообразить, как искать клеща, прогрызающего нити ткани мира.

– Эт-то что за шутки юмора? – ткнув пухлым пальцем в экран наконец разродился гениальным вопросом Красильников. Он подпрыгнул из кресла, добежал до экрана и потыкал в него пальцем. Экран рябью не пошел и никаких искажений не дал. Никакому невидимому проектору трансляцию изображения не перекрыл. Конечность прошла изображение насквозь и тоже осталась цела.

– Эт-то что за пузанчики? – в тон бизнесмену отреагировал Дарсен, поворачиваясь анфас к зрителям и в свою очередь окидывая их скептическим взглядом человека, который сумел за каких-то несколько лун сбросить лишний вес, избавиться от алкогольной зависимости и вообще отыскать новый смысл в старой потрепанной жизни. – Надежда, больше никого для помощи отыскать не получилось? Один еще худо-бедно на боевого

мага похож, а эти-то трое куда полезли?

– Дарсен, я тебе уже говорила, у нас в мире ни явной магии, ни боевых магов нет.

– Так это у тебя тогда совет знатоков-недоучек? – еще разок удивился Виндер, пока Красильников пытался догадаться, откуда идет трансляция.

– А мне по фигу метель! Хоть совещание, хоть совет в Филях! Отвянь, приставай! Где Надюха? Телефон молчит! – раздалось из-за неплотно прикрытой двери в приемную.

– Любка, – растерянно выдохнула девушка, когда на пороге кабинета возникла чуть потрепанная, но не спасовавшая перед жизненными невзгодами и охранником-вохровцем, пытавшимся ее остановить, подруга.

Степаныч сделал мах рукой, и вохровец с невыразимым облегчением в глазах исчез с горизонта. Землетрясение явно казалось мужику проблемой помельче неукротимой девицы.

– Привет, Надюха! Ой, простите, но я так за нее волновалась... Землетрясение это, связи никакой! Мои-то целы, еще с работы всех отпустили. Если уж где пришибет, то компенсацию никому не будут выплачивать! Вот и уговорила Стасика меня до тебя подбросить! – затараторила лучшая подруга, стараясь вывалить побольше информации, пока ее не выставили за дверь.

– Что, еще одна недоделанная магичка? И тоже тощая. У вас что, девоньки, мужики всю еду отбирают? – удивленно цокнул языком Дарсен.

– Чего это я тощая, у меня все на месте! – сразу вскинулась Любка. – И кто у меня чего отберет, тот дня не проживет!

– Ша, мыши. К делу давайте, а то собачиться до тех пор будем, пока апокалипсис не грянет и за ж... – Степаныч виновато покосился на Надю и поправился: – за филей не прихватит. Виктор Леонидович, хочешь верь, хочешь не верь, мы и сами с трудом верим, а только походу всему глобальный трындец вскорости наступит, если вот она, – Геннадий Степанович кивком головы указал на Надежду, – не отыщет какую-то тварь, которая это безобразие устраивает. То, что пару раз тряхнуло, – это цветики, ягодки грядут.

– Только она? – машинально удивился Красильников, отступая наконец от «экрана», не подававшегося на провокации и проверки.

– А то ж! Насколько я Великих понял, она для всех вас Последняя Надежда! Только ее талант и может пригодиться! – горько хохотнул Дарсен, привычно поискал глазами бокал и снова вернулся к беседе при молчаливом присутствии затаившихся Сил. – Кончайте собачиться о ерунде и мозгите, как поиск в вашем мире организовать, чтобы талант Надежды для того применить.

Степаныч, собрав свежую информацию в кучу, коротко объяснил всем собравшимся в кабинете, что именно, по словам Сил, происходит и чем оно чревато. По рукам снова пошел корявенький, но от этого почему-то кажущийся еще более страшным, цветной Надькин рисунок. Любка тем временем, сообразив, что ее прямо сейчас никто выставлять не собирается, бочком-бочком добралась до свободного кресла и пристроилась там, будто так и надо.

– Значит, как в сказках, пойдешь туда, не знаю куда, найди то, не знаю что? – крикнул Дмитрий, почесав старый шрам. – Так шарик у нас немаленький, его запросто не осмотришь даже с самолета или из космоса.

– Он рядом, близко. Паразита манит сила Плетущей Мироздание, как огонь мотылька в ночи, – подали голос Силы, проявляясь сиянием всех оттенков, окрасивших кабинет в цвета мечты токсикомана.

Красильников вздрогнул и предпочел попятиться к креслу, где пил кофе до того, как ринулся изучать развернутое изображение законника Дарсена.

Глава 23

Ценные указания

– Рядом? Радиус в километрах обозначить можете? – сразу стал определяться с конкретикой Шельга, наплевав на то, что ведет переговоры с живой радугой.

– Вы называете это областью, – помедлив доли секунд ради знакомства с местными единицами измерения, провозгласили Двадцать и Одна. – Мы полагаем, чудовище стоит искать в этих пределах.

– Уже что-то, – загнул палец Дмитрий. – Инфракрасный бинокль, радар, сонар, счетчик Гейгера, что из этого способно уловить излучение твари?

– Мы не знаем, как сопоставить ваши приборы и силу твари, таящейся на изнанке ткани мира. Дарсен изрек правду! Если тварь в вашем мире по силам кому-то сыскать, то лишь нашей избраннице.

– Слушай, воин, обычное оружие урбомиров на тварей из Межуровня никогда не действовало. Значит, и приборы ваши не сработают, даже если сумеете вы их настроить так, чтобы они не мир изнутри обзревали, а наружу выглядывали, – вмешался с подсказкой законник. – Магии у вас здесь слезы мышьиные, но что-то же есть, иначе бы дар Надежды не проснулся вовсе. Значит, ищите теми методами, какими у вас поиск в древние времена вели.

– Игла на воде, лоза в руке, гадание на кофейной гуще? – хмыкнул Вадим, крутя в пальцах пустую чашку из-под любимого напитка. Его дражайшая женушка одно время увлекалась всяческой дребеденью и задолба... замусорила мозги мужу.

– Ты сказал, – почти одобрительно кивнул Дарсен, одарив лощеного хлыща удивленным взглядом.

– Я никогда не гадала, – неуверенно пожала плечами Надя, но немного оживилась, радуясь уже тому, что вопрос поиска обрел хоть какие-то пространственные рамки и варианты решения. Да, странные, почти нелепые, так ведь она и сама никогда образцом логики и здравомыслия, с точки зрения окружающих, не являлась. Только цвет и запах вариантов, предложенных Вадимом, ей не понравились. Слишком смутно и невкусно.

– Еще эти... экстрасенсы по фотографии ищут, – припомнил Красильников старую байку, которой никогда не верил. Он и ничему другому из того, что пощупать руками и увидеть глазами нельзя, никогда не верил, однако же сидел тут сейчас, смотрел на всякое и слушал небывальщину, потому что своему чутью финансист привык доверять. А оно просто вопило: здесь и сейчас решается все. Не лично для него, а вообще все.

– У нас нет фотографий, только картинка твари Надина, – досадливо вставил Степаныч.

– Я не смогу протянуть нить от нее к клещу, – замотала головой чудачка, рефлекторно съезжившись. – К нему вообще нельзя нити тянуть! Никакие!

При одной мысли о подобной попытке девушку буквально выворачивало, а от слов Красильникова про поиск по фотографии и вовсе пахнуло грязным сортиром с примесью оранжевой тины.

– Не вздумай, посвященная, – сиреной взревели Силы. – Мы о живом и мертвом тебя предостерегали. Нить же, к твари протянутая, рикошетом ударит по Плетущей стократ сильнее.

– То есть напрямую искать чудовище тоже опасно, значит, Наде надо найти место, где оно сидит, но не спугнуть, – подвел промежуточный итог импровизированного совещания практичный Шельга.

– А еще можно карты разложить, – подала голос Любка, в свете прочих предложений посчитав свою идею не самой глупой.

– Ага, района. Порезать на куски и вперед! – горько хохотнул Степаныч, так же, как

Красильников, не признававший мистических бредней.

– Ой, правда, Геннадий Степанович? Я бы попробовала, – распрямилась в кресле Надя. От предложения шефа повеяло ментолом и яркой зеленью надежды.

– Гм, где у нас карта области в самом мелком масштабе? – почесал лоб начальник, припоминая запасы в закромах офиса и жалея, что завхоз в числе прочих сотрудников уже отпущен домой.

– В «Буквице» на Ленина, – бодро подсказала Любаша. – Я братцу контурные карты к сентябрю покупала, видела раскладушку! Метра на три точно потянет! К юбилею города печатали. На плотной глянцевой бумаге, подробная и дорогущая, зараза!

– Я съезжу, – пружинисто подхватился с места Дмитрий.

Здравых, впрочем, как и бредовых советов по части гаданий он точно никому дать не мог. Специалистов, способных проконсультировать, тоже не знал, а потому предпочел действовать.

– Заодно глянь, может, какие книги по этой мистической мути найдутся. Пусть Надя полистает, идеи соберет, – согласился с предложением Красильников. – Бери все, что есть, расходы компенсирую. Если в литературе нужного не отыщем, придется привлекать практикующих. Все газеты объявлениями полны. Только не верю я этим жуликам...

– Наличку прихвати, в книжном могла система платежей повиснуть, сейчас гляну, что у меня есть, – подсказал Вадим и полез в свой бумажник.

Виктор Леонидович тоже принялся шарить по карманам. Первым выложил на столик смартфон и машинально мазнул пальцем. Экран не посветлел. Для проверки Красильников снова повозил подушечкой по стеклу с прежним результатом. Черный мертвый экран дорогущего гаджета не изменился.

– Не работает! – растерялся бизнесмен, безуспешно потыкав во все имеющиеся кнопки по бокам.

– Что ты хотел? – понимающе усмехнулся Дарсен, беседовавший за время своего вынужденного безделья в койке с Силами и вытянувший из них немало информации. – В присутствии могущественных богов и любых Сил, не говоря уж о Великих Двадцати и Одной, всякая техника сложнее механических часов портится. Потому нет у Сил желания сюда соваться, да и доступа в урбанизированные миры зачастую нет. Само строение измерения противоречит их сути. Но коль Силы сейчас смогли проявиться, значит, дела у вас и в самом деле хреново идут.

Всплеск радужного сияния энергетических созданий и озадаченное молчание живых (не считая же содержательным ответом Любкин комментарий «Охренеть, упасть, не встать!») стали реакцией на спич законника. Тот продолжил:

– Прощения я во все инстанции написал, ответа ждем. Твоя задача – с поиском клеща разбираться, Надежда. Тут Великие правы, помощи не ждите. Совета не у кого спрашивать, уже разок у жрецов спросили, теперь от покушений отмахаться не можем.

– Мы же не знали, – виновато завздохали Двадцать и Одна, рассыпая печальные лиловые радуги.

– Что люди, будь они хоть сто раз жрецы, везде одинаковы и за крохи власти любого конкурента в иную инкарнацию вгонят? – ядовито уточнил преисполненный нервного злого возбуждения юрист. – На могилке Надькиной скажете, на руинах ее мира, если не получится тварь прищучить. Стандартная эпитафия получилась. Люди ее часто бормочут. «Мы не знали!»

– Не надо больше, Дарсен, им больно, – попросила Надежда, реагируя на подрагивание радужной энергии и запах подкисшего клубничного компота.

– А тебе? Весело будет на развалинах очутиться, если уцелеть в катастрофе получится? – почти оскалился законник, дернув шнуровку рубашки на горле.

– Нет, конечно. Спасибо за помощь с посланиями, – поблагодарила Надя.

– Не за что, выживи только, девочка! – сдурлся проколотым шариком Дарсен, растеряв большую часть своей агрессивности, и потер виски. За кадром осталось невысказанное: «Хоть ты выживи. Я больше не хочу провожать! Те ушли, и пусть видеть их могу, но не мои они уже, а тебя такую терять не желаю!»

– Минуточку, – вставил прислушивающийся к странной беседе Красильников. – Вы хотите сказать, что явление чудовища, угрожающего нашему миру, не случайность и оно имеет некое отношение к Надежде?

– О том и речь, – буркнул Дарсен. – Ты возмущенно-то не пыхти. Ясное дело, клеща на мир нацелили, чтобы с избранницей Сил надежно покончить. Но злодейство уже свершилось, время вспять не повернуть. И клещ не стрела закаятая, которая в цель летит, пока сердце жертвы бьется. Хоть заклятие смертного сна на Надю бросай, хоть в камень обращай, уж ничто не имеет значения. Гадина жрать начала.

– То есть этот клещ не боеголовка с механизмом многократного самонаведения: прилип, жрет, и все? – хмыкнул Вадим. – И пусть на Землю его потому приманили, что тут Надюшка живет, теперь это не важно.

– Как это не важно? – возмутились Двадцать и Одна. – Лишь нашей избранной по силам отыскать тварь, таящуюся в ткани мира.

– Одним словом, ваша задача – помочь отыскать гадину изнутри. Как с ней покончить снаружи – разберутся другие. А вам, о Великие, хоть все ячейки ИК придется перетряхнуть, а надо найти виновных.

На Надежду, услышавшую известие, что она косвенно виновата в угрозе, нависшей над родным миром, было больно смотреть. Ее радостная жажда видеть чудо обернулась великой бедой.

Что удивительно, первыми недоброе учуяли Силы Двадцати и Одной и поступили удивительно мудро. Они изрекли не для своей причудливой избранницы, а для всех:

– То, что бедой кажется, удачей порой оборачивается. Закрытые технические миры структурой плетения своего некрепки. У вашего нити уже истончались. Учащение катастроф стихийных – первый признак. Потому так охотно клещ, как любой паразит, на добычу польстился. Если он обнаружен и уничтожен будет, мы запрос об укреплении плетения мира после ущерба, нанесенного тварью, подать сможем. Разорванное, растянутое, ослабленное снова сплетется!

– То есть наше арендаторское дело дератизацию провести, а капремонт за счет владельцев жилья пойдет, – задумчиво буркнул Степаныч и потрепал поникшую ассистентку по худенькому плечу. – Не дрейфь, Надюха, прорвемся!

– Правда, Надюх, ты-то ни в чем не виновата! – почти агрессивно – только попробуй кто скажи иное, ногами запиная! – поддержала подругу Любка.

– Делай, что должно, и будь что будет, – констатировал Дмитрий.

– Серебряные слова, воин, – уважительно склонил голову Дарсен.

– Дмитрий, можно я с тобой в книжный поеду? – отбрасывая вину, скорбь и сожаления, попросила Надежда. Сейчас не время для пустых страданий! Захотят упрекать потом – пусть, а пока девушка заразилась жаждой деятельности иномирного напарника.

Несмотря ни на что, она не утратила собственной аномальной веры в благополучный исход. Что бы ни происходило, светлая радость от присутствия Сил не утихала. Чудо было рядом, чудо было с ней, и все вокруг тоже было чудом! А значит, все должно получиться!

– Так, господа и дамы, поддерживаю Вадима Георгиевича, карты к оплате могут не приниматься, с электричеством по городу проблемы, – наконец пришел в себя после похорон средства связи, истории наводки клеща и странных речей незнакомцев Красильников. – Потому посмотрим, у кого какая мелочь наличкой имеется.

В свой карман, надо отдать ему должное, бизнесмен тоже полез и выгреб из бумажника несколько купюр. Его примеру последовала даже Любка. Налички у девушки оказалась даже больше, чем у Степаныча. Тот все больше картами расплачивался, потому не таскал купюр.

– Поехали, – согласился с просьбой девушки Шельга. – Если считаешь, что лишним не будет.

Надежда с довольной улыбкой вспорхнула из рабочего кресла. А Степаныч тут же звучно хлопнул себя пятерней по лбу:

– Вспомнил! Знаю, куда старые карты в офисе запихнули после ремонта. Вы езжайте за покупками, а мы достанем из архива те, что найдем. Пошли, Вадь, там лестницу тащить надо и держать, она до конца не раскладывается, проем узковат. В прошлый раз все рулоны на верхнюю полку загоняли за ненадобностью. Ладно хоть в помойку не отправили.

Любка тоже подхватила с места, оставаться с нервными мужиками и шарить по пыльным полкам ей не светило:

– И я с вами! Меня Стасик довезет!

Дмитрий только рукой махнул. Пусть с этой чумовой девкой Стас сам трепыхается. Будет мешать, утихомирить недолго. Узлы вязать и кляпы вставлять они все умеют.

Город, взбудораженный несильными толчками землетрясения, бурлил, гудел, сплетничал и волновался. В изобилии носились по улицам «скорые» и пожарные машины, хорошо еще не всегда с включенными сиренами и мигалками.

Но в «Буквице», на стоянку перед которой припарковались внедорожник Дмитрия и «хонда» Стаса, царили тишь, гладь и скука. Средством первой необходимости литературу никто не числил.

Две девушки – медно-рыжая толстушка и блондинистая худышка в полном одиночестве листали новый гламурный журнал и вяло сплетничали. Посетителей встретили заранее заготовленным и, скорее всего, уже пару раз выданным сегодня клиентам, спичем:

– Добрый день! А у нас электричества нет, касса не работает. Мы звонили, сказали, авария на подстанции, к вечеру наладят.

– О блин! – непосредственно выпалила Любка. – Что за день! Как захочешь срочно в магазине пару десятков тысяч оставить, так он не работает!

– Э-э-э, – потянули девушки, переглянулись, осторожно уточнили: – А вам чек кассовый обязательно нужен или товарного достаточно будет?

– Товарного хватит, – одобрительно хмыкнув – не зря бойкую девку взяли! – согласился Дмитрий и кратко изложил список запросов. Он бы и вовсе без чека сработал, но с товарным и перед шефом, случись чего, отчитываться проще.

Ничего не понимающий Стас хранил вид шкафа на выезде и сумрачно молчал, производя впечатление значительности. Любка поглядывала на него с умилением собственницы.

Остальная компания углубилась в изучение бумажной продукции, которую принялись таскать на прилавок девушки, простимулированные небрежной фразой про «пару десятков тысяч».

Глянцевую роскошную карту-раскладушку, наштампованную к юбилею, взяли в первую очередь. Потом бегло изучали макулатуру, которую щедро валили на прилавок продавщицы. И если Любка еще пыталась изображать деятельный интерес к «Тысяче заговоров на каждый день» и «Тайнам приворота», то на Дмитрия со Стасом одни названия почище любого отворота вкупе с рвотным подействовали. Отшатнулись едва ли не к стене и замерли.

Что самое неприятное, такое же действие книги оказали и на Надежду. Она только

морщила носик и отводила глаза от очередного сокровища по части мистики. Не то, воняет, бесполезно...

– Может, сама по магазину пройдешься? – от безнадежности выдвинул альтернативный вариант Дмитрий.

Надя только легонько вздохнула и двинулась к шкафам. Полуприкрыв глаза, девушка потянула носиком, пытаясь уловить ниточку нужного аромата, а из-под полуприкрытых век увидеть приятный проблеск желанного света.

Продавщицы хлопали густо накрашенными ресничками, но с дурацкими вопросами не лезли и вообще не вмешивались. Если клиент платит, пусть ищет как хочет, хоть колесом по магазину ходит, хоть по потолку, корешки на зуб попробует и страницы лижет. А что, вполне себе приличная технология выбора! Мама Вера до сих пор со смехом вспоминала, как сама отрывала и засовывала в рот уголки страничек особо интересных книг. Правда, делала ли это машинально, увлекшись историей, или они ей и правда казались необыкновенно вкусными, сказать не могла.

Надя шла по магазину, почему-то вспоминая эти душевные беседы с мамой на окололитературные темы, и пыталась заметить на полках хоть что-нибудь нужное. Но пока ничего не находилось. Девушка уже замедлила шаг до черепашьего, скользя взглядом по полкам, и не успела отреагировать, когда сверху послышалось «хр-р-крак», и пулей у виска просвистела, тяжело бухнувшись на пол, громадная толстая книга. Рядом, задетая товаркой в полете, шлепнулась гораздо более мелкая книжка в мягком переплете.

– Ой, полка сломалась! – взвизгнула толстенная рыжуха.

– Хорошо, что я не сломалась под силой печатного слова, – задумчиво прокомментировала Надежда происшествие.

Не дожидаясь, пока продавщицы раскачаются, девушка нагнулась, чтобы поднять обе книги, и удивленно распахнула глаза. Она уловила первый проблеск золотой искорки.

Сказки? Ответ надо искать в них? Большая, ярко оформленная книга, тяжесть которой не выдержала полка, оказалась сборником русских народных сказок. На обложке по темному лесу бежал за волшебным клубочком Иван-царевич лихо-придурковатого вида в сбитой набекрень красной шапке. Нужным цветом пахла только сама обложка, но не страницы книги.

Растерянная чудачка положила сказки на полку и нагнулась за второй книгой. Уловила еще один не столь яркий отблеск нежно-голубого оттенка. Светилась и пахла, как молодая трава по весне, книжка «Паутинка Шарлотты». И снова цвет вместе с запахом относился лишь к обложке.

Беспомощно пожав узкими плечиками, Надя ткнула в обе книги пальцами и шепотом поделилась со спутниками:

– Не сказки внутри, а обложки чем-то могут помочь. Только я пока не знаю чем.

– Больше ничего не пригодится? – уточнил Дмитрий, не выставя претензий к специфичному выбору.

Девушка покосилась на тошнотворные книжки – запах сбежавшего молока и прокисшего супа, исходящий от мистической груды, был очевиден – и покачала головой.

– Значит, берем эти! – объявил Шельга. – Девчата, рассчитайте, пожалуйста!

Любка, между прочим, почти не ошиблась со своим дерзким заявлением о масштабных тратах. Сборник сказок, так же, как карта, оказался сувенирным и потянул вместе с прочими покупками как раз на десяток тысяч.

В офисе, пока шла охота за книжными сокровищами, жизнь не стояла на месте. Под руководством Степаныча Вадим и Красильников откопали в архиве несколько карт области и застелили ими пол в кабинете.

Наде осталось только вооружиться ножницами и раскроить глянцевую карту на более мелкие участки. Чем она и занималась втихую, пока мужчины по обеим сторонам по-прежнему работающего заклинания связи озадаченно рассматривали книжки со сказками.

– Надь, больше ничего полезного не было? – хмуро уточнил Степаныч, оторвавшись от изучения красочной обложки с придурковатым Иваном-царевичем, умнее которого он себя сейчас не ощущал.

Надя закончила нарез карты местности на аккуратные прямоугольники и виновато улыбнулась:

– Нет. Все неправильного цвета и не так пахнет. У обложек нить правильного запаха, но я пока не вижу связи картинок и того, как их применить...

– Насчет паутины ничего не скажу, я с заклятиями пауков не знаком. Но «путевой клубок» – вполне обычные чары, – непонимающе пожал плечами Дарсен, в свою очередь не способный уяснить, что именно озадачило остальных. – Аккуратные, объекта поиска не затрагивают напрямую, только направление указывают.

– Так это... – крикнул Степаныч, похлопывая себя по многочисленным кармашкам жилета. – У нас это только сказка, мужик, нет ни клубков таких, ни чар. Надька ни за Бабу-ягу, ни за Василису Премудрую не сыграет. Брось любой клубок на землю, и дальше того пинка, какой ему дашь, он не покатится.

– А если тот клубок бросать на карты? – брякнула Любка.

– Не то, по-другому что-то нужно делать, – перебирая нарезку из общей карты области, снова пожал плечиками Надя, пытаясь интуитивно понять, куда ведет ее ниточка причудливых ассоциаций.

Паутинка и клубок на обложке – все из нитей, из всего может быть свит узор, все может стать путеводной нитью или ловушкой... Или все эти рисунки вообще ничего не значат для поиска клеща и важны сами по себе только для нее, Нади, из-за странного, несбывшегося предназначения?

Девушка отложила книги и снова взялась за карту. Пальчики скользили по фрагментам, пытаясь нащупать хоть что-нибудь. В голове мелькали образы из массива информации, доставшегося от Сил при знакомстве с единым архивом. Слишком много в нем было данных, вдобавок большая их часть относилась к вопросам глобального устройства Вселенной, никак не применимым к мелкой проблеме поиска внутри мира. Приходилось листать каталог постранично и вручную в надежде нащупать хоть что-нибудь о магии, доступной в рамках технического мира. Решив подойти к вопросу системно, Надя попробовала поискать по тому самому цвету и вкусу, который возникал при взгляде на книжки и карту. И удивленно ойкнула, нащупав подсказку.

– Ну? – нетерпеливо выпалила Любка, пока остальные давились кофе. – Получилось?

– Я смогу отсортировать участки карты с местностью, близ которой прячется клещ, – объявила девушка. Они щиплют пальцы.

– Действуй, – азартно велел Дарсен, синхронно прищелкнув пальцами на правой и левой руках. – Уже что-то!

Надя взялась за работу. Потянулась томительная для ожидающих треть часа. В процессе отбора Надюшка не только оглаживала и разглядывала порезанные кусочки, но и ползала прямо на коленках по разложенным на полу картам. И все-таки первые результаты появились!

Шесть фрагментов-кусков почти полностью совпадали с областью на двух картах, которые для чистоты эксперимента обводили на географической лично Степаныч, а на экономической Дмитрий. Красильников, сославшийся на больные суставы, и Вадим, отговорившийся кривыми, негодными для черчения руками, – ползать по полу с карандашом отказались категорически. Зато на третью карту, разложенную на столе, результат общих усилий с удивительной четкостью перенес именно Виктор Леонидович, для чего лишь глянул на две напольные и быстро начертил.

Глава 24

Практика магического поиска для технического мира

Теперь все сгрудились вокруг стола совещаний с картой, где мерзкой амёбой был отмечен участок, занятый клещом на изнанке.

– Что дальше, Надь? – по праву начальника уточнил Степаныч.

– Я не уверена. Увидеть мы его не можем, – прикусила губу девушка. – Но если нельзя увидеть и нащупать, то, может быть, так же как на карте, сделать получится. То есть очертить более узкий участок. Если протянуть нити...

– Нельзя! Опасно! Ты повредишь свою душу! – взвыли сиреной затаившиеся было Двадцать и Одна в двадцать и одну глотку так мощно, что от шумового удара пострадали все смертные по обе стороны от экрана.

– Эй, полегче, о Великие! – утирая платком закапавшую из носа кровь, прошипел Дарсен. – А не то вы всех нас заодно с избранницей угробите без участия клеща. Думается мне, Надежда нечто иное предложить собиралась.

– Клубок и паутинка, – беспомощно улыбнулась Надя. – Может, глупость, но клещ сам себе навредил, порвав несколько нитей мира. Крохотный допуск для магии поиска дал. Я колдовать не умею и никогда не научусь, но если я раздам ниточки от одного клубка нескольким людям и попробую протянуть свои нити к ним, находящимся вблизи клеща, если я свяжу из этих ниточек единую паутинку, то не получится ли точно нащупать место, куда нужно будет бить извне?

– Насколько опасно людям находиться вблизи места, где окопался клещ? – уточнил Дмитрий.

– Мы уже рекли! Клещ не властен поразить живых, только ткань мира. Он инстинктивно реагирует на угрозу. Если Надежда заденет его своей нитью поиска, то демон может начать рвать ткань мира не для насыщения, а в панике, бесконтрольно. Но если нити будут связаны лишь с живыми и клеща не коснутся... – Силы призадумались.

– Насколько эта тварь разумна? – задал вопрос Вадим.

– Клещ – демон-паразит с инстинктами животного. Не разумнее обычного клеща, пусть и опаснее тысячекратно, – ответили Двадцать и Одна, окончательно признав-таки за смертными-непосвященными право на участие в диалоге и получение ответов. Силы были готовы вести диалог хоть с теми же неразумными пауками, если это поможет их избранной и спасет структуру мира.

– Значит, паутина и клубок, – резюмировал Степаныч. – Надь, у тебя клубок-то здесь есть или опять в магазин мотнуться?

– Катушка с нитками есть, – уточнила Надя, не раз зашивавшая шефу распоротые ненароком на очередной стройке брюки, любимую жилетку или пиджак. – Не важно, клубок или катушка, важно, чтобы нить до того, как ее разделили, была одним целым и чтобы у меня оставалась основная часть. Такие заклинания в других мирах действуют, а здесь плетение чар заменяю своими нитями, которые наложу на нити настоящие.

– Путано звучит, – неуверенно оценил Красильников.

– Я не настоящая Плетущая Мироздание и совсем не экстрасенс, не ведьма, не маг-боевик, я по-другому сделать не сумею. Я не уверена, что у меня получится сделать даже это. Но если не попробую я, то больше все равно никто попробовать не сможет... – начала было честно объяснять Надя, отойдя от стола, и испуганно вскрикнула: – Опять начинается!

Через десять секунд дом снова содрогнулся от легкого толчка, и девушка едва удержалась на ногах. Большой стол, за который ухватились люди, помог всем устоять.

– Проголодалась, гадина? – сквозь зубы выдохнул Дмитрий.

- Пока сыта. Это как если бы человек конфетку в рот бросил, - идентифицировала характер толчка девушка.

- Сколько тебе нитей нужно минимально? - уточнил Красильников.

- Не меньше пяти, - сразу ответила девушка. - Шестой я буду.

- Я - один, - педантично начал подсчет Виктор Леонидович, - Геннадий Степанович - два, Вадим Георгиевич - три, Дмитрий - четыре, девушка, как вас там, Люба? - пять.

- Вы вместе с Дмитрием не сможете ехать, - нахмурилась Надя. - Чтобы натянулась сеть, нужно расстояние между нитями.

- Не проблема, вызову Василия, - отмахнулся Красильников.

- Если надо еще людей, можно по знакомым поискать, - предложил главной «колдунье, которая совсем не колдунья» Дмитрий. Жаль, среди таковых надежных людей при личном авто, сведущих в странностях Надюхи, было фиг сколько, да не до фига. Влад со своей ногой и прочно застрявшей в сервисе тачкой из обоймы выпадал по-любому.

- Не надо, хватит, наверное. Мало - плохо, но много - еще хуже. Я удержать не смогу, - отказалась девушка, пытаясь сообразить, как будет увязывать идеальный образ сети из воображения с катушкой темно-серых ниток, которыми зашивала банальные дырки на штанах.

- Как связь держать будем? Смартфоны-то у всех ек, - вставил Вадим, проверив еще разок свой заглохший гаджет.

- В прошлый раз, когда Силы ушли, они снова заработали, - неуверенно припомнила Надя, косясь на дивную радугу в кабинете. Рядом с Двадцатью и Одной ей было очень душевно комфортно, но ради дела...

- Значит, так, о Великие, - оперативно отреагировал Дарсен, запихивая остатки благоговения перед Силами в дальний угол. - Вы сейчас из мира своей посвященной отбываете на расстояние, достаточное, чтобы не создавать помех поиску, и в то же время доступное для зова. Проверьте пока, как наши петиции по инстанциям гуляют. Может, где и ответ уже нацарапали. Если отказ, так я за апелляцию немедленно возьмусь!

- Мы услышали тебя, законник. Надежда, мы удаляемся и ждем твоего зова, изреченного словом или мыслью через печать устремленного, если не в силах ты будешь позвать гласом! - с торжественной печалью провозгласили Силы Двадцати и Одной, вырубая трансляцию с места тайной отсидки Дарсена Виндера и испаряясь из мира Земля.

Танцующая радуга и картинка-окно в комнату другого мира исчезли. На несколько мгновений в рабочем кабинете Гаврилова воцарилась почти звенящая тишина. Нарушил ее задумчивый голос Вадима:

- Странно, пока они тут крутились, так тяжело было, будто бетонными плитами обкладывало, а теперь легче, но такое чувство, будто я что-то очень важное потерял.

- Чудо, - подсказала коммерсанту Надюшка, никакого дискомфорта от общества Двадцати и Одной не испытывавшая. Если, конечно, не считать неудачного эпизода закачки информации в первые минуты знакомства. Ей в обществе Сил было необыкновенно радостно, легко и уютно.

Красильников хмыкнул скорее задумчиво, чем протестуя. А Надя продолжила, пытаясь объяснить, как поняла ситуацию за счет переданной информации из ИК, личного общения с Силами и бесед с Дарсеном:

- Суть в разнице между миром Земли и другими, теми, куда свободно приходят Силы, их посланники, боги. В тех мирах тоже есть храмы, можно не только обратиться к богам или Силам, но и получить ответ. Мы привыкли жить иначе. У нас молитва - это духовный опыт, возвышение над собой, поиск ответов и гармонии во внутреннем диалоге с Богом в собственной душе. Это очень достойно и одновременно сложно. В других мирах проще: люди знают, что высшие есть, они рядом. Между богами, Силами и смертными

существует реальный, зримый, физический контакт, происходят внешние диалоги. Люди идут в храмы, как мы в полицию или больницу. Что из этого лучше или хуже – оценить сложно, у каждого мира свой путь. Но в тех мирах нет дикого, безрассудного страха смерти. Есть желание жить и опаска рано закончить свой путь, но ужаса нет, потому что там все видят реальность богов, Сил, душ, знают о том, что воздаяние за порог ухода так же реально, как бутерброд на завтрак.

– Ты-то откуда, Надюш, все узнать успела? – задумчиво протянул Степаныч.

– Мне в голову при устройстве к ним на работу сразу пачку учебников закачали, только распаковываются они постепенно, – адаптированно высказалась девушка и в ответ на тень сомнения в глазах людей пояснила: – Меня не обманывали. Я всегда знала и знаю, где правда, а где ложь. Мир значения не имеет.

– И про то, что ТАМ, ну я про после жизни, тоже знаешь? – выпалила любопытная Любка.

– У каждого свой путь, мы, уходя, создаем коридор из собственных мыслей. Но в итоге проводники в любом из миров одни – Служители Смерти, – отчиталась Надя, делясь новой порцией всплывших знаний. – Они определяют, куда мы двинемся дальше, в зависимости от цвета души и ее нужд.

– «И будешь баобабом тыщу лет...» – с задумчивым смешком процитировал Дмитрий песенку Высоцкого.

– Можно и баобабом, – согласилась Надя. – В мирах бывает очень многое, почти все. Я понимаю, вам с непривычки тяжело оказалось находиться рядом с Силами, но вы еще поняли, хоть ненадолго, пока Двадцать и Одна были тут, каково это, когда исчезает ужас перед неведомым и сменяется уверенностью в пути. С Силами всегда так. Они будут ждать и помогут, когда я позову. Нам же надо найти, где спрячется чудовище.

– Тогда кончаем философские разговоры и за работу, пока снова не потряхнуло, – распорядился Степаныч. – Тащи нитки, Надя!

Надюшка кивнула и метнулась в приемную за катушкой серых ниток. Они вместе с иголками лежали в верхнем ящике стола, в маленьком кошелечке.

– Вяжи давай, будем делать эту твою паутину, – приказал ассистентке босс.

Он справедливо посчитал, что всем стоит поторопиться, пока не стряслось еще что-нибудь. Вдруг явится с катастрофическими вестями какой-то очередной волшебный гонец, от одного проявления которого из строя выйдет не только офисная, а еще и вся колесная техника на стоянке? Босс первым засучил рукав водолазки и подставил широкое запястье.

Каждому будущему помощнику, считая длину на глазок и перекусывая нитку зубками, девушка отмерила и повязала на запястье нитяной тонкий браслетик в три оборота.

– Чего эмаль стираешь, ножницы в офисе кончились? – озаботился Дмитрий, следя за тем, как повязывает Надя нитку Красильникову.

– Так правильнее, – почти извинилась девушка, не вдаваясь в подробности несовместимости магии и хладного железа. Закончив с Виктором Леонидовичем, перешла к Любаше. Не по старшинству, весу в обществе или личной симпатии, просто потому, что она стояла ближе.

Надюшка вязала узелки на нитках, а все остальные пытались реанимировать телефоны. У девушек, Дмитрия и Степаныча гаджеты решили еще послужить высокой цели спасения мира и хозяевам, а Красильников и Вадим остались без верных помощников. Никакие меры экстренной реанимации, вплоть до стука по столешнице, не помогли.

Степаныч крикнул, поморщил лоб и, чтобы времени зря не тратить, выдал из сейфа нуждающимся – другу и Виктору Леонидовичу – по простенькому, уже подключенному смартфону из служебных резервов.

– Для командиремых на объекты прорабов держу. Не последние модели, но звонок

сделать и сообщение послать Надюхе можно, – прокомментировал он качество.

Претензий никто, даже Красильников, предъявлять не стал. Взяли, внесли нужные контакты друг друга и Надежды. Надя дисциплинированно проделала ту же процедуру. И только закончив запись, девушка озадаченно нахмурилась, пытаясь разом почувствовать нити, катушку с оставшимися нитками и связь между людьми.

– Мне, кажется, надо быть ближе к тем местам, где находится клещ, чтобы поиск стал точнее, – поделилась с добровольными помощниками девушка. – Может быть, вызвать такси?

Дмитрий цокнул языком, представляя реакцию обычного таксиста на разговоры о клеще. Люди после толчков и без того дерганные, а тут еще странности в нагрузку. Жаль все-таки, приятеля Влада к делу не припашешь, у него все же нервы покрепче, много чего видал. Вчера звонил, хвалился, что девчонку Надя ему по фотке нашла, но тут же тему и закрыл. Осознал, что ни с того ни с сего на ровном месте ноги не вывихиваются и машины не ломаются.

– Надь, а ты в чьей-нибудь машине поехать не сможешь? Обязательно отдельно? – наморщил лоб шеф.

– Я должна подумать, – не отказалась сразу Надежда и замолчала на несколько секунд, застыв и прикрыв глаза. Потом начала поворачиваться с по-прежнему плотно закрытыми веками. При этом прерывала свое вращение несколько раз, приостанавливаясь четко напротив каждого оделенного нитью помощника.

Наконец странная процедура ориентирования в пространстве подошла к концу и чудачка улыбнулась:

– Можно! Я с Дмитрием поеду, за его ниточку первой проще хвататься. И паутинку не сомнет.

– Тогда переснимаем карту, прикидываем, кто куда отправляется по точкам, и в машины! – предложил по праву хозяина кабинета Степаныч план действий на местности.

– Я бы с восточного объезда начал, у меня поблизости дачка, – скромно поименовал свой загородный особняк Красильников.

– Тогда я западную окружную беру, мои пенаты там, – бодро вставил Вадим, щелкая карту на смартфон.

Хорошо было бы ксерокопии сделать, но включенный при отключении сети и попавший под излучение Сил Двадцати и Одной агрегат так и не пришел в норму.

Степаныч, Дмитрий и Любка тоже определились со своими направлениями. Кому куда удобнее и привычнее.

– Если кафешка на выезде у трех столбов работает, я бы еще заскочила еды с собой прихватить. Неизвестно, сколько мотаться придется, – практично вставила Любка.

– Девочка, у меня язва! Кто тебе сказал, что фастфуд – это съедобно? – несказанно удивился Красильников.

– Но предложение дельное. Неизвестно, сколько нам колесить придется. Есть смысл заскочить в магазин, – поддержал идею Дмитрий, пока Вадим и Степаныч, порой не брезговавшие котлетами в булке, виновато переглядывались.

– Может, я позвоню в «Погребок»? Они делают готовые наборы для пикника. Пусть и нам приготовят навынос! – предложила Надюшка.

– Действуй, – оживился шеф. Надькино предложение ему понравилось, так же как и кухня ресторанчика. Пирожки жареные с разными начинками у них были – пальчики оближешь! Особенно с капустой и печенью!

Надя набрала номер, подождала и заговорила:

– Добрый день! Ой! Теть Катя? Это Надя, я у вас на кухне недавно была. Подскажите, а «Погребок» сегодня работает? Свет в районе вырубали, авария на подстанции.... Генератор? Как здорово! Тут такое дело, только к вам могу обратиться! Геннадий Степанович срочно с коллегами за город собрался. Просит с собой что-нибудь накидать... Да, пирожки, бутерброды, нарезка, котлетки подойдут! На семь человек надо в отдельных наборах. Нет, спиртного не надо, они все за рулем. Минералка, холодный чай и термосы с кофе тоже подойдут. Наличными заплатим и за срочность надбавку можно поставить. Посуду вернем непременно! Подскажите, когда будет готово? Через полчаса? Замечательно! Спасибо огромное!

– С директором говорила? – уточнил Вадим.

– Нет, с поваром. Тетя Катя там царица, – улыбнулась Надежда. – Как сказала, так и делает. А готовят они с дядей Женей прекрасно! Посетителей в «Погребке» сегодня много не будет, генератор у них бензиновый, в помещениях пахнет. А воду дополнительно можно у нас из буфета в приемной взять. Есть минеральная, есть простая.

– Да, в «Погребке» хорошо готовят, мы там днюху у Светки отмечали, – поддакнула Любка. – Пельмешки как домашние были, пирожки, пироженки!

– Общий счет они при выкупе заказа скажут, сейчас Петя обсчитает, но не больше шестисот рублей на человека, – доложила Надя.

– Нормально, – согласился босс. Тем паче что скидываться по второму кругу необходимости не было, от книжной эпопеи деньги остались. – Значит, через полчаса выдвигаемся!

– Хорошо, это правильно. Вы пока посидите в кабинете. Если руки друг другу пожмете, на которых нити завязаны – совсем хорошо будет, – попросила Надежда, действуя без всякого конкретного плана магического поиска. Впрочем, ей ведь всегда лучше всего удавалась импровизация. Именно так девушка решила поступать и сейчас. Может, по-другому было бы лучше, но переучиваться поздно, как бы вовсе все не испортить.

Сказано – сделано. Станный совет странной девушки, пусть и с кривоватыми ухмылками, а кто мрачновато или скептически хмурясь, исполнили.

Пока закончили с неторжественным взаимным пожиманием рук, выбором воды из запасов и обратными действиями в комнатке неподалеку, как раз пролетели отведенные на приготовление «корзин для пикника» от «Погребка» и тети Кати полчаса. Прибыл и Василий в качестве водителя для Красильникова. Посвящать охранника в подробности предстоящего действия по героическому спасению мира не стали. Не поймет, а по психбольницам за справками некогда болтаться. Время сейчас – не деньги, а сама жизнь!

Вохровец, оставшийся на дежурстве у вертушки, и айтишник Бомбошкин, наконец-то отладивший связь во всем здании, проводили толпу из пяти мужчин и двух девушек большими круглыми глазами. Но с вопросами не полезли. Наверное, испугались получить ответ, способный навсегда перевернуть их представления о мире.

Тетя Катя тоже вопросов задавать не стала. Если начальству мозги встряхнуло и оно решило себя пикником во время землетрясения развлечь – так тому и быть. Все доход вместо убытков с вонючим генератором выйдет, да и хорошей девочке Наде помощь! Повариха каравеллой выплыла с кухни и только пальцами тыкала, руководя подручными. Петька и дядя Женя перетаскали и распределили корзинки со съестным по машинам. Дмитрий, оказавшийся хранителем кассы, отсчитал положенные по счету средства, добавил двадцать процентов чаевых, и группа тронулась в путь.

Чего-то желать никто никому не стал. Странное дело им предстояло.

Глава 25

Очень странные поиски

Дмитрий на своем внедорожнике крутил баранку привычно. Особой сосредоточенности от него езда не требовала. Потому первым делом он предложил пассажирке:

– Набери маму, чтобы не волновалась.

Надя, погруженная в тонкости поиска клеща, чуть покраснела от стыда – как она могла забыть о мамочке! – и выхватила из сумочки смартфон.

– Мамуля, как ты? Все хорошо, уже дома? Суп гороховый с ребрышками? Супер! Ты не волнуйся, я, наверное, сегодня могу задержаться. У Геннадия Степановича с Виктором Леонидовичем проект совместный срочный. Мы сейчас вместе с Дмитрием едем. Ага! Конечно, позаботится! Он перезвонит, когда останавливаться будем! Спасибо за супчик! Целую!

– Я тоже целую, Вера! Не волнуйся! Мы постараемся освободиться побыстрее! – крикнул Дмитрий, чтобы старшая Последняя точно расслышала его слова.

Надя закончила переговоры с мамой и отключилась.

– Ни словом не соврала, ни слова правды не сказала, – оценил выступление будущей падчерицы Дмитрий.

– Ей не нужно. Ниточку все равно не повяжу, будет перетягивать – не смогу общую сделать. А волновать зря зачем? – тряхнула светлыми перышками волос Надюшка. – Я правильно сказала.

– И всегда знаешь, как правильно сказать?

– Не знаю, вижу, – поправила девушка. – Как цвет, вкус, запах. Но ведь и вы не всегда можете различить оттенки цвета или вкуса. Кроме того, даже если я говорю правильное, люди далеко не всегда правильно слышат. Мы все такие разные...

– Это факт, – хмыкнул Дмитрий и заговорил о другом, решительно, как с обрыва кинулся: – Надюш, ты, самое главное, не унывай и себя в творящейся пакости винить не вздумай! Тебе все правильно сказали! Если какая сволочь убийцу наняла, то ты только жертва!..

– Я не виню, – прервала спич в свою защиту Надежда. – Я все понимаю!

И, как в случае с успокаивающим звонком для мамы, о главном девушка промолчала. Когда Двадцать и Одна рассказывали об уязвимости ткани ее родного мира, у их избранницы случился то ли очередной прорыв в усвоении уже имеющейся информации, то ли скачок восприятия на качественно иной уровень. Суть в том, что неумелая, необученная Плетущая Мироздание узрела структуру своего мира в куда большем объеме, чем раньше, и осознала ее качество.

Плетение родного измерения было сильно истрепано, нити ветшали, именно потому клещу – по сути, обычному паразиту – удалось к ним прикрепиться. Да, само наличие твари ускорило процесс разрушения нитей в сотни раз, но будь структура мира крепка, твари из Межуровня не за что было бы ухватиться. Так хищник никогда не догонит здоровую жертву. Выберет ослабленную или молоденькую.

Зато уже одно то, что клещ начал рвать нити, давало Силам Двадцати и Одной право обратиться за помощью в восстановлении пострадавшего узора, а там под шумок поправить и всю структуру в целом. Именно об этом Силы толковали на совещании.

Да, конечно, для начала стоило ликвидировать клеща и дождаться явления очень дефицитного профессионала-«штопальщика».

Даже к ней, неумехе, Силы явились сразу, когда почуяли знакомые эманации энергии, и поставили на службу. А настоящих Плетущих Мироздание, редчайших специалистов, ценили во много раз выше и очень берегли. Но шанс дожидаться такого доктора теперь у

ее родного мира появился.

Что же до клеща... Петиция написана и отослана. Дарсен профессионал! Логово паразита они отыщут и позовут на помощь. Если же другого выхода не найдется и убийца клеща будет неотвратимо запаздывать – все равно у Нади останется еще один выход. Да, жалко маму, Любку, Дарсена, но если выбирать между жизнью дорогих людей, благополучием своего родного мира и собственным, то никакого выбора и нет. Значит, и волноваться не о чем. Порвать чужую нить, какой бы толщины и чуждости она ни была, Надежда сможет, если протянет другую, от себя к этой твари. А что этот удар перерубит и ее собственную... Ну что ж, не хотелось бы, потому ищем, ждем и надеемся, что не придется использовать последний довод недоучки-неумехи-недоплетущей. Именно потому, что такой выход имелся, Надюшка и не спешила грызть себя поедом из-за явления чудовища.

В конце концов, Дмитрий прав, она не обязана отвечать за чужие обиды, крушение властных планов и полыхнувшую на этой благодатной почве жажду мести. Вот за свой мир – да, отвечает и будет отвечать. Но пока не самым кардинальным способом.

Машину, сворачивающую с трассы на выбранную ветку с асфальтом пожиже, тряхнуло на ухабе. Корзинка приоткрылась, из нее потянуло ароматом выпечки. В животе у девушки заворчал.

– Поешь пока, – предложил Дмитрий.

Надя не заставила упрашивать, себе извлекла пирожок с капустой, а Дмитрию, нагнувшись с заднего сиденья вперед, протянула завернутый в салфетку румяный подарок с мясом. Водитель довольно потянул носом и в три укуса прикончил пирожок, едва ль не заурчав от удовольствия.

– Сколько живу, а в «Погребок» ни разу не заскакивал. Теперь буду ходить.

– У них почти все вкусное, – поддакнула Надя, надкусывая свой пирожок.

Следовало немного заправиться перед работой, выполнить которую без нее не сможет никто. Нити мира видны лишь изнутри. Сейчас нужно было дожидаться звонков от помощников с нитяными браслетами на запястьях и пробовать почувствовать клеща.

Внедорожник Дмитрия тоже двигался к намеченной и заранее оговоренной цели. По счастью, от областной столицы до ареала, обозначенного на карте и опознанного как место крепления паразита к миру, тоже нужно было еще доехать.

Ничто так не скрашивает время ожидания, как разговор и дорога. И если говорить в нынешних обстоятельствах Надя не очень-то хотела, то любоваться еще зелеными просторами равнин, лесов, черно-желтыми полосами убранных полей ей всегда нравилось.

Наверное, она не смогла бы жить у моря и мечтать о нем так, как та сбежавшая девушка. Нет, море прекрасно, оно всегда разное, и любоваться им, как лугами и полями, можно бесконечно, а вот равнинных просторов и зелени лесов Надюшке всегда не хватало бы. Да и пальмы пахнут неправильно, и листья у них жесткие. Мама как-то на отдыхе себе ладонь порезала!

Мысли текли странные, отвлеченные, скользкие над поверхностью основной цели, будто боялись нырнуть поглубже и потревожить, нет, не владелицу, а сытую тварь, сейчас вновь погружившуюся в недолгий сон. Кажется, сама Надя тоже ненадолго задремала и вынырнула из дремы или задумчивости, когда раздался первый звонок от Любы. Они со Стасом подъехали к намеченной точке и решили пройти вдоль местной достопримечательности – заросшего осокой и тростником пруда. Даже до Дмитрия донеслось задумчивое кваканье лягушек.

Следом с разницей примерно в четверть часа отзвонились Красильников и Степаныч. Первый оставил машину у ближайшего лесочка и по закону подлости как заядлый грибник в паре метров от дороги сразу напоролся на «месторождение» опят. Грибов было столько, что у бизнесмена едва не срывало крышу.

Несмотря на серьезность ситуации, Надюшка не смогла сдержать улыбки. Такой живой,

по-хорошему азартный Виктор Леонидович враз перестал вонять попкорном и начал ей нравиться. Если уж миру суждено провалиться в тартарары, то Красильников явно предпочел бы сделать это за любимым занятием с корзинкой грибов наперевес.

– Собирайте, если хотите, – предложила Надя. – Вам ничего делать не надо, просто быть там, куда приехали.

– Тогда жду вестей и дальнейших инструкций и информации по существу, – враз повеселел грибник-бизнесмен и отключился.

Степаныч занял позиции на холме, рядом с полем, освободившимся от кормовой кукурузы. Чисто, пусто, никто не мешает.

Вадима пришлось ждать дольше всех. Позвонил он с шиномонтажки, куда доковылял на минимальной скорости. Где-то его «хюндай» ухитрился не просто проколоть, а фатально разорвать колесо. Теперь железный конь нуждался в уходе механиков-ветеринаров, а сам невезучий бизнесмен споро шел последнюю пару-тройку километров до своей точки пеленга. Самым веселым было то, что прокол колеса за текущий месяц у него был уже четвертым. Как раз сегодня досталось переднему правому, пока не охваченному общемашинным невезением, затронувшим оба задних и переднее левое.

– Это ему теперь так «везет напропалую» из-за твоей подсказки по акциям? – задумчиво уточнил Дмитрий, когда Надя закончила беседу с Вадимом.

– Возможно, – не стала возражать девушка, раскладывая прихваченную с собой карту. – Равновесие и справедливость порой принимают такие странные формы. Вадиму Георгиевичу в самом деле повезло. Мог, к примеру, конечности по очереди ломать. Но он сейчас делает нужное дело и, даже если делает ради личной выгоды, это тоже учитывается.

– О, отлично, – хохотнул Шельга, радуясь, что его шефу хватило ума не наседать на Надюху с требованием откровений. Серега в больнице, хромающий Влад с железным конем на приколе, окочурившийся маньяк – все это и многое другое в достаточной мере давало понять, что хрупкая чудачка девочка-одуванчик каким-то чудом совсем небеззащитна. Это и давало сейчас Дмитрию надежду на благополучный исход. Если уж за мелкие желания улучшить свое благосостояние, поправить статистику раскрываемости или навредить лично Наде люди так сурово заплатили, то тварь, угрожающая целому миру, легко не отделается!

– Люди зря порой думают, что справедливости нет, – задумчиво отметила Надежда. – Она есть всегда. Только тех, кто ее измеряет своими представлениями о временных рамках, ожидает разочарование: в наше короткоживущее «сейчас» это невпихуемо.

– Может, и так, – не стал спорить Дмитрий с девушкой. Уж больно убежденно она говорила, словно, как с ним сейчас, на досуге имела беседу с кем-нибудь, кто за это «невпихуемое» отвечает. Хотя, если вспомнить радужных... на подобную беседу Надя вполне способна. Но о таком лучше не спрашивать, от одной мысли голова побаливать начинает. Правду говорила Вера с утра, когда пыталась ему объяснить про Надюшку. Даже если знаешь и пытаешься понять про такое, только общее впечатление остается, а все детали из памяти ветром выдувает. Не для человека – помнить и понимать эти вещи, а Надюша особенная. Родится порой и у черной кошки белый как снег котенок. Нет в этом ни вины, ни заслуги маленького комочка. Просто другой он изначально. А ему, человеку, поставлена задача девочке помочь и поберечь. Придя к такому выводу, Шельга предоставил спутнице возможность действовать так, как та посчитает нужным.

– Смотри, Надюш, проедем еще или хватит? – уточнил Дмитрий.

– Хватит, – рассудила чудачка.

Водитель заглушил мотор, вышел из машины и встал у обочины, прикусив горькую травинку. Ветер гнал серые клочки облаков на запад. Было почти тихо. Только где-то в лесополосе рядом хрипло и равномерно, будто метроном, отсчитывающий ритм, каркала ворона. И будто в насмешку над товаркой с другого края позолоченной березовой рощицы с наглым оптимизмом не в лад и невпопад стрекотала сорока. Вороны Дмитрий не видел, зато черно-белую насмешницу краем глаза углядел. И даже отсалютовал ей

травинкой. словно в знак солидарности, с убранных поля поднялись и полетели, как тяжело груженные маленькие баржи, три рыжие, почти круглые тушки.

«Совсем птицы обнаглели или народ зажрался? Все про трудное время и скверную экологию вопят, а пернатые и такие, какие еще в его детстве из окрестностей городов пропали, снова мельтешат внаглую. Да и Стас говорил, в речке снова раки завелись и рыба покрупнела. И с Верой познакомился», – рой легких мыслей пронесся в голове.

Дмитрий со щемящей нежностью вспомнил тонкую девичью фигурку Надюшкиной мамы, ее проникновенный, глубокий взгляд и уютное молчание на прогулках вечерами. Кажется, знакомы не несколько дней, а уже прорву лет, и имеется горячее желание все оставшиеся годы провести рядом. Нет, он не влюбился, как сопливый мальчишка, а просто прикипел сердцем, сроднился душой как-то враз и накрепко. Он теперь и Веру, и Надю принимал как своих, как часть себя. Мужчина потерял старый шрамик и мотнул головой: жалко все это, не должно пропасть! Надюшка-ведьмочка ему с Верой вроде как сына обещала.

Надежда тоже вышла из машины, тихонько захлопнув дверь, и направилась прямо к рощице в сторону трещотки-сороки. Та, нахалка, и не подумала улетать. Свесила длинный хвост с нижней ветки, аж прогнулась вся, разглядывая подходящую девушку. Стрекотнула еще разок что-то бодрое, перепорхнула на ветвь повыше и затихла у ствола.

Девушка подошла к соседней березе, обхватила руками ствол, прижалась щекой. Прикрыла глаза, чтобы быть здесь и одновременно попробовать дотянуться до всех. Степаныч, Люба, Дмитрий, Вадим Георгиевич, Красильников – все были на своих местах и составляли пентаграмму – основу любой паутины, как ее мысленно представляла себе Надя.

Потянулась и первым тронула браслет подруги. Буйная жажда действий и столь же деятельная доброта, неистощимый оптимизм в ядреной смеси с романтизмом и толикой цинизма составляли основу яркой, как руда, и свежей, как глоток березового сока по весне, нити Любы Болотовой. К ее нити прикрепиться не составило ни малейшего труда.

Следом Надя запеленговала Степаныча. Шеф, бурчащий, как прогревающийся мотор, и в то же время добродушный, как большая собака, не способная обидеть слабого, но беспощадная к брехливым моськам. Он тоже легко нашелся через кончик нити браслета. Степаныч пах замешиваемым цементом, горьковатой рябиной и свежее испеченным хлебом.

После начальника девушка попробовала уловить нить от браслета Видима Георгиевича. И практически моментально окунулась в океан здорового пофигизма, чуть большего, чем стоило бы, эгоизма и жажды удовольствий, готовности рискнуть ради барыша и одновременно отдать последний медяк другу. Суть Вадима показалась девушке похожей на странный коктейль с желтой кислинкой, хрустящей зеленым горошком и прибитой после грозы пылью. Несочетаемая сочетаемость.

Наморщив носик, Надя постаралась уловить следующую нить, не отпуская при этом остальных.

Расчетливость на грани, а временами и за гранью циничности, высочайшая степень организованности и интуиции, порой принимаемой за расчетливость, стремление не к наживе, а скорее к игре в стремление, а сквозь все это – пробивающаяся тускловатая желто-коричневая усталость от бесконечной круговерти.

Впрочем, к грибам, которые сейчас с азартом резал Красильников, это ни в коей мере не относилось. Несмотря на надвигающуюся опасность, именно в эту минуту Виктор был по-настоящему счастлив – с изумрудными и золотыми просверками цветочного луга. Ниточка присоединилась к остальным и закрепилась без труда.

К нитяному браслету Дмитрия Наде осталось лишь потянуться, фигурально выражаясь, кончиком пальца. Она сразу почувствовала последнего помощника и включила его в общий круг. Запах сухой опавшей листвы, уже без горькой примеси увядания, зато с тонкой зеленой ноткой весенней капли, заставил девушку умиротворенно вздохнуть. Все правильно! Мама выбрала хорошего человека!

Теперь она ощущала всех пятерых людей и нитяные браслеты от общей катушки как находящихся поблизости. Протянутые к ним нити ее собственной силы? энергии? дара? легонько вибрировали. Но общей паутины почему-то не составляли.

Надюшка скорее ощущала себя возницей колымаги, в которую впрягли пусть не лебедя, рака и щуку, но лошадей слишком разных пород: вроде пони, тяжеловоза и арабского скакуна.

«Что я делаю не так? – призадумалась Надя, не выпуская ниточек, и едва не постучала лбом о теплый ствол березки. – Как сплести паутину, если есть только осевые нити, а ни единой нити по окружности нет? Не выйдет, как ни старайся. Значит, надо использовать нити для соединения людей между собой. Они так не умеют, но чтобы составить сеть, должны подойти мои собственные нити».

Необученная Плетущая Мироздание мысленно представила себе карту, метки, обозначающие расположение людей, и стала бережно тянуть нити не только от себя к участникам охоты на клеща, но и протягивать свои между людьми, создавая окружность.

Убедившись, что ниточки созданы и протянуты именно так, как ей представлялось верным по цвету, вкусу и запаху, Надя негромко позвала:

– Дмитрий, предупредите, пожалуйста, всех по конференц-связи: я сейчас начну поиск клеща. Это будет что-то вроде сканирования местности в круге наших нитей. Самого клеща это не должно потревожить. Если получится, я лишь обозначу неправильный отклик какой-то точки пространства, где прячется в складке мира чудовище. Но на всякий случай лучше всем быть готовыми. Только не спрашивайте, я не знаю, к чему.

Как сделать то, что раньше никогда не делала? Если надо, скажем, полететь, то никак. Человек только вниз может лететь, и недолго. Если поехать на машине, то для начала выучиться придется и на права сдать, а не то до ближайшего столба домчешься, и, привет, больница. Но есть то, что умеет, едва родившись, каждый ребенок – дышать, моргать, чихать. Безусловные рефлексy называются. Так вот и Надюшка сейчас собиралась воспользоваться чем-то, прежде знакомым очень слабо, и вместе с тем составляющим ее суть на уровне подсознательной реакции. Именно это позволило ей отбиться от маньяка. Речь шла об умении обращаться с нитями, составляющими для Плетущего Мироздание суть всего.

Надя словно включала свой дар, разрешив себе смотреть и видеть все вокруг как сочетание бесчисленных, невообразимых цветов, звуков, запахов, звенящих, гудящих, свистящих, сливающихся в великую песню гармонии. Всего великолепия плетения она из-за нахождения в мире техническом и отсутствия правильного обучения увидеть, конечно, не могла, но и той малости, что имелась, хватило, чтобы слезы потекли из глаз от напряжения. Но они не размывали образов, скорее придавали им неожиданную четкость.

Паутинка, свитая из протянутых Надеждой нитей, была тонка и почти незаметна, как звук треугольника в мощном вступлении оркестра. Но тому, кто держит инструмент в руках, его звук слышен. Девушка четко вычленяла звучание и цвет своей паутины. И теперь она начала ее стягивать на себя, пропуская сквозь плетение мира вокруг, ловя отзвук-отсвет-вибрацию пространства.

Переливы нитей, их звучание, вкус, свет – Надя старалась охватить своим нетренированным восприятием все и сразу, радуясь только одному: очерченный ареал поиска чудовища невелик. Сил должно хватить! Главное – суметь почуять клеща в этом буйстве. Она тянулась и тянулась, сила утекала, как вода сквозь пальцы. И тогда девушка вспомнила о кулоне на груди, о хранимом в нем резерве энергии. Надюшка не тянулась к нему рукой, только краем мысли, но смогла зачерпнуть, глотнуть из радужного потока и пропустить через себя, завершая круг поиска.

Почти сразу слева и впереди резануло ощущение неправильного вкусозвука. И цвет там тоже был неправильным – рвано-серым, скрежещущим. Паутинка продолжала стягиваться к своей создательнице, минуту, другую, третью, но иных царапающих ощущений не принесла. Все еще сомневаясь, Надюшка решила рискнуть и стала очень неторопливо отпускать притянутые ниточки общей паутины, постепенно их ослабляя. И снова именно в том самом направлении проявилась дикая неправильность – как

металлом по стеклу и аммиаком в любимые духи. Ощущение крайней гадливости вперемешку с ужасом, точь-в-точь как в сегодняшнем сне. И в центре этого сытое, хищное довольство горько-жгучего цвета.

Теперь уже Надя четко определила место аномалии. Четко для себя. К карте физической это знание вряд ли могло быть привязано, зато для того, чтобы передать его Силам, для указания места аномалии в структуре мира – годилось вполне! Самое главное, клеща поиск не потревожил. Он все еще был погружен в дрему.

Девушка открыла глаза и не сразу сориентировалась в пространстве. Она не стояла, а сидела, привалившись к березе, ее поддерживали сильные руки Дмитрия, не давая завалиться в траву. Все тело было мокрым от пота, словно Наде прямо в одежде вздумалось искупаться в речке. Горло совершенно пересохло.

Когда Надюшка попыталась заговорить, с губ сорвался лишь жалобный сип. Уяснив, что девушка пришла в себя, Дмитрий одной рукой откупорил маленькую бутылочку воды без газа и осторожно напоил бедолагу.

– Жива?

– Наверное, – засомневалась Надя и честно продолжила: – Только вся мокрая и встать сейчас не смогу.

– Тебя уже можно трогать? – уточнил главный момент Шельга.

– Э-э-э, – девушка подняла на Дмитрия озадаченный взгляд, одновременно прислушиваясь к себе. Вроде ничего не сломано, шевелиться она может, только слабость во всем теле страшная.

– Ты светилась радужными всполохами, как твои Силы, и звенела, – намекнул мужчина и смущенно пожал плечами. – Сам понимаю, дико звучит, человек так не может. Но ты светилась и звенела точно. Потому и спрашиваю, чтобы ничего не нарушить.

– Я нашла. Больше мне на одном месте быть не надо, – откликнулась Надя.

– Тогда прокатимся! – Дмитрий сгреб девушку в охапку и потащил к машине, объясняя на ходу: – Девичьего гардероба у меня нет, но запасной спортивный костюм имеется. Из большого не выкатись. Переоденешься, чтобы не простыть, и поешь. Все остальное потом.

Вслед человеку с его важной ношей удивительно слаженно, будто репетировали заранее, хрипло каркнула ворона и стрекотнула сорока.

Глава 26

«Звонки» по громкой связи

Надя, закутанная в большой, сухой и восхитительно теплый спортивный костюм Дмитрия, обосновалась на заднем сиденье внедорожника с пирожком в одной руке и пакетиком яблочного сока в другой. Шельга подумал и включил в салоне печку. Девчонка почему-то ухитрилась переохладиться и настолько замерзнуть, словно в прорубь зимой окунулась.

И без того тонкая и звонкая, дунешь – унесет, плюнешь – пришибет, Надюшка, казалось, осунулась за несколько минут еще сильнее. На лице остались одни глазищи и веснушки. А забавные ушки выглядывали из вороха влажных волос.

– Какие инструкции давать людям? – уточнил Дмитрий, сообразив, что заткнуть Надюшке рот следующим пирожком у него не выйдет.

– Всем можно возвращаться в город.

– Сюда не ехать?

– Нет, я буду вызывать Силы и, если снова испортится вся техника, добраться домой будет сложно. После них не всегда починить можно... Я бы и вас попросила уехать.

– Но мне твоя мама голову оторвет, если я без ее дочери домой приеду, и будет права! – рыком ответил на нелепое предложение Дмитрий.

Надя виновато моргнула. Шельга перестал сурово хмуриться и внес предложение:

– Я включаю режим конференции. В двух словах все расскажешь, успокоишь людей, и отбой связи. Потом будешь этих радужных звать.

Надя согласно дожевала пирожок, вытерла руки и после отмашки заговорила:

– Спасибо всем большое, кажется, у нас получилось найти логово клеща.

– Кажется? – неожиданно сорвался на визг Красильников. – Вы не могли бы, Надюша, выразиться более конкретно?

– Я нашла неправильное место, оно пахнет как чудовище из моего кошмара, – попробовала объяснить девушка так, чтобы люди смогли понять. – Даже если это не клещ, я все равно буду звать Силы, чтобы убрать эту неправильность.

– Мы-то тебе чем мешаем? И чего ты какую-то халабуду с чужого плеча напялила? – удивленно затараторила Любка.

– Это костюм Дмитрия. Я испачкалась, пришлось переодеться, – просто ответила Надя, изо всех сил стараясь улыбаться и выглядеть максимально бодро, чтобы подруга не рванула ее спасать, наплевав на все. – Вы мне ничем не мешаете, но опять вся техника может перепортиться. И ладно бы сотовые, а если машины? Как до города добираться? И еще... – Девушка помялась, но все-таки продолжила честно: – Если станут убивать клеща, я не знаю, что будет твориться вокруг. Не сможет ли он как-то ударить в ответ по нитям?

– Ты же говорила, он людям не может вредить? – заворчал Степаныч разбуженным медведем.

– Обстоятельства изменились? – догадливо хмыкнул Вадим, не раз сталкивавшийся с таким нарочитым форс-мажором в бизнесе. Так отчего иномирным тварям другой закон должен быть писан? Твари-то, они везде твари, чем бы ни занимались. Передернув плечами, мужчина зачем-то принялся методично пинать куртину травы. Ботинок, запленный после пеше-шоссейного марафона, пока держался, трава тоже не сдавалась.

– Землетрясение или буря – это не личный вред, а стихийное бедствие, – виновато растолковала девушка. – Лучше, чтобы мишеней вокруг поменьше было.

- В таком случае вариант, предложенный Наденькой, оптимален! - оживился Красильников, ласково поглядывая отнюдь не на девушку, а на корзинку и пару гигантских пакетов из гипермаркета, набитых отборными опятами. Теперь он вроде как сделал все возможное и, инстинктивно держа нос по ветру, чувствовал настоящее желание держаться от милой девочки Нади как можно дальше и заодно избавиться от всех улик, говорящих о личной причастности к происходящему безумию. О чем не преминул заявить: - Мы свое дело сделали. Наверное, и ниточки с рук снять можно, да?

- Конечно, - согласилась девушка, упустившая эту мелочь из виду. Теперь ей, чтобы нащупать каждого из паутины, не нужно было ниток из катушки.

- Девушка права, нам не стоит толпиться поблизости и мешать Надежде общаться с ее... эмн... друзьями! - заключил Красильников, твердо вознамерившийся убраться подальше от потенциального эпицентра решения проблем. Судя по ранее прозвучавшим обещаниям, проблему будут решать кардинально, а такие решения обычно не только ликвидируют старую, но заодно могут сотворить и парочку новых. - Думаю, Надежда непременно проинформирует нас о результатах.

- Или результат проинформирует нас армагеддоном, - мрачновато пошутил Вадим.

- Экий вы пессимист, Вадим, - попенял собеседнику бизнесмен.

- Я? - до глубины души изумился тот, аж руку к сердцу прижал. - После четвертой шиномонтажки за месяц я еще оптимист!

- Точно пессимист, - подвел итог Степаныч. - Шиномонтажка - не больничка и не погост, а тачку новую купишь, не разоришься, дружище. Заканчиваем базар. Давай, Надюш, делай что должна. Если что, мы на связи. Из города сюда по-любому быстрее вместе доберемся, чем из района. И... Надь, как считаешь, а еще трясти будет? Может, от высоток всем пока подальше держаться?

- Мне кажется, тварь насытилась на пару-тройку дней, - поделилась ощущениями от мимолетного контакта с паразитом девушка.

Компания перебросилась еще несколькими словами, но Надя их почти не слушала, ей снова почему-то ужасно захотелось есть. Если до этого пирожок она жевала почти по обязанности, то теперь, кажется, готова была слопать слона, если его кто-нибудь сможет порезать на кусочки, годные для запихивания в рот.

Дмитрий понимающе хмыкнул. У девочки банальный отходняк случился. А что жор заодно - так сколько она сил потратила на свое странное колдовство - не оценить!

Сеанс связи завершился ко всеобщему, у кого явному (это кому адреналинчика в жизни не хватало), у кого тщательно скрываемому удовлетворению всех добровольных помощников. Все-таки люди инстинктивно, повинаясь давлению технического мира, избегали контакта с тем, что могло вытряхнуть их из круга привычных представлений о реальности.

Дмитрий тоже был из таких, но еще он был циничным реалистом, понимающим: в ситуациях, когда от информации зависит твоя жизнь и жизнь близких, знания о происходящем необходимы.

Потому, позволив девушке дожевать, Шельга проронил:

- А теперь договаривай. Про клеща.

Надя виновато глянула на уже родного человека и раскололась:

- Паразит проснется очень голодным и подростком. Он сможет рвать более толстые нити.

- Но мы его нашли, ты позовешь на помощь. Его устроят. Что не так?

- Силы... - подтянула воротник кофты от костюма к самому носу девушка. - Они очень хорошие, но они очень другие. У них иное представление о течении времени, срочности, катастрофах, ценностях. Они постараются сберечь наш мир, не позволят пострадать душам людей, но физические оболочки для Сил - все равно что для нас костюм. Тела не

особо важны. Меня хотят сберечь, потому что редкий дар может оказаться связан именно с этой оболочкой и не наследуется в следующей жизни.

– Ты хочешь сказать, что твои замечательные друзья придут и помогут, но срок оказания помощи нам может совсем не понравиться? – мрачно перевел тактичную речь избранной Дмитрий.

– Они живут вечность, потому мыслят масштабами тысячелетий, а не днями, – пожала плечами Надя. – Но Дарсен человек, оттого, надеюсь, срок сдвинется в нашу пользу.

– Насчет эвакуации населения стоит подумать, – побарабанил по приборной панели Шельга, прикидывая варианты. – Что ж, со страной нам повезло, связи и звонки нужным людям до сих пор помогают решать проблемы вернее действий по инструкциям.

Надюшка, сама устроившаяся на работу исключительно благодаря маминому знакомству с тетей Ниной и разговору за рюмашкой ликера на кухне, кивнула. Что спорить, когда все так и есть и никаким сверхъестественным, невероятно могущественным созданиям этого факта не изменить?

Допив остатки воды из бутылки, Надя отключила телефон, положила его на сиденье, поддержала штанины и собралась вылезать.

– Куда? – отрывисто уточнил Дмитрий.

– Я лучше подальше от машины их позову, – пояснила избранница.

Исходя из феноменальных способностей Сил к невольному повреждению техники, логичность поступка девушки спутник признал, но одну не отпустил. Тоже отключил все гаджеты и, бережно подхватив Надюшку под локоть, зашагал рядом.

Остановившись у той самой березки, где начинала вязать паутинку – почему-то именно это место казалось Наде самым правильным для призыва, – девушка позвала, сосредотачиваясь мыслью на радужной печати, украсившей ладонь:

– Силы Двадцати и Одной, я вас зову!

– У тебя на левой ладони голограмма светится, – подчеркнуто ровным голосом прокомментировал Дмитрий, увидев то, чего человек нормального технического мира видеть не должен.

Поскольку вирусом избранности при общении заразиться невозможно и до этих минут никакими сверхъестественными способностями Шельга не обладал, это означало лишь одно – структура мира, оберегающего психику обитателей от созерцания небывальщины, дала трещину. Пока только на участке, где окопался клещ.

– Избранная! – Звала?! – Мы явились! – Есть вести? – Радужное сияние, один в один повторявшее переливы голограммы, накрыло часть рожицы и обоих людей, затанцевало в небе, в траве, омыло все вокруг.

– Был бы наркоманом, решил бы, что у меня приход, – буркнул себе под нос Дмитрий.

– Звала. Я готова показать вам место, где, скорее всего, прячется клещ, – согласилась Надя и протянула к Двадцати и Одной нить, раскрывая образ поиска и свои царапающие ощущения от сканирования.

– Это он! Он! – мгновенно взвились призванные Силы.

– Теперь можно охотника на тварь звать? – уточнил Дмитрий, слишком впечатленный объяснением Надюшки касательно неторопливости ее приятелей.

– В храме Сил Равновесия наше прошение взяли к рассмотрению, но немедленной помощи не обещали. Очевидно, у них нет под рукой Служителей, обученных работе в технических мирах, – пожаловались Силы. – Но в храме Джокеров нашу петицию приняли...

Силы явственно замялись, пытаясь то ли выкрутиться, то ли поделикатнее подать не

слишком приятную новость.

Надя терпеливо ждала окончания фразы. Двадцать и Одна единым духом выпалили:

- Требуется призыв к правосудию Триады именем нашим от нашей служительницы из технического мира, которому угрожает клещ. Лишь тогда право на вмешательство будет даровано без нарушения баланса сил.

- А я думал, только у нас порой инструкции без пол-литра не разобрать, - прокомментировал Дмитрий сообщение Сил, покосившись на девушку. Но, кажется, Надюшка поняла, что от нее требуется, получше, чем он.

- Хорошо, - просто ответила Надя и, не отходя от березки, решительно вздернув вверх подбородок, выпалила: - Я, Служительница Сил Двадцати и Одной, проживающая в мире Земля, к правосудию и помощи Великой Триады взываю!

Гром не грянул, твердь земная не разверзлась, радуг большого калибра в окрестностях тоже не прибавилось. Зато прямо над ухом у Дмитрия и Надежды - у обоих разом - раздался деловито-утомленный бас:

- Так, Двадцать и Одна и Служительница. Обращение сто сорок тысяч шестьсот шестьдесят девять. Да, есть такое. Что у вас тут? Угм... Паразит из Межуровня нити урбанизированного мира треплет. Сейчас Тия пришло.

И наступила тишина.

- Все? - неуверенно уточнила Надя у Сил Двадцати и Одной.

- Все... кажется, - растерянно согласились те.

- А кто это сейчас был? Охотник? - наивно поллюбопытствовала девушка, начиная надеяться, что ей не придется совершать никаких самоубийственных подвигов ради спасения мира или ждать десятков лет. Кажется, это... этот?.. эти?.. короче, некто говорил очень уверенно, как айтишник Бомбошкин, спасающий очередной компьютер от бухгалтерского произвола.

- Это был ТУЗ СИЛ КОЛОДЫ ДЖОКЕРОВ, - благоговейно, большими буквами, трепеща от постигшего их счастья свидетельствовать с великой знаменитостью, выдохнули Двадцать и Одна. - Сам Связист!

- А, ну если сам связист. - Дмитрий скептически хмыкнул.

Уж больно имя собственное явленной знаменитости не вязалось с тем благоговением, с каким о нем говорили Силы. Но обсудить несоответствие внешнего, внутреннего, качеств и признаков, а также послушать Надюшкину информацию о том, что у Великой Триады есть незаменимый помощник - те самые Силы, именуемые «Связист», никто не успел.

- Прекрасный день, - звонкий мальчишеский голос донесся с дороги. Там, рядом с внедорожником, припаркованным на обочине, топтался тощий паренек. Так мог бы одеться любой из тысяч подростков: белая футболка с забавным принтом - корзинкой с разноцветными котятами - и выцветшие, потертые джинсы. Причем не вываренные и потертые по моде ради престижности марки, а в силу частой носки. Но на пацане не было даже ветровки, не то что куртки потеплее.

- Э-э-э, привет, я Надя, - неуверенно отозвалась девушка за всех промолчавших.

- Я - Тиль. Это вы Плетущего вызывали? - уточнил совершенно очевидное исключительно ради проформы паренек.

- Мы, - дружно признались Силы и Надежда, в одинаковом шоке изучая симпатичного темноволосого пацана с забавным шухером на голове. Длинные черные волосы, увязанные в хвост простой зеленой резинкой, казалось, жили своей жизнью, норовя выбиться из подобия прически и устроить тарарам.

- И еще охотника, чтобы клеща убить, - скромно присовокупила Надя.

- А ты, пацан, кто будешь? – озадачился Дмитрий, никак не увязывавший в голове обычных ребятишек и дело спасения мира. Оно и с Надюшкой-то в его сознании состыковывалось прескверно, но что девушка умеет и может кое-что, недоступное прочим обывателям, Шельга успел убедиться.

- Я – Плетущий Мироздание, – пожал плечами паренек, сбегая с дороги к людям. – Связист сказал, у вас тут паразит нити треплет, надо глянуть. А охотника вам не нужно, если что, я за него сыграю.

- Чего, постарше никого не нашлось? – хмуро уточнил мужчина, выдавший всякое, в том числе и воюющих детей, но никогда не считавший, что ребятне место в горячих точках. – Они там совсем у вас... Детей в пекло кидают.

- Дядя, не... – черные брови пацана забавно двинулись, а яркие изумрудно-зеленые глаза сверкнули смешинками, пока он подбирал нужное слово из лексикона пригласившего его мира: –...парся. Сам посуди, прорехи в Ткани Вселенной штопать умельцев мало, они в жутком дефиците повсюду. Силы Мироздания техномиры на дух не переносят и принципиально не чинят. У них полного доступа к этой структуре нет. А Плетущих Мироздание богов на сотни Уровней окрест только двое – я да Ят, но он не шибко старше меня и в урбанизированные миры запросто и срочно сунуться не может, одна адаптация не меньше семидневки займет, а снаружи такие миры, как ваш, латать трудно. Все равно что на ощупь в темноте носок зашивать. Так что в сухом остатке только я. Потому или вы мою помощь принимаете, или я заявку по отказу закрываю. Тогда решайте побыстрее. Если нет, я пойду клубнику сажать. Мелинда, сестренка, просит вьющуюся в беседку сделать.

- Прости Дмитрия, пожалуйста, он не видит, но нам очень нужна помощь, мы с благодарностью примем ее, – тихо попросила Надя, любуясь ярчайшим, дивным плетением явившегося на помощь создания. Где-то на периферии восприятия почти умирали от благоговейного восторга из-за явления Тили и тихо ужасались возможной реакции гостя на оскорбительные слова человека Силы.

- Это нормально, – кривовато усмехнулся подросток, словно резко стал старше на десяток лет, и деловито попросил: – Ты же местная, координаты твари скинуть можешь, чтобы моим сканом ее не будоражить?

- Так годится? – Надя протянула Тиллю такую же нить, какой передавала сведения о поиске чудовища Двадцати и Одной.

- Оки, пойдет, пасиб... – пожевал губу пацан, полуприкрыв глаза, перекатился с пятки на носок разбитых кроссовок на липучках и цокнул языком. – Совсем структура истрепалась. Нельзя паразита выжигать стихийным ударом и вырывать вместе с нитями, среди которых он закрепился, тоже не следует. Вас тут серьезно трясти начнет, и нити потом восстанавливать замаешься.

- А что тогда делать? – робко попросила совета девушка.

- Я могу дядю позвать. Ему клеща скovyрнуть, как два пальца... э-э-э... об асфальт, – предложил Тиль. – Если ты, леди, даешь свое согласие, чтобы никакие бюрократы нас в суд не тягали, я зов брошу. А уж после будем прореху латать, пока тут все в разнос не пошло. С этими урбомирами сплошная морока, так и норовят сыграть в конец света. Никакого Разрушителя не надо, все сами, сами...

- Я согласна, – просто, ни о чем не спрашивая, кивнула Надя, инстинктивно, всем своим существом чувствуя глубинную правоту и правильность всех предложений и поступков юного Плетущего Мироздание.

И снова никаких спецэффектов парень не сотворил. Склонил голову набок, прошелся пятерней по взлохмаченным волосам, окончательно приводя их в состояние хаоса, и негромко позвал:

- Злат, есть пять минут? Нужна помощь по заявке Джокеров.

- Сейчас буду, – отозвался кто-то откуда-то. Голос явно принадлежал молодому мужчине, но какому, Надя и охреневший от обилия совершенно обыденных чудес Дмитрий не

увидели.

Глава 27

Помощь специалистов

– У нас в машине корзинка с продуктами, от обеда остались. Хочешь перекусить? – спросила девушка, припоминая своих одноклассников. В таком возрасте они были постоянно голодны.

– А что есть? – без малейшего стеснения живо поинтересовался ассортиментом Тиль.

– Пирожки, нарезка мясная и сырная, котлеты, хлеб, вода, холодный чай, – перечислила оговоренное с тетей Катей меню Надежда. Они с Дмитрием хоть и ели, но обильных запасов прикончить не успели. Не до того было.

– Пирожки – это хорошо, – оживился парень и вместе с Надей вернулся к машине, чтобы пошарить в корзинке из «Погребка». Колбасу паренек даже пробовать не стал, только задумчиво нос поморщил. Зато сыр, котлеты и все пироги с любыми начинками, кроме капустных, выбирая не то на ощупь, не то на нюх, слопал подчистую всего за каких-то жалких пять минут.

– Паренек, ты не подумай, что я тебе жалею еды, но у тебя со здоровьем точно все в порядке? – озаботился Дмитрий, впечатленный скоростным уничтожением пищи и тощеватым видом парня.

– Норма, дядь, не переживай, – ответил короткой улыбкой пацан. – Я сейчас очень активно расту и трачу много энергии. Бабушка тоже сначала вздыхала, а потом просканировала меня и успокоилась.

– Бабушка... Джокер Триады... – пребывающие в прострации Силы издали слабый вяк.

– Ну да, бабушка Бэль, – хихикнул Тиль. – Она классная. Правда, если покалечился, в руки лучше не попадаться. Пока будет лечить, такого про себя наслушаешься! Лучше уж к кому-то из дедушек или к тете обратиться. Но бабушка все равно потом узнает.

– И будет только хуже, – согласно хмыкнул Дмитрий.

– Ты знаешь мою бабушку? – удивился парень.

– У меня своя была, – раскрыл секрет Полишинеля мужчина, и собеседники умиротворенно замолчали, объединенные общей мыслью о замечательности и вредности бабушек.

– Что у тебя, мелкий? – прозвучал рядом с машиной уже знакомый по недавнему обещанию скоро прибыть голос некоего Злата. На дороге появился уже не мальчишка, как Тиль, но юноша с такими же, как у первого гостя, черными непокорными волосами и зелеными глазами. Только у этого визитера цвет не был ярким изумрудом, он переливался глубоким малахитом под темными пушистыми ресницами. И наряд зеленоглазого – нечто из струящегося алого, черного и изумрудного шелков, перехваченных тяжелыми темными браслетами на рукавах и широким поясом с камнями на талии, – ничуть не походил на повседневный костюм. Во всяком случае, повседневный костюм землянина.

Дмитрий не особо разбирался в драгоценных камнях, но бывать в ювелирных магазинах или антикварных салонах, когда там делал покупки шеф, ему доводилось. Так вот, в сравнении с аксессуарами юного гостя весь тамошний ассортимент казался дешевкой. На один из пары наручей, украшенных прихотливо выющимся безумным узором, наверняка с потрохами можно было купить весь бизнес Красильникова и его самого в придачу.

– Здесь вот, – объяснил Тиль, совершая некие манипуляции, недоступные взору. – Поможешь?

– Они там совсем охренели! Детишек, как пушечное мясо, использовать собрались? – снова начал закипать Шельга, никак не способный совместить образ ликвидатора чудовищ с юным красавчиком. Как бы роскошен ни был наряд гостя – от нагрудной цепи

до кончиков окованных металлом сапог – его обладатель все равно оставался безусым юнцом.

– Дмитрий, – тихо позвала Надя, дернув мужчину за рукав, и одним кивком указала ему на тень, пляшущую под ногами юнца. Это нечто не было черным как ночь – даже в ночи светят луна или звезды. Оно не было черным, как тьма. Оно само являлось первозданной тьмой и одновременно вратами в Бездну. Даже смертному, никогда не ступавшему за порог своего уютного технического мира, эта тень открывала глаза на непознаваемый ужас.

Шельга поперхнулся своим негодованием и резко осекся, присоединяясь к когорте молчащих, которую составляли Силы Двадцати и Одной, пребывающие ныне где-то посередине между невероятным тихим ужасом и громкой безобразной истерикой. Абсолютное молчание во всех диапазонах объяснялось в первую очередь тем, что Силы метались и не в состоянии были выбрать линию поведения.

Кем бы ни являлся зеленоглазый визитер, безобидным пацаном он точно не был. Это с поразительной ясностью понял Дмитрий, не отрывающий глаз от живой тени из тьмы, пляшущей под сапогами.

Установившуюся тишину прибывший воспринял как подходящую рабочую обстановку. И девушка, заткнувшая рот возмущавшемуся человеку, удостоилась мимолетного благосклонного кивка и скользящего взгляда. Темная дуга левой брови гостя изящно изогнулась:

– Хм, воплощенный дух стихий! Только странный. Забавно...

Юноша чуть нахмурился:

– Так, мелкий, кто подкинул сюда паразита?

Тиль пожал плечами и признал:

– Понятия не имею. Он уже тут сидел. Меня Связист вызвал. Я нити подправляю, но такие зверушки больше по твоей части. Потому и позвал. Уберешь?

– Разумеется.

Поименованный Златом сложил пальцы одной руки в щепоть, будто и впрямь что-то схватил, и прищелкнул пальцами свободной руки.

– Убил? – не до конца понял суть процедуры Тиль.

– Зачем? Если я каждого мелкого демона-паразита из своих владений по указке с Уровней убивать буду, мне через пару тысяч лет править некем станет. Вышвырнул обратно, остальное ты сам сделаешь, – объяснил юноша и повелительно потребовал:

– А вот тому, кто его в мир, не готовый к разрушению, засунул, я бы счет предъявил. Двадцать и Одна, что скажете?

– Мы ведем расследование, о Повелитель Путей и Перекрестков, – подрагивающими вибрациями радуг просемафорили попавшие под раздачу Силы.

– Уведомьте меня о результатах, не считите за труд, – приказал – совершенно очевидно не попросил, а буднично приказал – Злат. И с невозможно юного лица глянула на людей древняя вечность Бездны. Вдоль дороги сами собой возникли и заструились полосы седого тумана.

– Всенепременно, – перепуганными котятками мяукнули Двадцать и Одна.

Злат царственно кивнул, легонько хлопнул по плечу Тили и шагнул в собственную тень, взметнувшуюся над дорогой черным зеркалом без отражений.

– Это кто был-то? – передернув плечами в совершенно мокрой от холодного пота рубашке, просипел Дмитрий, очень жалея, что он за рулем и нельзя распотрошить НЗ из бардачка, чтобы сделать пару-тройку глотков, а лучше стопок коньячку.

- Дядя Злат, – терпеливо (дескать, неужели ты уже забыл?) повторил представление Тиль. А Шельга покосился на девушку в смутной надежде на более вменяемый ответ.

- Это сложно объяснить, Дмитрий, – наморщила носик Надюшка, почему-то ничуть не испугавшаяся гостя.

Она чувствовала его великую мощь, темное пламя души, но одновременно совершенно четко знала – эта чудовищная мощь не направлена на бездумное уничтожение всего и вся. Она филигранно контролируется владельцем, а значит, ей, Служительнице Сил, ничем не грозит, и потому взирала на гостя с восторгом натуралистки, увидевшей белого тигра в лесу.

- А если примитивно и для дебилов? – буркнул собеседник.

- Если совсем примитивно, то есть миры, измерения по-нашему. Они расположены слоями – Уровнями, а между ними прослойка, Межуровнье называется. Оно составляет единое целое. Там живут разные страшные и очень опасные для всех живых, а не только для людей, создания и многие из демонов. Клещ тоже оттуда. А Злат – Владыка Межуровнья.

- А при чем здесь Пути с Крестами? – уточнил Шельга, только что не хватаясь за распухшую от странных вестей голову.

- Повелитель Путей и Перекрестков – один из титулов лорда Злата, – чуть скучающим тоном подсказал Тиль.

- Один из? – вяло удивился Дмитрий, цепляясь за частности, чтобы не утонуть в океане неслыханной информации.

- Лорд Бездны, Дракон Туманов, Линдер дель Ша’тиан дель Кродеорх дель Анворвальн... Можно до бесконечности перечислять, – пожал плечами паренек, притопнув кроссовкой.

- А ты тоже тогда из этой... Бедны? – осторожно уточнил Дмитрий.

- Не-а, я из другой, – звонко рассмеялся Тиль, запрокинув голову, и тучка сбежала с его чела. – Просто мы родня.

- Э-э-э... типа родственников не выбирают?

- Не поверишь, дядя, но у нас порой именно что выбирают! – гордо объявил подросток и добавил: – Злат классный! Ради того, чтобы в нашей семье быть, он в Омут Бездны шагнул добровольно, отказавшись от всего. Круговорот очищающего перерождения прошел, память утратил и сызнова обрел. Джокеров догнал в их странствии становления сути и рядом встал по праву не только силы, но и кровного родства, став их сыном. А что Злат... эффектный... ну так такая работа. Иначе разве стали бы его демоны слушаться? – привел железобетонный аргумент Тиль и, тряхнув головой, резко закруглился.

- Тебе, парень, за то, что все это растрепал, не нагорит, случаем? – невольно заволновался за непосредственного общительного ребенка Шельга.

- Не-а. Об этом все, кому надо, и так знают. А те, кому не надо, долго знать не будут, – с абсолютным жестким цинизмом объяснил Тиль. – Ты, дядя, – человек. Где родился, там и помрешь. Из этого мира за грань ступить не сможешь, и к тебе сюда тоже никто не придет. Закрытые урбомиры – не место для прогулок любопытствующих. А леди Надя – моя коллега. Такие, как она, под защитой Сил и неприкосновенны. Кто тронуть хоть пальцем посмеет, дня не проживет. Ладно, клеща обратно в Межуровнье кинули. Нити, пока мы трепались, вразнобой звенеть перестали, теперь делом займусь.

- Коллега... – огорченно вздохнула девушка, внимавшая словам Тили, как первачок учителю. – Какая из меня коллега? Не умею ничего, ничем помочь не смогу.

- В чем проблема? Смотри и учись. Школ для нас никто открыть пока не додумался, потому как с преподавателями голяк, – шкодно усмехнулся Тиль. – И хоть тресни, Плетущим Мироздание стать невозможно, только родиться. Ты уже умеешь главное – слышать музыку миров, чувствовать звучание каждой нити. Мы, Плетущие, по сути своей изначальной – камертоны Творца. Всего и дел, показать порванным или

запутавшимся нитям правильное звучание. Они сами примут нужный вид.

– И звук, цвет, запах? – неуверенно уточнила девушка.

– Я же сказал, нужный вид, – пожал плечами Тиль, имевший в виду все это разом. – Как правильно звучат нити для твоего мира, ты и сама знаешь по праву рождения. Это в чужих мирах без начальной настройки не обойтись. Так что давай присоединяйся, вместе будем отлаживать. Раньше начнем, быстрее закончим. Чистой энергии на перестройку я тебе подкину, чтобы от истощения не свалилась.

И недолго думая паренек хлопнулся прямо на землю у обочины осенней дороги, скрестил ноги по-турецки и застыл. Жили только яркие изумрудные глаза на одухотворенном лице и пальцы, безостановочно свивающие нечто незримое.

Надя, не задумываясь, плюхнулась рядом. Дмитрий только покачал головой, сдернул с плеч куртку, свернул и осторожно подпихнул ее девушке вместо сидухи, чтобы не подстыла, и тихонько отошел подальше от этих двоих. Сидят вроде, как на пикнике, а даже ему понятно: там места третьему нет, вообще нет места человеку. Лучше уж он тут неподалеку погуляет, сорок с воронами погоняет, чтобы не мешали. Их, правда и нет, тишина. Даже машины ни единой по трассе не проехало за последние полчаса. Кивая сам себе, Дмитрий отошел на десяток-другой метров, только искоса поглядывал на Надю. На пацана и вовсе смотреть избегал. Даже от брошенного вскользь взгляда на место, где сидели эти двое, в глазах не по-детски рябило, картинка смазывалась, расплывалась, так и норовя обернуться не реальным видом на девушку и парня, а сверкающим, вспыхивающим, мерцающим и гаснущим, чтобы взорваться новыми переливами радуг, обернуться карманным солнцем вместо паренька и компактной луной вместо девушки, сияющей его отраженным светом. Впрочем, эти двое на окружающих внимания не обращали. И Шельга счел за благо последовать их примеру. Через силу отвел взгляд от безумного действа и приготовился ждать. Чем бы они там ни занимались, он мог помочь только одним – не мешать.

Хотя... Выстрели кто у Нади из пушки под ухом, неизвестно, услышала ли бы она, сосредоточенная на том, что показывал Тиль.

Девушка буквально светилась, жадно ловя каждое слово, каждый жест учителя. Что с того, что тот выглядел мальчишкой и вел себя как взбалмошный пацан? Он говорил о том, чему Надя жаждала научиться всем своим существом, и творил. Причем творил как дышал. Нити под его чуткими пальцами пели оркестром под управлением гениального дирижера. Испорченные выправлялись, утратившие цвет наливались яркостью и силой, узелки развязывались. Звучание отдельных нитей само вливалось в общую мелодию. Тиль лишь едва заметно подталкивал их, придавая направление, и объяснял, учил, не словами или действиями, а всем разом и ничем подобным одновременно. Он, почти как когда-то Силы, перекинул девушке тонкий канал, и отпала надобность в мусоре словесной шелухи. Каждое его действие Надя постигала, понимала и принимала как свое.

Тиль видел и показывал ученице не просто кусочек ткани мира, пострадавший от клеща – действительно, кстати, лишь крохотный кусочек общего полотна. Одновременно юный бог видел все плетение мира и передавал свое видение Надежде.

Нити Мироздания не надо было увязывать насильно, присоединяя хитроумными петлями к уже имеющемуся полотну, как делают спицы или крючок с обычными нитками. Каждая нить сама знала, как она переплетется с другими, плотно примкнет, прилипая без клея, обовьется вокруг другой или ляжет поперек, укрепляя основу. Настоящий Плетущий тоже чувствовал, где и как должна лечь каждая ниточка, и помогал им, развязывая случайно затянувшиеся не на месте узелки, выравнивал, выпрямлял ненужные петли. Нити под чуткими пальцами пели, звенели, сияли, завораживая и заставляя забыть обо всем ином, кроме Полотна Мироздания.

Первую выцветшую нить с маленьким узелком, видимую мысленным взором, Надежда тронула едва-едва.

– Смелее, вот так, ты слышишь, какой она должна быть, и попросишь ее исправиться, – поощрил девушку Тиль, его горячие пальцы легли поверх ее прохладных, подтолкнули, указали, чуть-чуть подправили.

Следующие несколько нитей они привели в порядок вместе. Надя и сама не заметила, как втянулась в работу, не обратила внимания, что ее уже никто не держит, не поправляет, не подсказывает. Только изредка она слышала рядом поощрительный хмык юного наставника. О да, она действительно выправляла нити своего мира, медленно и осторожно, да, получалось, и получалось правильно, но и это Надежда приняла как данность. Там, где она поправляла одну, Плетущий ставил на место и играючи создавал сотни новых. До высот скорости, легкости и мастерства Тиля ей не подняться никогда, сколько бы она ни тренировалась. Ей и сил на работу едва-едва хватило, да и не факт, что точно хватило бы, если бы не горячая ладонь юного учителя, передавшего касанием частицу своей могучей силы. Но отчаяться или начать сомневаться в своем таланте работать с нитями девушка не успела.

– Сравнила дерево с собакой, – тихо и совсем необидно фыркнул юный наставник в ответ на сомнения ученицы. – Ты – Плетущая Мироздание, но ты – смертная, а я – бог. Уровни доступа к энергии разные. Главное, ты можешь видеть нити, касаться их, чинить Ткань Мироздания и не сойти при этом с ума. Да, не в любом мире, лишь в мирах с невысоким уровнем силы, подходящей тебе структуры и только после тонкой настройки на эту партию из Музыки Сфер, но можешь. Даже такая помощь мирам дорогого стоит.

– О, – призадумалась девушка. Перспектива плетения сверкающих, звучных нитей, их исправление – манили против воли, заниматься именно этим казалось самым правильным и нужным на свете. Оттого и возникло противоречие. – Но я живу здесь и никуда не собираюсь уходить из своего мира.

– Живи на здоровье, кто мешает? – не видя проблемы, искренне удивился паренек. Одним прыжком поднялся с травы и принялся небрежно отряхивать джинсы. – Дом – есть дом, работа, даже любимая – есть работа. Плетение мы с тобой сейчас чуток подправили, мир в ближайшие несколько тысяч лет не рухнет. Запор на дверях вовне сдвинули. Кто попало шастать не начнет, но те, кому на роду написан иной путь, уйти смогут. И со временем ты погулять или на экскурсию отлучиться, если пожелаешь или надобность по работе возникнет, тоже сможешь. Сидеть потому, что хочется сидеть, это совсем не то, что сидеть, поскольку заперли снаружи.

Зеленоглазый пацан задорно подмигнул ученице и расплылся в улыбке. Надежда невольно улыбнулась обаяшке в ответ и любопытствовала:

– Тиль, а почему, когда твой дядя на меня посмотрел, сказал про какой-то воплощенный дух стихий? Это что, как саламандра?

– Чего? Нет, конечно! – широко распахнул глаза паренек, изумленный невежеством собеседницы. – Саламандра – огненный элементаль, по сути энергетический зверек, чья плоть и пища – живое пламя. А духи стихий разумны, хоть и лишены постоянного физического тела. Могут обретать его по желанию, воплощаясь в избранном обличье и так же легко возвращаясь в энергетическое состояние. Твоя душа более всего соответствует стихийному духу, но метаморфозы с обличьями в урбомире невозможны, потому ты такая, как есть.

– Поня-а-атно, – задумчиво кивнула девушка, ловя не столько словесное объяснение, сколько потоки образов, исходящие от Тиля. На миг-другой ей действительно захотелось уйти из этого мира туда, где можно было бы поиграть с обликами и образами, но потом вспомнились мама, Любка, все те тысячи нитей, что привязывали ее к любимому миру, и сиюминутное желание испарилось росой под солнцем.

– Так, с этим разобрались. О чем-то еще запомнил... – наморщил лоб парень, притопывая кроссовкой. – А! Точно, насчет твоего мира сказать хотел. С новым плетением, которые мы отладили, выбор пути снова появился. Все от стремлений людей будет зависеть. За техническим прогрессом погонятся, забывая о прочем, – снова замкнутая структура получится, ну а если хоть десятая часть о другом грезить начнет и к иному стремиться, то поколения через два-три и тут магия вновь просыпаться станет. Приказывать, каким быть миру, мы не имеем права, но дать шанс – сам Творец велел!

– Спасибо, Тиль, за помощь, – от всей души поблагодарила Надежда паренька.

– Да чего там, – отмахнулся он. – Это моя работа. И вообще, мы – Плетущие, создания редкие, должны друг другу помогать. Так что... – Тиль прищелкнул пальцами, свертывая

прямо в воздухе сияющую нить из небесной синевы, яркого солнца и гроыхающего весеннего ливня. А потом ловко обернул эту овеществленную квинтэссенцию себя вокруг кулона-веретена, висающего на груди Надежды. – Это тебе на всякий случай, про запас и просто на удачу. Если будет нужно, позови, зайду в гости.

– Спасибо, – улыбнулась девушка, не бросаясь в объятия, а отступая на полшага от этого удивительного юного бога: яркого, звонкого, столь чистого и прекрасного, что его сиянием хотелось любоваться вечно.

Тиль еще раз весело улыбнулся и, посерьезнев, сказал уже безмолвным наблюдателям, затихавшимся тише мыши под веником:

– Двадцать и Одна, вы просьбу Злата когда исполните, мне тоже скажите. Не должен тот, кто прихотью своей миры к гибели толкает, по Вселенной ходить!

– Исполним, Плетущий, – обреченно вздохнули Силы. – Коль в нашей власти будет найти его, исполним.

– Такие трудности? – совсем как Злат недавно, приподнял бровь паренек-Плетущий.

– Нет данных об этом в ИК, – пожаловались бедные Двадцать и Одна, загнанные в угол фактическим приказом Повелителя Межуровня и страшющиеся неизвестной кары за неисполнение.

– Данные в ИК всегда есть, надо только знать, где искать, – подбодрил Силы Тиль и великодушно предложил: – Давайте я Связиста помочь попрошу. Он по таким розыскам великий мастер.

– Мы будем признательны, – не веря своему счастью, облегченно выдохнули Силы. Свет в конце тоннеля появился даже не как фонарик, а как мощный прожектор.

– Тиль, а благодарности у вас принимают или только жалобы? – уточнила Надя порядок делопроизводства.

– Наверное, – на миг призадумавшись, пожал плечами паренек. – Но жалоб всегда больше, а благодарности обычно в храмах у алтарей приносят вместе с дарами. Только ты это... не вздумай ничего передавать.

– Как бы я смогла? – в свой черед удивилась Надя. – Тебе туда даже пирожков не переслать. Силы мне давно объяснили: материальные предметы нельзя перемещать.

– Это да, жаль! Пирожки вкусные были, – облизнулся паренек и наставительно посоветовал, хлопнув себя по впалому животу: – Ты сейчас поесть не забудь хорошенько! На чистой энергии люди долго не протянут. Расход сил на работу с нитями изрядный идет. Я тебя чуток подпитал, но это так, семечки, нормальной еды не заменит. А мне пора, ждут!

Пацан поднял руку в знаке не то приветствия, не то прощания и исчез. Не шагнул эффектно в черное зеркало тьмы, а просто был – и нет. Ни одна ниточка структуры Мироздания не трепетнула тревожно, охотно пропуская своего Плетущего. Только Надя успела заметить, как джинсы с футболкой сменились брюками и изумрудной рубашкой, а полусапожки облекли стопы вместо кроссовок. Лишь живописный шухер на голове остался прежним.

Глава 28

Подведение итогов и сведение счетов

– Силы, спасибо, – спустя пару секунд поблагодарила Надюша Двадцать и Одну. – У нас все получилось! Я так рада.

– Мы тоже, – тихо и смущенно запереливались Силы. – А про какую благодарность ты говорила высокому лорду Тильдерину?

– Кому? – икнула от неожиданности Надя.

– Тому, что сплетал нити твоего мира, латая дыру, – растерянно напомнили собеседники.

– Тилью? – неуверенно предположила девушка.

– Именно так, высокий лорд Тильдерин, Паж Колоды Джокеров, внук двоих Джокеров из Великой Триады, – благоговейно процитировали, скорее всего, официальный титул парня в линялых джинсах Двадцать и Одна и вдохновенно продолжили: – Мы можем поискать в сокровищницах своих храмов интересные артефакты или прекрасные произведения искусства, чтобы доставить их в храм Джокеров.

– Я не знала, что Тиль – это не полное имя. Но Тильдерин ему тоже подходит. Звонкое, как капель и гитарный перебор, и легкое, как облако. Я не о том думала. Все эти артефакты и сокровища – они ваши, а не мои. Но если бы вы попросили Дарсена помочь, мы бы с ним могли написать благодарность Злату, Тилью, Связисту. Всем, кто помогал спасти мой мир. Если все несут только дары, то, может быть, письменная благодарность тоже будет им интересна?

Силы замялись, и Надя продолжила:

– Не сейчас, конечно. Вы сначала будете информацию искать про того, кто клеща подбросил и, наверное, про тех демонов, которые Дарсену дом разрушили. Но потом можно?

– Воистину так, – согласились Двадцать и Одна, предчувствуя море работы под приглядом самого Туза Сил, чей характер и повадки среди Сил давно стали притчей во языцех. Но именно потому они сейчас на него уповали.

Когда Силы испарились, погасло и сверкание странных радуг, возникающих без дождя. Дмитрий счел возможным подойти к Наде:

– Все? Получилось?

– Да, землетрясений и иных стихийных бедствий больше не будет, – улыбнулась девушка, потряхнула головкой и поправилась: – Не будет и клеща там, где не должно быть. Можно ехать домой.

– Если машина заведется, – хмыкнул Шельга, украдкой испуская вздох облегчения. Дико и странно ему было то, что пришлось искать помощи у девчонки и пары странных пареньков, один из которых напугал его чуть ли не до дрожи. Но по большому счету никакой разницы в том, кто помогал, не было – если помогли по-настоящему. И пусть проверить, пощупать, поглядеть на эту помощь не представлялось возможным, зато почему-то у него, битого жизнью мужика, получилось поверить. Поверить двум странным ребятишкам из ниоткуда и своей ясноглазой девочке. Почему-то их слова звучали как истина. Наверное, потому, что являлись таковой, а, может быть, еще потому, что эти двое никогда не унижались до пустой брехни.

Не ведавший очень о многом, Дмитрий какой-то животной чуйкой невольно уловил главное: ни Тиль, ни Злат никогда не лгали словами. Тот, кто знает силу и цену каждого слова, тот, чьи слова оборачиваются силой деяний, всегда следит за своими речами.

Заведется машина или нет – неясно, но все равно в ней потеплее, чем у лесочка во второй половине осеннего дня. Потому Надюшка забралась на заднее сиденье и в

очередной раз попробовала перезагрузить многострадальный смартфон, устроивший новую забастовку после длительного визита Сил.

Дмитрий тоже занялся уговорами: принялся ворожить над внедорожником, предлагая ему перестать играть в кусок металлолома и еще немного поработать средством передвижения. Через четверть часа шаманских плясок у обоих получилось.

Дизельный двигатель недовольно буркнул, фыркнул и зарычал, а смартфон требовательно пискнул, требуя немедленной зарядки, и почти сразу потерял сеть. Хорошо, в машине нашлись разъем и провод с подходящим гнездом. Пока ехали, Надежда попыталась включить телефон Дмитрия, но в чужих руках гаджет работать отказался.

Потому Шельга вел, а Надя наговорила сообщение об отбое тревоги и, дисциплинированно пристегнувшись, задремала. Почти бессонная ночь накануне, тревожнения нынешнего дня и работа с нитями выжали девушку почти досуха. От Надюшки остались одни глаза, скулы и ушки.

Мужчины, если они не врачи, обычно не способны на глазок определять состояние особ противоположного пола, но сейчас даже Дмитрий видел, насколько вымоталась девчонка.

Потому, когда ее телефон наконец поймал сеть и в ответ на разосланные сообщения начал пикировать из-за повалившихся ото всех абонентов вопросов, Шельга мгновенно выключил звук. Потом притормозил и отправил всем, жаждущим подробностей, сообщение: «Это Дмитрий. Все завтра. Надя спит».

Надюшка умаялась настолько, что не проснулась, даже когда машина остановилась перед домом. Отчиму осталось одно: вытащить свое сокровище из машины, отнести домой и сдать на руки истомившейся ожиданием матери.

Вера, конечно, не спасала мир, но терпеливо ждать, волнуясь за дочь, мучаясь неизвестностью и не пытаясь звонить поминутно, куда-то мчаться, скандалить или впадать в безобразную истерику, – это тоже дорогого стоит. Она дождалась! Согрева бульона и напоила дремлющую дочку прямо в кровати. Не проснувшись толком, та выдула полторы кружки и снова уснула крепко-крепко.

Дмитрий смотрел на ставших всего за считанные дни своими дорогих девочек и улыбался. Неустроенность и вечное ощущение того, что все не так или не до конца так, как надо, что ему не хватает в жизни чего-то очень важного, перестало царапать душу изнутри. Теперь у него, вернее у них троих, все будет замечательно. И, если повезет, а Надюшка пустого говорить не стала бы, скоро не у троих, а у четверых. И не важно, дочка у него родится или сынишка, он любого малыша полюбит.

– Чего? – поймав взгляд мужчины, одними губами спросила Вера, подоткнув Надюшке одеяло с краю.

– Я за пацана! – напомнил Дмитрий зарозовевшей любимой женщине и, подхватив ее на руки, крепко прижал к себе, прошептал на ухо: – Я кое с кем переговорил, нам по знакомству задним числом заявление оформят. Можем в выходные расписаться. Хочешь стать Верой Шельга?

– Хочу, – честно ответила та.

– Тогда пошли репетировать супружеский долг! – просиял мужчина.

Он пока ничего не спрашивал у своих девочек о возможном их переезде в его четырехкомнатную квартиру, но для этого еще будет время.

С утра Надя проснулась в странном настроении. Она была совершенно спокойна за родных и за мир, но какая-то смутная не то тревога, не то грязная пелена, повелевающая давно не стиранными носками, висела в воздухе. Странная потому, что никак не удавалось зацепить даже кончик причины, чтобы понять, что именно ее беспокоит.

Мама и Дмитрий за завтраком буквально искрились радостью, сверкающей, как фейерверк, щекотной и теплой, как мохеровый шарфик. Надя радовалась вместе с ними, отодвинув смутные недобрые предчувствия. Здесь и сейчас ее родные люди были счастливы, и она тоже светилась их отраженной радостью. Радость ведь, вот забавная штука, всегда умножается при делении!

И на работу Надюшка бежала по лестнице впереди Дмитрия с улыбкой на устах. Эта самая улыбка и осталась на губах девушки, когда при очередном шаге она мигнула и исчезла со ступеньки, чтобы проявиться где-то в туманном, не поддающемся географической идентификации миров, нигде.

Надя застыла в неудобной позе, как мушка в янтаре. С приоткрытым ртом, приподнятой над перилами рукой. Она не в силах была пошевелиться, завершить движение, перестать улыбаться, моргнуть. Кажется, даже сердце ее перестало биться, только мысли, сознание почему-то остались при ней, или, напротив, сознание так расширилось, чтобы выйти за пределы тела и получить возможность воспринимать все происходящее со стороны.

Она видела, словно со стороны, себя, клубящийся стылый туман, слышала скрип, будто издавала его вовсе не предназначенная к разговору глотка:

– Договор исполнен, человек! Она в твоей власти! Плати!

– Второй! Остался второй! – прошипел вроде бы вполне нормальный, если бы не аномальный объем втиснутой в него злобной ярости, голос. – Все прахом из-за безумных бредней двух полоумных ничтожеств, возомнивших себя советчиками Сил! Пусть я сдохну, но мне нужны их шкуры! Я заключил сделку! А эту можешь сожрать с потрохами заживо! Пусть орет, я хочу слышать ее крики и видеть кровь!

– Не выйдет. Ловушку я сотворил, убивай – сам. Печать на ней, нельзя тронуть, чтобы не поднять тревоги, – проскрипел собеседник. – Второго теперь забрали, не отследишь. Почему не добил?

– Не успел, – скрипнул зубами заказчик.

– Не моя печаль. Плати.

Кажется, сладкая парочка типов, скрывающаяся в тумане, была настроена поторговаться. И разменной монеткой в этой склоке была ее, Надина, жизнь. Не то чтобы девушка боялась смерти, вовсе нет. Когда знаешь, что впереди дорога, по которой интересно идти, страха не возникает. Но вот так, по чьей-то злой воле, она уходит не желала. Особенно теперь, когда стало так здорово жить именно здесь и сейчас, когда появились настоящие чудеса. Шанс повернуть ситуацию в свою пользу жертва чужих интриг видела пока один и решила им воспользоваться. Тело не двигалось и не говорило, но каким-то образом нити вокруг – смутные и серые – тоже могли двигаться и звенеть ее словами.

– Знаете, ваш повелитель сердился, когда понял, что демоны действуют по чужой указке с Уровней, – сказала Надя, когда в перепалке возникла краткая пауза.

– У меня нет хозяев, меченная Силами! – проскрежетал демон.

– А лорд Злат, Дракон Бездны? – невинно поинтересовалась Надюшка.

– Ему нет дела до миров, – скрипнул собеседник, но скрипнул как-то нервно.

– Нет, – согласилась девушка. – Но есть дело до своих демонов. Повелителю Путей и Перекрестков не понравилось, что через вас действуют нарушители Равновесия. Ему пришлось вмешаться. А кто любит лишнюю работу? Лорд Злат интересовался виновными.

– И получил ответ, – с легким намеком на неудовольствие констатировал очень знакомый Наде голос, после чего посетовал: – Ты слишком громко кричишь мое имя, беспокойный дух.

Из переплета туманов и теней выступил прекрасный юноша в алом, золотом и

малахитовом. На поясе у него висел меч, длинный и истинно черный, как та тьма, плясавшая под ногами на дороге вместо тени.

- Простите, - искренне извинилась Надя. - Я вообще не хотела кричать, но регулировать интенсивность того, что мне сейчас заменяет голос, не получается. Тренировки не было.

- Забавная девочка, - легкая насмешка сменила раздражение в звучном и глубоком, не чета скрежету и хрипу ловчего, голосе Злата.

Перед юношей, пока тот беседовал с Надеждой, тут же выступил из тумана и распростерся ниц некто в серо-красном. Не то в одежде, не то в странной плоти, свисающей складками и клоками. Сплетение его нитей и запахов было столь чуждым, что не вызывало ни страха, ни отвращения. Чудачке-Плетущей показалось невозможным испугаться настолько иного просто потому, что не существовало близких страшных ассоциаций. Вот клещ Межуровня тот был чем-то похож на земных паразитов, а этот ни чуточки ни на что знакомое страшное или противное не походил.

- Повелитель, - в причудливой смеси благоговения и страха - точных пропорций не отмерил бы и сам Творец - проскрежетала валяющаяся в знак глубочайшего почтения и смирения тушка.

- Что тебе обещано оплатой в сделке? - лениво уточнил Злат, только что царственно ногу на голову демона не опустил для создания полноты картины: «владыка и его верный раб».

- Три артефакта, дабы преумножить силу рода, мой Повелитель, - с готовностью доложил демон.

- С тобой расплатились?

- Нет, повелитель. Был отдан лишь один из трех.

- Условия сделки не исполнены! - взвыл заказчик, вылезая со своими претензиями.

- Глупец, когда это демоны блюли условия сделок? - расхохотался Дракон Бездны, и туман у его ног изогнулся головой гигантского черного ящера. Отсмеявшись, Злат позвал: - Двадцать и Одна, Связист, вы заберете нарушителя по жалобе в Суд Джокеров или я могу распорядиться им по своему усмотрению?

- Вот чего ты, Злат, бедолагам Силам нервы треплешь, разве им на границе с Бездной место? Сюда, как на работу, только я таскаюсь, - проворчал из ниоткуда сочный мужской бас. - Понятное дело, заберу этого козла. Вот ведь тварь, а еще жрецом прозывался. С демоном спутался, артефакты из храма упер, против Служителей Сил злоумышлял. Все доказано, учтено, исчислено.

- А демон? Я невиновен! Он! Это все он делал! - заверещал жрец, вздергиваемый в воздух незримыми путами.

- Демон следовал сути своей, исполняя сделку. С него и спроса - хрен да ни хрена. Если где порядки свои нарушил, так его лишь лорд Бездны карать властен, - нравоучительно пояснил Связист и исчез вместе с пытавшейся изобрести оправдания жертвой.

Надя даже не успела спросить: «А как же я?» Но, наверное, очень громко подумала, потому что Силы напоследок бросили:

- Только ты, это, демоняка, девочку обратно верни. Негоже Служительницу туда-сюда перешвыривать как посылку.

И еще одну, слышную лишь Надежде, почти уважительную мысль послал Связист девушке:

- Молодец, правильно сделала, что позвала, а не стала сама трепыхаться и нити дергать! Межуровнь - коварная штука, а уж для вашего брата Плетущих и подавно! В туманах потеряться и себя потерять - плевое дело.

Надежда лишь мысленно пожала плечами. Ей даже в голову не пришло трогать

странные серые нити этого непостижимого места, точно так же, как и делать что-то с нитями тех, кто в нем пребывал. Она инстинктивно чувствовала, что ни сплетаться, ни рваться по ее слову здешние нити не станут, лишь едва-едва откликаться будут. А трогать или рвать неприятные, странные нити этих двоих... Ну, наверное, можно было попробовать. Только зачем? Если те, кто ее сюда доставили, умрут, она легко рисковала остаться в туманном холоде навсегда.

Стоило ощущению присутствия Связиста исчезнуть, как серо-красный неуверенным скрежетом уточнил у Злата насчет распоряжения о возвращении Надежды:

- Повелитель? Мне исполнять?

- А что, хочешь ее себе оставить? - удивился тот, снова скрывая под маской прекрасного юноши чудовищную мощь и силу, проявлявшуюся лишь пляской тьмы и туманов на грани сознания.

- Съесть не могу, душу не выпить, метка жжется... нет, не хочу, - обстоятельно проскрежетал доводы против оставления девицы Надежды в своей судьбе демон.

- Тогда возвращай, - пожал плечами Повелитель Путей и Перекрестков, явственно развлекаясь за счет подданного. О чем откровенно свидетельствовали золотые нити и аромат гвоздики.

- А артефакт?

- Ну... можешь Силам артефакт, что тебе как залог перед выполнением работы дали, тоже вернуть, - снисходительно согласился Злат.

Демон взвыл с горестной покорностью.

- Но можешь и не отдавать, - продолжил Повелитель уже под Надино откровенное хихиканье. - Поскольку сделка состоялась по законам Межуровня. И если Двадцать и Одна возжелают вернуть свою собственность, то могут зайти сюда и вежливо попросить.

Демон выдохнул с облегчением и признательностью.

- Но девочку верни. За ней точно придут. И несъедобная она, опять же, - прибавил Злат и все-таки расхохотался. Почему-то его звонкий смех напугал демона куда больше любых угроз, он неловко вскочил, запутался то ли в ногах, то ли в щупальцах, то ли в одежде, но нелепыми движениями сделал главное: вытолкнул пленницу из призрачного холодного ничто в материальный мир - вернул ее точно туда, откуда взял - на лестницу в пятиэтажке.

Глава 29

Возвращение и объяснения

Надю почти оглушили встревоженные крики родных. Да. Они оба – мама Вера и Дмитрий – теперь были для нее родными:

– Надя?! Надюшка! Ты где?! Доченька! На-дя-а-а!!!

Голоса, звенящие оранжево-красной тревогой и острыми осколками, слышались и внизу, во дворе, и наверху, в лестничном пролете.

– Я тут, – моментально откликнулась девушка, взбегая по ступенькам к маме и попадая в ее объятия.

Каким-то чудом Шельга услышал голос Надюшки снаружи и буквально взлетел по ступенькам, чтобы стиснуть в железных объятиях уже двух своих девочек. Сердца бились громко, но уже не заполошно.

– Как ты нас напугала, доченька! – Вера осыпала лицо дочки поцелуями и одновременно тормошила, чтобы убедиться еще раз: вон она, Надюшка, живая, целая, невредимая. Стоит рядом, сопит носиком, будто и не исчезала в никуда на глазах Дмитрия несколько минут назад.

– Ты как со ступенек исчезла, мы весь двор перевернули! – хекнул Дмитрий. – Куда подевалась-то?

– Меня вроде как немножко похитили, но потом явились Злат и Связист, виновных наказали, а меня вернули, – коротко объяснила Надюшка.

– Кто похитил? Злат и телефонист? Это кто, твои новые друзья? – растерянно переспросила ничего не понимающая Вера.

Дмитрий мгновенно насторожился. Вчера, после всех нежностей, он все-таки рассказал как мог любимой женщине о том, что творилось за городом у самой обочины близ рощи, где стрекотала сорока и каркала ворона. О странных пареньках и их загадочных речах, о свете, цвете и феерии звуков из ниоткуда. О том, что их чудная девочка, кажется, на самом деле помогала спасать мир. И именно ее трудами он уцелел.

В минувшую ночь он был убежден: Вера поверила каждому его слову. Да, она почти ничего не спрашивала, но ведь и он все равно ничего не сумел бы ей объяснить, потому что слишком мало понял сам, несмотря на то что видел и слышал лично. Вероятно, это просто не предназначалось для глаз и ушей смертных.

А сейчас недоумение в глазах любимой женщины было незамутненным и искренним. Дмитрий настороженно вскинулся, опасаясь самого недоброго. Но Надя смотрела на маму с безмятежной улыбкой. Только прижалась еще разок, поцеловала родительницу и пообещала:

– Мамуль, я тебе потом обязательно расскажу, когда нужно будет. А сейчас мы все на работу вот-вот опоздаем.

– Ой, точно! Уже почти девять! – заметалась Вера и на минуту вернулась в квартиру, чтобы прихватить брошенную в прихожей сумочку. Больше о странной пропаже и чудесном появлении Надюшки мама не вспоминала. Только заботливо интересовалась, не забыла ли дочка свою картошку с котлеткой на обед. И нежно поглядывала на ведущего машину Дмитрия.

Высадив невесту, Дмитрий отъехал на соседнюю улицу и притормозил на парковке перед магазином, чтобы спросить в лоб:

– Надя, что происходит? Что там за похищение и почему Вера ничего не помнит?

– С похищением уже ничего. С теми, кто пытался, разберутся Силы и Злат. Угрозы больше нет. А про мамину память... Все обычно, – чуть печально отозвалась девушка. Вчера, при глубоком контакте с Силами, ее ненароком снабдили новой порцией

информации из мистическо-душевной сферы. Девушке, не ведающей своего «счастья», достались данные о закономерностях восприятия реальности живыми созданиями в целом и обитателями технических миров в частности. – Люди там, где властвует техника, не хранят памяти об истинных иномирных чудесах. Такова особенность плетения мира. Текучую воду не удержать в решетке...

– И те, кто вчера с твоими нитяными браслетами по району мотался, тоже все забудут?

– Скорее всего, – кивнула девушка. – Они помнят о землетрясении. Костерят метеорологов и сейсмологов, оказавшихся неспособными предсказать толчки, и хвалят себя за предусмотрительность, поскольку самое страшное решили переждать за городом, совместив пикник с деловыми переговорами. Сознание очень легко подыскивает материалистические оправдания любым поступкам, только чтобы не пришлось убеждаться в существовании небывальщины.

– То есть Вадим, твой Степаныч, мой босс, Любка – все сегодня уверены в том, что вчера гуляли на пикнике?

– Приедем – увидим. Но скорее всего, – повела плечиками Надюшка.

– А записи на смартфонах? – ткнул пальцем Шельга в убедительное доказательство материальности того, что и для него выглядело бредовой бредом.

– Или их уже стерли случайно, или сломалась техника, или люди просто не обратят на них внимания, – сочувственно объяснила девушка, как ей виделись вероятности нитей реальности.

– И я? К вечеру тоже буду считать, что возил тебя на загородную прогулку? – почти прорычал Дмитрий. Ему не хотелось терять собственного «я» и составлявших его воспоминаний.

– Нет, ты точно ничего не позабудешь и не подменишь удобной выдумкой реальность, какая бы она ни была странная, – открыто улыбнулась девушка.

– Я что, такой уникальный? – насупился, не поверив, собеседник.

– Ты замечательный, но причина в другом. Ты вчера воочию видел Плетущего Мироздание и Повелителя Межуровня, говорил с ними, чувствовал силу. Этого забыть невозможно. На каждое правило о защите разума от чуждой ему информации есть исключения. Мама, когда увидела Силы, тоже их запомнила и помнит до сих пор, пусть и очень смутно, потому что они проявлялись в нашем мире лишь как радужный свет. А Злат и Тиль вчера были здесь во плоти. Это куда веселее.

– М-да, слышал и говорил, – повторил слова Нади Шельга и тут же вскинулся со вновь проснувшейся искрой недоверия: – Надь, я ведь с ними на русском говорил, и они мне отвечали.

– Они говорили на своем языке. Мы его не знаем. Но они гораздо могущественнее нас обоих, потому что сила их слов такова, что понятна нам без перевода, – пояснила еще одно очевидное для нее юная Плетущая, промолчав, чтобы не расстраивать человека, о другом. Ей, как носительнице дара Плетущей Мироздание, отныне и навсегда стал понятен любой язык в любом из миров. Даже сейчас, в мире техническом, она улавливала общий смысл любой устной речи. Знание об этом в голове имелось, а утром Надя и невольное подтверждение получила, когда услышала обрывок песни из проезжающей мимо машины.

– Ясно, оставим пока, – побарабанил пальцами по рулю и снова тронул внедорожник Дмитрий, – хоть по большому счету ни черта ясно не было. – Чувствую, если ты мне в деталях все это объяснить попытаешься, голова, как орех под молотком, треснет. Пусть все устаканится.

– Пусть, – согласилась Надя. – Если наш мир начнет меняться, выбирая дорогу к чуду как вариант развития, то и те, кто все забыл, вспомнят. Если же нет – к чему их сейчас тревожить понапрасну?

– Бедная девочка, – посетовал Шельга, у которого со вчерашнего дня ощутимо ныла

голова, словно в ней перенапряглись те мышцы, каковых в голове вообще не бывает. Однако обнаружили, заработали и почти надорвались. – Это сколько же ты всего того, чего мы никогда не замечали и замечать не хотели, видишь и слышишь....

– Не надо меня жалеть. Я не бедная, я очень-очень богатая. И ни на что иное такие сокровища не променяю! Знаю, что я чудачка, но мне это нравится! – горячо объяснила свою позицию Надя, сверкая глазищами. Кажется, даже ее пушистые волосы, превращающие головку в милый одуванчик, на миг встопорчились иголочками. – Мне не важно, или не настолько важно для счастья, чтобы другие видели и слышали все так же, как я. Есть те, кто видит, слышит и понимает. Пусть даже они не в этом мире, но я могу с ними общаться, и потому одиночество мне не грозит.

В то, что те, с кем общаешься столь странным образом и кому сама возможность физического общения с тобой заказана какими-то высшими законами, могут стать адекватной заменой настоящим единомышленникам, Дмитрий не особо верил. Но разубедить Надюшку не стал. Пусть! В конце концов, у девочки есть он, Вера и эта, как ее, продувная девица без царя в голове, Любка. В шесть рук на земле фантазерку удержат, а случись нужда, еще и Степаныча подключить можно! Насколько успел заметить Шельга, Гаврилов свою маленькую ассистентку обожал.

Потому Дмитрий перестал копаться в необъяснимом, довез Надюшку до офиса и поехал к своему шефу. Сейчас Шельга испытывал легкий исследовательский зуд. Что-то Красильников насчет вчерашнего для себя решил? Права Надя или ошиблась?

И когда предположения девушки подтвердились – начальник всерьез был убежден, что они с Гавриловым и Стрельниковым обсуждали перспективный строительный проект, – Дмитрий почти не удивился. Ему и самому показалось бы ненормальным, начини босс рассуждать о всякой мистике. В книжках ей самое место и в фантастических фильмах. А что его жизнь вчера на фантастический сериал походила, так всякое изредка случается, и незаряженный пистолет стреляет.

Убедилась в истинности своей версии и Надя. Степаныч, едва заявившись в офис, извлек из очередного кармашка любимого жилета чуть помятый, в жирных пятнах, вчерашний счет от «Погребка» на продуктовые корзинки для пикника. Выложив его на стол, велел оформить задним числом приказ на представительские расходы по выездным переговорам со Стрельниковым и Красильниковым.

Надя лишь кивнула, налила боссу зеленый чай и застучала по клавишам, сочиняя оправдательный документ для бухгалтерии. Благо болванка под него в компьютере уже была забита.

Так в привычной круговерти рабочий день подошел к концу, за ним последовал милый и тихий семейный вечер. Мама всегда готовила замечательно, но сегодня расстаралась особенно. Мясо под сырной корочкой, два салата к воздушному пюре и светящиеся отраженным теплом друг друга глаза Дмитрия и Веры – как объяснение «гурманской» радости. Что удивительно, лишней рядом с ними Надя себя не чувствовала ни капельки. Она совершенно точно ощущала, что нужна им обоим.

Глава 30

Смотрите, кто пришел...

Бдзынь! Умиротворенную радость общения с близкими нарушил какой-то странный звук дверного звонка. Будто звонящий банально не умел им пользоваться или не доставал до кнопки. Открывать отправилась Надежда, но одну ее Дмитрий не отпустил. На всякий случай пошел следом. Пусть девочка и сказала про отсутствие опасности, но береженого Бог бережет.

На пороге в ореоле очень знакомой затухающей радуги стоял худощавый мужчина с очень знакомо всклокоченными волосами. Правда, бриджи и рубашку с коротким жилетом, обычно составлявшими его наряд, сменили черные джинсы и светлая рубаша с накинутой поверх нее, но не застегнутой кожаной курткой. В руке – вполне цивилизованный портфель для документов. С похожим ездил шеф Надюшки.

– Дарсен? – удивленно выдохнула девушка.

– Светлого вечера. Узнала, куколка? – кривовато усмехнулся законник.

– Ты сильно похудел с нашей последней встречи и переоделся, но твои нити все такие же яркие, даже ярче стали, будто их от пыли или накипи освободили, – объяснила Надюшка и с удовольствием потянула запах мужчины. Он пах обжаренными кофейными зернами и морозной свежестью. Уютом и одновременно ветром дороги.

– Да уж, похудеешь тут, когда такое творится, – передернул плечами Дарсен и церемонно уточнил: – Удостоишь чести быть приглашенным?

– Конечно, заходи, пожалуйста, – пригласила коллегу в дом девушка.

– Благодарю, – наклонил голову юрист, перешагнул порог и буквально споткнулся об испытующий взгляд Дмитрия.

– Вот значит как, куколка, – почти болезненно улыбнулся Дарсен, невольно подавшись назад.

– Не так, я муж ее матери, – вернул ему усмешку Дмитрий. – Заходи, чувствуй себя как дома, но не забывай, что ты в гостях!

– Хм... о... а... шутка, – быстро сориентировался законник, будто перебирал какую-то информацию.

– Надя, его я тоже понимаю, потому что он особенный? – уточнил между делом Дмитрий.

– Не знаю, – чуть-чуть растерялась девушка, подбирающая тапочки для гостя. Вроде как ни к богам, ни к иным высшим созданиям законник не относился и печати посвящения от Сил не имел.

Тот отвлекся от озадаченного наблюдения за процессом перебора обуви и объяснил с очередной, явно болезненной улыбкой:

– Нет, это Великие постарались. Я теперь ваш язык знаю. Заодно, пока о клеще рассказывали, расстарались, чтобы я лучше в ситуацию вник.

Похоже, процесс передачи знаний на новый носитель не прошел безболезненно и на позитивной волне. Стоило девушке припомнить процесс собственно ознакомления с необходимым пакетом знаний, как необходимость что-то уточнить пропала. Вряд ли Силы успели научиться регулировать интенсивность канала и сужать его до приемлемого.

– Тапочки надевай и проходи, – пригласила Надя. – Ужинать будешь?

– Не откажусь, – решил Дарсен, как в омут с головой с обрыва бросился.

Осторожно переобулся из ботинок в тапочки для гостей и последовал на кухню, где был представлен маме Вере как юрист, коллега Надюшки. На свое счастье, мама решила, что

речь идет о вполне земном коллеге по офису и какой-то срочной работе. Кстати, экзотичности имени юриста мама ничуть не удивилась. Мало ли народу на Русь приходило, кто с чем, да так и оставалось на земле или в земле. Главное, в мамином сердце поселилась робкая надежда на то, что ее девочка настолько кому-то приглянулась, что для срочной работы к ней домой пришли, воспользовавшись надобностью как предлогом. И, что еще более радовало, Надя не пыталась сбежать из-за стола или спровадить гостя. Огорчать милую женщину, проявляя глубину ее заблуждений, никто не стал. Потому Дарсен был щедро оделен порцией пюре, отбивными и салатом. Из напитков на выбор предложили сок и чай.

- Ты извини, что без вина, - запоздало спохватилась Надя, припоминая алкогольные привычки коллеги. - Но, если надо, у нас в баре была пара бутылок красного. Достать?

- Нет. - Кажется, бедного законника, не сходя с места, приподняло, вывернуло наизнанку и вернуло обратно. Во всяком случае, перекосило его изрядно.

- Чай меня устроит! Я, кажется, теперь лет пятьдесят ничего крепче компотика пить не буду. Эти хирдманы чокнутые вообще слов «хватит» и «мне больше не наливать» не понимают! Зачем только я снова туда поперся!!! - прохрипел позеленевший юрист и ополовинил чашку с крепким горячим чаем, не вызывающим мгновенной или отложенной головной боли.

- Еще и непьющий! - окончательно уверилась в правильности дочкиного выбора Вера и, подперев кулачком щеку, с умилением взирала, как едят любимый мужчина, гость и Надюшка. От шарлотки на сладкое в считанные минуты остались одни крошки.

Когда сытый Дарсен заикнулся о делах, Надя решительно подцепила его под локоток и уволокла в свою комнату прежде, чем кто-то что-то успел решить за нее.

Законник оглядел знакомую по наблюдению снаружи девичью комнату с каким-то странным, не поддающимся идентификации выражением и почти нервным движением не то вздохнул, не то пригладил темную шевелюру. Прически как таковой на голове не было, и клочья растительности лежали в хаотическом беспорядке, тогда как, к примеру, у Тиля этот беспорядок больше соответствовал званию «хаотическая гармония». Волосы же Дарсена были слишком коротки для мира, где они жил, и несколько длинноваты для земных реалий. Но Наде на внешний вид было наплевать, она усадила гостя в кресло, сама села на кровать и поспешила уточнить:

- Новые проблемы? Тебе снова грозит опасность?

Законник аж поперхнулся началом какой-то заготовленной фразы, неприятно удивленный:

- Ты решила, что я прибежал к тебе прятаться, подставляя под удар?

- Почему подставляя? Плетение мира чужого не пропускает. И тебя самого вроде Силы принесли, но ничего не сказали мне, сразу исчезли... - растерялась Надя от хинного вкуса слов коллеги.

- Еще бы... Великие до сих пор вину чувствуют перед тобой, потому не хотят пока на глаза показываться.

- Вину? - окончательно потеряла нить разговора девушка. Она не могла понять, как величайшее чудо в ее жизни может быть перед ней каким-то образом виновато? Да к тому же столь глобально виновато.

- Еще бы, - хмыкнул Дарсен. - Вчера после твоего похищения Великие клубочек до конца размотали. А если бы с ИК, куда их Связист послал, живее шевелились, то и похищения могли избежать. Я, впрочем, тоже перед тобой виноват, но, думаю, уже кое-как, - тут законник коснулся рукой головы, где не так давно была повязка, - за свою дурость расплатился. О тебе и обо мне Двадцать и Одна своим жрецам поведали, когда искали способ защититься от проклятий, проникающих сквозь границы миров. Меня жрецы нашли быстро, на тебя через меня вышли, упоив вусмерть и кое-что для развязывания языка в пойло сыпанув. Как-то смогли мир твой определить, а там уж и наемниками обзавелись. Есть такие нехорошие местечки, куда доступ восприятия даже у

Сил блокируется начисто или крайне ограничен. Там и проходят такие сделки. Теневики на нас заказ не взяли, а вот кое-кто из Межуровня на награду польстился.

- И теперь Силы винят себя за эти преступления? – поразились Надя.

- За свою наивность и доверчивость, скорее, – предположил Дарсен. – Кто же знал, что часть жрецов такими тварями окажется...

- Ничем не лучше тех интриганов-богов, которые хотели себе храмы забрать, – печально согласилась девушка.

- Нет, лучше, те хоть свои цели преследовали, интриги плели, а эти просто за власть грызню устроили, предавая тех, кому служат, – жестко возразил законник.

- Да, ты прав, – признала Надя.

- Но я здесь не для того, чтобы о безнравственности чужих жрецов дискуссии устраивать. Ты благодарность писать собираешься или как? – несколько нервно реагируя на теплый взгляд девушки, уточнил Дарсен.

- Конечно! – просияла Надюшка. – Давай! Я же не знаю, как у вас положено.

- А не надо, как у нас, – нравоучительно пояснил законник, щелкая замком на наружном отделении портфеля и доставая из него явно гербовую бумагу и перо, благо не гусиное. – Будем делать как у вас. Такого они точно никогда не получали, должны оценить. Основу мне устно набросай. А я уж завитушек поверх накидаю.

- Хорошо, – согласилась Надя, юрист пересел на стул у письменного стола и азартно велел:

- Диктуй!

- Многоуважаемая Великая Триада Джокеров, – начала девушка не то под смехок, не то под кашель Дарсена. Тут же прервалась и переспросила: – Я что-то не то сказала?

- Хм, как бы и не знаю... у нас бы начали с «О Великая Триада», но твой подход мне больше нравится, и так им послание точно никто больше не начнет. Так что дерзай, избранная и посвященная, – поторопил коллегу законник, и Надя продолжила диктовать.

Закипела работа. Бок о бок, не через окошко заклинаний, а сидя рядом, подхватывая мысль, порой перебивая, горя согласием или яростно возражая друг другу, парочка Служителей Двадцати и Одной сотворила благодарственное письмо на целую страницу. Меньше не стали – несолидно, больше тоже – будет скучно читать. Надя и Дарсен не забыли никого из причастных (и хоть косвенно, но виноватых) к спасению измерения: Тиля, то есть высокого лорда Тильдерина, высокого лорда Злата, Связиста, носящего титул Туза Сил...

Черновик послания парочка набросала меньше чем за час, и еще минут пятнадцать Дарсен перекачивал депешу на лист сияющей переливчато-радужным светом бумаги. Закончил, поискал что-то на столе, не нашел и просто помахал бумагой в воздухе. Затем торжественно провозгласил:

- Готово! Давай, ставь печать и отправляй!

- А? Э? – Надя хлопнула ресничками, сильно сомневаясь, что какая-нибудь курьерская почта ее мира способна доставить депешу в иное измерение.

- Ладощку приложи, куколка, – подсказал с доброй улыбкой законник. – Ничего иного не надо. На послания, адресованные Триаде, особые чары налагаются, изначально с именем их связанные. Все, им предназначенное, вовремя доставляется.

Все еще сомневаясь не в чудесах, а в своей способности сотворить это конкретное чудо одним касанием, Надя встала и приложила правую руку к письму.

- Левую, ту, где печать Сил, – заухмылялся Дарсен.

- Ой, – смутилась Надя, теперь-то сообразив, какова магия пересылки, и сменила руку,

приложив ладонь внизу послания вместо личной подписи, рядом с автографом Дарсена. Печать Сил на ладони каким-то образом на миг переплелась с вплетенным в бумагу радужным контуром и сработала. Послание исчезло. Куда? Наверное, в великую канцелярию Великой Триады. Если у них такой документооборот с мирами, то и канцелярия тоже должна быть ни много ни мало, а великой.

Законник умиротворенно кивнул, убрал в портфель свои вещи и поднялся:

– Спасибо за ужин и компанию, для меня удовольствие работать с тобой, Надежда, избранница Сил.

– Это взаимно, Дарсен, – светло улыбнулась девушка, чем вызвала на лице мужчины странную не то гримасу, не то судорогу. Может, опять выпивку с хирдманами вспомнил?

– В таком случае до встречи, куколка! Я теперь заходить буду!

– Здорово! – искренне обрадовалась Надежда. – Если тебе и Силам не трудно, то так даже лучше!

– Тук-тук! – В дверь тактично постучал Дмитрий. – Вера всех зовет чай пить. А тебя, Надя, просила помочь с заваркой.

– Конечно! – Девушка тут же умчалась на кухню.

А Шельга решительно уцепил за плечо юриста, дернувшегo было следом. Требовалось кое-что прояснить, и побыстрее.

– Надя сказала, что в наш мир еще долго никто войти не сможет, – проронил землянин.

– Так и есть, воин, – согласился Дарсен, настороженно косясь на Дмитрия. – Силы смогли сделать для меня исключение.

– Что, ты теперь туда-обратно ходить будешь? – недоверчиво уточнил мужчина.

– Нет, это билет в один конец, – честно признался гость и продолжил: – Но как мужчина мужчину прошу, Надежде об этом не говори. Пусть пока считает, что я для работы пришел, и заодно, прошу, передай ей вознаграждение. Она наивная птичка, но ты осмотрителен. Поможешь ей распорядиться? Это от Сил: зарплата, аванс, компенсация и все такое.

Законник поставил на кровать портфель, щелкнул замком самого большого отделения и перевернул. На охристое покрывало хлынул водопад сверкающих камней. Не спружинив, тяжело упали брусски золота.

– Здесь, как и почти везде, это ценится, – тихо констатировал гость.

– А сам почему не отдал?

– Не знаю, – передернул плечами Дарсен. – Ей все это предлагать, словно чистый свет мараť. Расчетливости ни на медяк, бесит! И в то же время пусть такой остается. Тех, кто за медяшку удавиться готов, в мирах и без того предостаточно.

– Себе оставил? – уточнил собеседник, не спеша брать подарок.

– Мне? – передернул плечами законник. – Не надо, как-нибудь перекантуюсь. Несколько безделушек на продажу есть, не пропаду.

– Поправь меня, ты сейчас отдал Надюшке все, что вам дали Силы? – нахмурился Дмитрий.

– Отдал, да, – задумчиво согласился Дарсен, благодаря которому Двадцать и Одна вообще сподобились озаботиться меркантильными вопросами бытия.

– И куда ты сейчас пойдешь? Без наличных денег, без документов... – продолжил задавать неудобные вопросы Шельга.

– Не пропаду, – отмахнулся законник.

- Уверен, – согласился Дмитрий. – Но скажи, зачем ты решил остаться?

- Великие... они замечательные, но людское коварство и злые умыслы не всегда понимают. Нельзя такую девочку без пригляда оставлять. Ты знаешь, воин, как Плетущие Мироздание в мирах ценятся? Это же легенда, чудо, дар Творца! Таких беречь как величайшее из сокровищ надо, а здесь толком даже и не поймет никто, какая она, сколько ни объясняй.

- Я понимаю, видел, – тихо возразил Дмитрий. – Но ты прав, в вашей магии и тех опасностях, что могут прийти извне, я не разбираюсь.

- Я тоже не мастер, так, кое-что по мелочи. Все больше головой, языком и пером работал. Но я пройти смог, а иного защитника, способного и согласного через границу шагнуть без возврата, Великим не отыскать.

- В нашем мире насколько ориентируешься? – уточнил следующий пункт Шельга.

- Достаточно, – скривился, будто наелся тухлых лимонов, законник и пояснил: – У Великих под рукой только одна матрица памяти нашлась. Той твари, которая девочек убивала. Язык, понятия ваши мне теперь знакомы. У этой твари даже высшее юридическое и практика имелись. Можно сказать, повезло... Только ощущения были, будто в нечистотах купался. Но это все как шелуха отлетает, а знания остаются. Неучем и обузой не буду.

- Что ж, тогда пошли чай пить, а потом я тебя до квартиры подброшу. Поживешь пока у меня. Здесь, сам понимаешь, тесновато вчетвером. С документами не обещаю, но надежному человеку позвоню, попрошу сделать корочки. И это все... – Дмитрий кивнул на россыпь сокровищ, – реализуем. Вам пригодятся. Дом хороший купишь и все такое. Но одно тебе самому делать придется, тут уж никто не помощник.

- Ты о чем? – озадаченно нахмурился Дарсен, совсем не ожидавший от незнакомца щедрой готовности помочь.

- Заставить девочку тебя полюбить никто не сможет. Сам старайся, – объяснил Шельга.

- Выдумал! Куда мне, битому жизнью алкашу, такое чудо? Да я и не... – начал было оправдываться юрист, наткнулся на добрую насмешку в глазах собеседника и заткнулся. Хочет тот за его счет чуток повеселиться, пусть, зато помочь реально собирается...

Поздним вечером, когда Надя и мама убрали на кухне (мужчин к посуде не подпустили, да они особо и не настаивали), Вера осторожно уточнила у задумчиво улыбающейся дочери:

- Надюш, а как тебе Дарсен? Не воняет, как Ярик?

- Нет, – качнула головой девушка, складывая чистые ложки в ящик. – Он очень правильно теперь пахнет. Вкусно. Кофе и, знаешь, как у нас на балконе зимой, когда мокрое белье высохнет и задубеет, этой свежестью морозной. И радугой. Он ею продолжает светиться...

Надя подумала о том, что Двадцать и Одна зачислили Дарсена в штат своих Служителей прочно, пусть и не ставили ему метки. А иначе с чего ему переливаться их цветами?

- О? – заулыбалась довольная мама. Раньше дочка ни у одного гостя, приглашенного на смотрины, запах не хвалила.

- Ага, – улыбнулась Надюшка и снова потянула носиком, будто продолжала чутать понравившийся аромат.

Глава 31

О пользе недугов

Через несколько дней Дарсен снова объявился в доме Последних. О том, что выходец из иного мира поселился в квартире Дмитрия и ему сейчас делают документы, оба (Шельга и Виндер) молчали как партизаны на допросе, а милым дамам и в голову не приходило подробно расспрашивать мужчин, хотя что-то смутное подозревали обе, кто в силу природных талантов, кто благодаря обычному женскому чутью. Но, опять-таки, обе списывали секреты Дмитрия на его подготовку к свадьбе.

Явился гость со скромными букетиками для хозяек дома и какой-то неуверенной улыбкой на лице. Будто давно уже позабыл, каково это, улыбаться искренне, а не кривить в ехидной усмешке губы, но теперь заново осваивал навык. Разумеется, законник был приглашен гостеприимной семьей на ужин. Но не успели все сесть за стол, как в дверь снова позвонили.

На площадке стояла тетя Лида. Их молодая соседка по подъезду. Муж у нее имелся, но работал дальнобойщиком, а родители обоих проживали в деревне, потому, если женщине требовалось куда-то отлучиться на часок, она изредка просила Последних приглядеть за своей четырехлетней дочкой Ариной.

Но сейчас Лида пришла одна и выглядела смущенно-виноватой.

– Лидочка? Проходи! Что случилось? – немного заволновалась Вера.

– Я на секунду! – не стала заходить соседка. – У Аринки ветрянка. Все тело в пупырышках, сегодня высыпали. Вы же с ней контактили во дворе, я на всякий случай предупредить забежала. Не знаю, болели или нет, – протараторила женщина.

– Я болела, а Надюшка нет, – призналась Вера.

– Ну вы тогда посматривайте, а лучше ацикловир или зовиракс попейте, – виновато пожалала плечами Лида и сбежала к себе, пока дочка не проснулась.

Вера вернулась на кухню и поведала всем неприятные новости.

– Ветрянка? – не понял сути Дарсен: в обрывочной матрице памяти маньяка этих данных не значилось.

– Ветряная оспа, у взрослых тяжело протекает, – уточнил, нахмурившись, Дмитрий и недолго думая набил запрос, чтобы показать на смартфоне картинку недужного.

Дарсен мгновенно спал с лица, буквально почернел, глаза загорелись лихорадочным страхом, а губы принялись безостановочно шептать:

– Нет, не надо, Творец, прошу! Только не это! Нет!

Вера озабоченно покосилась на мужчину, на Надюшку и сказала:

– В аптечке ацикловир, кажется, был. Сейчас принесу.

– Ты чего? – схватил Дарсена за плечо озадаченный Дмитрий. А Надя никак не могла понять, почему от законника полыхнуло ослепительно-белым с черными прожилками холода.

– Твоя картинка. Красные пятна по телу... у моих тоже так начиналось, сгорели за трое суток, – сглотнул комок в горле мужчина и лихорадочно потребовал: – Надя, молю, вызывай Силы! Пусть они тебя исцелят! Ты Служительница, они должны тебя исцелить!!! Если откажутся, я снова Триаде буду писать!

Дарсен вскочил со стула, пробежался по кухне, яростно затряс головой, видя, что Надюшка не стремится следовать его просьбе. Подбежал к ней, присел на корточки, схватил и, отчаянно заглядывая в лицо, с силой сжал запястья:

– Пожалуйста! Попроси! Я не смогу снова...

– Дарсен, это не та болезнь, – даже не пытаюсь высвободить насмерть пережатые запястья, мягко заговорила Надя. – Все, что нам грозит, даже в самой тяжелой форме – несколько дней с высокой температурой и зудящие пятна. Чтобы и этого избежать, мы не Двадцать и Одну звать будем, а выпьем лекарство. Тебе тоже надо. Давай, никто от ветрянки не умирает. И мы не умрем, я обещаю!

При переселении на ПМЖ законника в урбанизированный мир Двадцать и Одна постарались максимально адаптировать его к реалиям, в том числе вирусным реалиям мира. Для чего беззастенчиво использовали матрицу казненного Надей негодяя. Но ветрянка есть ветрянка. Привили ли Дарсену заодно иммунитет и к ней, неизвестно.

– Ацикловир есть, начатая пачка, а завтра еще купим, – заявила Вера, возвращаясь на кухню, и растерянно замерла, не понимая происходящего.

– Мама, давай, мы выпьем, – попросила Надюшка.

Она все-таки сумела достучаться до паникующего друга. Возможно, как заклинание, сработали слова «мы не умрем, я обещаю». Дарсен нашел в себе силы разжать сведенные на запястьях девушки пальцы и встать.

Лекарство было употреблено, ужин продолжен. Правда, до конца успокоиться законник так и не смог. Все поглядывал на Надюшку. То ли опасался увидеть на ее челе печать смерти, то ли ветрянную сыпь.

Когда Надя вышла наполнить опустевший чайник, Дмитрий выскользнул следом и осторожно уточнил у девушки:

– Что с Дарсеном? Он в панике.

– Его семья погибла во время эпидемии, от вируса, по внешним признакам похожего на ветрянку.

– М-да, теперь понятно... Он сам-то не сляжет, как папуас от гриппа? – насторожился Шельга.

– Нет, – улыбнулась Надюшка, машинально потеряв запястье, где остался красный след от пальцев паникующего законника. Причем, тут уж девушка видела ясно, переживал он за нее и только за нее, а вовсе не за себя.

– Тебе видней, – закрыл тему Дмитрий.

Машину, пока Дарсена легализовывали по всем каналам, юрист не водил за неимением прав. Оттого его великодушно подбрасывал до квартиры Шельга, чувствуя ответственность за «прирученного» иномирянина. «Прирученный» не возражал, пообещав себе непременно отплатить новому другу добром за добро.

Сам Виндер, расколовшись-таки и поведав довольной Надюшке о своей «горькой доле эмигранта», не только занимался борьбой с бюрократической системой на благо личного будущего, переводом красивых камешков в шуршащие денежки и циферки на банковских счетах, но и восстанавливал квалификацию. Что ему, великолепно шарившему в законах многих сотен миров, ознакомление с юриспруденцией нескольких земных государств? Великолепная память, громадный опыт и остатки знаний с матрицы, которыми его одарили Великие, стали замечательным подспорьем. Все же остальное, в частности, репутация и клиенты, нарабатывается лишь практикой.

Пусть Дарсен выбрал новый мир, но проматывать принесенные капиталы, а уж тем паче жить за счет Нади он ни в коем случае не собирался.

Когда Дмитрий с гостем вышли, Вера осторожно заметила дочери:

– Надюш, я, конечно, ошибаться могу, но, мне кажется, ты нравишься своему коллеге.

– Не-а, мамуль, не нравлюсь, – с мечтательной улыбкой на устах поправила матушку девушка. – Он на мне жениться хочет.

– Ой. – Вера прижала ладошку ко рту и с робкой надеждой уточнила: – А ты?

- Я буду согласна, - торжественно пообещала Надя, не так давно разобравшаяся в безумном клубке ярких нитей законника и, невольно, в его к себе отношении. - Только он сам еще до конца ничего не решил, но я подожду. Спешить некуда.

- Да, ты у меня еще совсем молоденькая, - часто заморгала повлажневшими глазами Вера.

Слова дочки бальзамом пролились на материнское сердце. Собственное счастье перестало ее смущать. У них обеих появились спутники жизни. В правильности Надюшкиного выбора мама даже не сомневалась. Опытным путем убедилась: пусть ее лапочка и странно видит мир, но видит куда вернее многих.

Опять же юрист - профессия денежная и надежная, как врач. Болеть и судиться люди всегда будут. К Наде, тут Вера сама видела, равнодушен. Так мужчина переживал из-за обычной ветрянки! Мама Вера тихонько вздохнула и окончательно успокоилась. Вот и для ее славной доченьки нашлась половинка!

Но даже прозорливым Плетущим Мироздание из рода Последних свойственно ошибаться. Во всяком случае, насчет временных рамок. В этом через неделю убедились все. Когда перед ставшим традиционным ужином на четверых Дарсен, явившийся взъерошенным больше обычного, не проходя к столу, предложил Наде для начала переговорить.

Надя встревожилась: а ну как опять случилось что-нибудь катастрофическое, причем настолько, что даже Силы к ней носа не кажут, чтобы своей истерикой ей душу наизнанку не вывернуть? Потому девушка безропотно прошла в свою комнату вслед за гостем.

Тот так спешил, что зацепился манжетой рубашки за ручку двери. Бедная ткань не выдержала нервного рывка, издала характерный звук и порвалась.

Не прекращая движения, Виндер скороговоркой пробормотал что-то себе под нос, накрывая пальцами, сложенными в странную не то щепоть, не то фигу, пострадавшее место. Внутри неопознанной фигуры из трех перстов у законника проскочила отчетливо желтая искра, и рубашка вернулась к изначально целому состоянию.

Надежда аж рот приоткрыла от восторга и предвкушения перемен. Неужели так быстро? Не прошло и месяца, а начали сбываться слова Тиля? Неужели?

Между тем юрист довел девушку до комнаты, дождался, пока она сядет, сам торжественно опустился перед ней на одно колено, полез в карман брюк и достал коробочку.

- Надежда, я... - начал Виндер, замолчал, потеряв нить заготовленной торжественной речи, махнул рукой и выпалил: - Знаю, я потрепанный жизнью циничный сутяга, но не согласилась бы ты стать моей женой?

- Дарсен, - начала было говорить Надя и тут же, как он сам несколькими секундами ранее, захлопнула рот, пристально всмотрелась в лицо друга и тревожно уточнила: - Ты себя хорошо чувствуешь?

- Я не брежу и говорю серьезно, - горько выдохнул тот, предчувствуя отказ.

- Нет, я согласна, спасибо, я о другом, - в пику дурным ожиданиям помотала головой Надюшка, взяла мужчину за руку и, подведя к зеркалу, ткнула в отражение.

На шее, у самого ворота рубашки, и на лбу слева у Виндера прямо на глазах проступали и наливались краснотой очень характерные и знакомые любому педиатру пупырышки.

- Это... - беспомощно уставился на собственное отражение Дарсен, отгоняя нахлынувшую было панику - гостью из мрачного прошлого.

- Похоже, ветрянка, - сочувственно констатировала девушка. - Но в легкой форме. Ты же таблетки пропил. Хотя... Если знаешь какие-то целительные чары, можешь попробовать

на себе.

– Смеешься? Я и там-то себе даже насморк вылечить не мог. А здесь и вовсе магия не действует, – напомнил состоявшийся жених, не зная, то ли радоваться (ему ответили взаимностью), то ли переживать о надвигающемся недуге.

– Насморк такая пакость. Он, наверное, нигде и ничем не лечится. А рубашку ты как починил? – захлопала ресницами Надя.

– Рубашку? – повторил Дарсен, заторможенно поднес рукав с восстановленной манжетой к лицу и растерянно признался: – Не знаю! – И тут же беспомощно пожаловался: – Надя, у меня все чешется!

– Мы с мамой лосьон заранее купили. Сейчас принесу, намажем! – заулыбалась девушка. – А потом Силы про магию спросим. Высокий лорд Тильдерин, Плетущий Мироздание, когда восстанавливал структуру мира, говорил, что магия может со временем к нам прийти. Только почему так быстро, или это только разок у тебя получилось, пока непонятно.

– А кольцо? Примешь? – с воскресающей надеждой уставился на Надежду жених, крутя в пальцах бархатную синюю коробочку.

– Приму, только давай после того, как тебя намажу, чтобы красивую вещь случайно не испачкать, – предложила девушка. – И не вздумай чесаться, а то шрамы останутся!

– Ты же еще кольца не видела.

– Зато я тебя вижу. Ты со вкусом одеваешься, потому и кольцо точно выбрал красивое, – уверенно объявила Надя и выбежала из комнаты с криком: – Мам, у Дарсена ветрянка, куда мы лосьон поставили?

– Вот тебе и романтика, блин... – проворчал вслед невесте законник и осторожно почесал зудящую шею. Хотелось от души поскрести ногтями, но предупреждению невесты он внял и рвение благоразумно умерил.

Славясь, предусмотрительность Надюшиной мамы! Ветрянку Дарсен подхватил, спору нет, но протекала она у него в очень легкой форме. Температуры не было, только обильная сыпь по всему телу, которую заботливо помогала смазывать Надя, тихо умиляясь беспомощности жениха перед обычной детской болячкой. Оставалось только радоваться, что высокой температуры юрист счастливо избежал, потому писать завещание, прощаться со всеми на смертном одре и гнать от себя окружающих, дабы они не заразились страшной хворью, не стал. Вследствие этого стоило сказать, что счастливо избежали тяжелого течения его болезни и все остальные.

Заодно нашелся повод побеспокоить Великих. Вызывала их Надя через печать на ладонке, чтобы спросить про магию для мира, а заодно уточнить возможность воздействия Сил Исцеления на Дарсена. С последним, увы, пролетели. Воздействие на физические объекты для изменения физических же свойств (в том числе исцеление недугов) для Двадцати и Одной по-прежнему правилами технического измерения не допускалось. Зато с магией все оказалось не столь однозначно. Нити ткани измерения начали меняться и вибрировать, непроизвольно подчиняясь коллективному бессознательному. Готовность людей, особенно последних поколений, к приятию волшебства не могла не сказаться. Магия действительно стала проявляться. Пока еще редко и краткими вспышками в моменты особой вибрации нитей. Именно «счастливое окошко» позволило законнику починить рубашку. Условиями применения волшебства стали: нужное текущее состояние нитей измерения, полная уверенность в возможности использования магии, дар к ней и, собственно, сам навык использования. Дарсену повезло, совпали три обязательных пункта. Всем остальным, мечтающим о магии, оставалось только ждать и, наверное, интенсивнее мечтать для ускорения неспешного процесса.

Поразмыслив, Надя даже порадовалась, что все это будет еще не скоро. У людей хватит времени привыкнуть и научиться контролировать новые силы. А когда магия станет

проявляться в достаточной мере, мир откроется для Сил и их Служителей, а значит, будет кому присмотреть за измерением. Пока же смутные опасения вызывали у Надюшки не самозванные маги-экстрасенсы, не верящие в собственный спектакль ни на грош и зарабатывающие на наивных людях, а многочисленные ролевики, увлеченно изображающие из себя великих магов. Оставалось только надеяться, что ни на одной ролевке не случится совпадения четырех факторов. Все-таки магический дар – не музыкальный слух и встречается даже в спящем состоянии гораздо реже.

Пока девушка осмысливала плюсы и минусы изменений, Силы кружили и ждали чего-то слишком напряженно и смущенно, чтобы это можно было проигнорировать. Пришлось Наде спрашивать прямо:

– Что вас тревожит?

– Ты не сердись? – Огорчена? – Расстроена? – Вiniшь нас в деяниях жрецов? – Злом умысле, поставившем твой мир на грань гибели? – хором и вразнобой заголосили Двадцать и Одна, вываливая на избранницу все свои сомнения и переживания.

– Нет, – пожала плечами девушка, удивляясь теплой тревоге и переживаниям своих загадочных покровителей. – Вы хотели защитить меня, когда обращались за советом к жрецам. А что они обернули ваше доброе расположение в пакости, то их вина, но не ваша. Им за нее и платить. Вам нечего стыдиться. Мы вовремя нашли способ помочь моему миру и повернуть все к лучшему! За Дарсена вам большое спасибо! Я очень рада, что он рядом. Вдвоем помогать вам нам будет еще удобнее.

Законник от последних слов смущенно кашлянул. А от Сил снова повеяло не только горячим согласием, но и неловким робким ожиданием.

– Что? – первой не выдержала Надя.

– Нити, – робко пояснили Силы.

– Какие нити? – с подозрением вмешался Дарсен.

– Спутанные. Совсем чуть-чуть, пара узелков, – затараторили Двадцать и Одна.

– Где? – надавил законник, чуя недоброе.

– В Варсейме, – пискнули энергетические создания.

– И какое отношение имеет к этому Надежда, о Великие? – вернулся к тону допроса Дарсаен.

– Она – Плетущая Мироздание! – гордо ответили Силы.

– Она здесь. А где ваш Варсейм? – напомнил о правде жизни законник.

– Не очень далеко, – покаянно завздыхали Силы и закручинились – И Плетущего Мироздание, гуляющего по мирам, нам для коррекции плетения подвластного мира в ближайшую сотню лет никто не даст. А там море из берегов выходит.

– Вы считаете, я могу как-то помочь тому миру, находясь здесь? – удивилась Надя.

– Не знаем! – Попробуем? – Через экран связи? – Попытайся! – заголосили, объясняя идею, Силы.

– Хорошо, я попробую, – просто согласилась Плетущая Мироздание, озадаченная возможностью работы в столь оригинальной форме.

Двадцать и Одна не мешкая развернули перед девушкой вид на кипящее белопенное море, долбящееся о скалы под серыми горами облаков, на запертые в гавани, рвущиеся с цепей и канатов корабли с драконьими головами.

Для тех, чьей жизнью было море, пара узлов на Нитях Мироздания, будораживших воду, оборачивалась приговором. Надя села поудобнее на кровати, оперлась на Дарсена, полуприкрыла глаза и постаралась рассмотреть те самые беспокоящие Варсейм узелки. Ни на что особенное девушка не рассчитывала, но как Плетущая, пусть почти не

обученная – мастер-класс от Тильдерина не в счет, – не могла отказаться, не попытавшись.

Надюшка увидела красно-оранжевые узелки на синей и голубой нитях, не совпадающие с основным цветом плетения. А увидев, потянулась к ним, желая распустить, разгладить, задать правильное звучание нити. Настроить, как камертоном, на тихо и ясно звучащую нить в ее кулоне, оставленную Тилем.

Не руками – мыслью, намерением, желанием, самой своей сутью Плетущей Мироздание она стремилась сделать это. И тут на ее стороне сыграл родной мир, которому магия действия была пока недоступна, зато передавать силу намерения нити Земли умели превосходно. На какие-то мгновения талант Нади, поддерживающая ее сила родного мира и верный тон божественной магии Плетущего Мироздание Тильдерина совпали в пространстве со спутанными ниточками Варсейма. Пусть не на физическом уровне, но на уровне мысли. Узелки дрогнули, поддаваясь воздействию.

– Никогда бы не подумал, что не только работа на Двадцать и Одну в целом, но и Плетение Мироздания возможно как работа на удаленке, – удивленно пробормотал Дарсен, следя за тем, как опадает буйная пена еще минуту назад ярящихся волн.

– Мы тоже, – скромно признались Двадцать и Одна. – Но надеялись, а вдруг?

– Сдается мне, на этой надежде мир и держится. Последняя Надежда, Плетущая Мироздание! – согласился без обычного сарказма законник и нежно поцеловал любимую невесту, почти жену, в пушистую макушку.

Надюшка умиротворенно вздохнула.

Эпилог

Все счастливые семьи счастливы одинаково? Как бы не так, если в обычную жизнь обычной семьи обычного мира властно вмешиваются факторы, личности и явления извне.

Прошло чуть больше года с тех пор, как один за другим были зарегистрированы два брака. Веры Последней и Дмитрия Шельги, а затем, через небольшой промежуток времени – как документы удалось получить, так сразу, – Надежды Последней и Дарсена Винтера. Через «т», потому как с «д» земной слух родовое имя законника воспринимать категорически отказывался. И если Вера легко и радостно взяла фамилию мужа, то Надя так и осталась Последней по совету супруга. Дарсен буквально наслаждался игрой слов и его подтекстом и совсем не страдал по поводу разницы в фамилиях.

Маленькая квартирка в пятиэтажке, особенно в свете напророченного прибавления, новые семьи не устроила. Вера переехала к мужу, а Надя в небольшой особнячок разорившегося бизнесмена. Дарсену оказался совершенно чужд дух коллективизма, а легкость распространения инфекций в многоэтажке стала последним аргументом в чаще доводов. Короче, законника не устроил даже таунхаус, только свой отдельный дом с высоким забором, и точка! Принесенных на Землю средств достало с лихвой.

Но собственные семьи и работа вовсе не исключили регулярных семейных встреч, а уж когда у новоиспеченной Шельги наметилось прибавление в семействе, Надя старалась бывать у мамы почаще. Где-то на шестом месяце ожидания Вера проснулась ночью и вспомнила все перипетии истории с клещом, рассказанной ей Дмитрием. Вспомнила и больше не забывала. Увы, ее память стала не только первой, но и единственной ласточкой в изменениях мира. Никто из команды-паутинки своих заслуг так и не вспомнил. Зато теперь в присутствии Веры домашние могли спокойно обсуждать дела иномирные и даже беседовать с Двадцатью и Одной. Женщина стала их слышать. Правда, отвечать не стремилась. Побоялась!

А потом ей и вовсе стало не до историй. Родилась двойня мальчишек, вопреки ожидаемому пацану! Надюшка, умиляясь маминой радости, каждую свободную минутку старалась провести с маленькими. Дмитрий сиял и гордился супругой, та светилась, а Дарсен поглядывал на жену и непрозрачно намекал, что пора и им поучаствовать в деле преумножения Надежд. И раз два пацана уже есть, он согласен на парочку дочек, можно не разом, а по одной. Надя розовела и совсем не возражала.

Когда малышам, названным в честь дедов обоих родителей Колей и Мишей, исполнилось по три месяца, Надя в очередной раз приехала навестить крошек. Она, забавляя братьев подвесной каруселькой с музыкой и разноцветными фигурками совы, заметила, что братишки глядят вовсе не на движущиеся по кругу пластмассовые игрушки, а куда-то влево. Именно туда они и потянули свои пухлые ручки. Надя невольно отследила направление и ойкнула. Детки тянулись к большой красной нити Ткани Мироздания, выделяющейся даже на фоне общей пестроты цветов. Пальчики, к счастью, проходили насквозь, но, тут Надюшка могла бы поклясться, малыши явственно видели нить.

– Силы, – привычно позвала Надя, мысленно обращаясь к печати на ладошке.

– Звала, избранная? – с готовностью отозвались Двадцать и Одна.

– Мне только кажется или Коля с Мишей видят Нити Мироздания? – осторожно уточнила Плетущая. – Вы можете проверить?

Силы на несколько мгновений замерли, очевидно активируя свой сверхъестественный сканер, и восторженно выдохнули, пускаясь в яркий танец с переливами радуг, что вызвало громкий довольный смех младенцев:

– Воистину, Надежда, твои братья зрят нити структуры мира! И нас они видят!

– Ой, значит, дар Плетения заложен генетически или только в техническом мире стала возможна активация спящего в семье гена? – задумалась Надя, радуясь и одновременно беспокоясь.

– Воистину так для мира твоего и для тех, кто в пределах его рожден, и твои потомки

тоже должны наследовать искру дара! – залучились довольством Силы. Кажется, они уже мечтали о семейном поряде Плетущих Мироздание.

Надя же смотрела на веселящихся братишек и соображала, как бы потактичнее сообщить о необычности малышей маме и Дмитрию, а Дарсену о перспективах их собственного размножения.

Смотрела, смотрела, а потом махнула рукой: расскажет как есть. В конце концов, маленькие дети только видят, а трогать нити не могут и, пока она их не научит тому, как это делать, ничего не натворят.

– Мама, Дима, Дарсен! Подойдите, пожалуйста! – позвала Надя, выходя на порог детской.

Мама с вымытой тарелкой и полотенцем, Винтер с чашкой и полотенцем наперевес и Дмитрий подошли быстро.

– Силы посмотрели на деток и говорят, что они тоже вырастут Плетущими Мироздание, как я, – призналась Надя.

Тарелка упала на пол из ослабевших маминых пальцев и издала мелодичное «дзинь!», распадаясь на четыре почти правильных осколка.

– К счастью, – вздохнул Дмитрий.

– Э? – неуверенно свел брови Дарсен и уточнил: – А у нас, Надя?

– Наши, скорее всего, тоже.

Чашка пополнила грудку осколков на полу.

– Пусть счастья будет больше, а, малышка? – кривовато улыбнулся законник.

– Пусть, – согласилась Надежда и мысленно продолжила: она их научит, что делать с нитями, а если не будет получаться, позовет на помощь! Пусть дети растут счастливыми среди радуги звуков, вкусов и красок!

Сноски

1

Стихотворение автора. – *Здесь и далее примеч. авт.*